

В. Б. ЛОМЕЙКО

ЕСТЬ ЛИ
ШАНСЫ
У НОВОГО

Адольфа?

В. Б. Ломейко

ЕСТЬ ЛИ
ШАНСЫ
У НОВОГО
АДОЛЬФА?

Издательство «Международные отношения» • Москва 1968

На политической карте Западной Германии вновь проступили коричневые пятна. Застарелый антикоммунизм и мания великогерманского величия дали опасный рецидив. Создание и быстрый рост неонацистской Национал-демократической партии — закономерное следствие внешней и внутренней политики правящих кругов ФРГ. Новый Адольф рвется к власти. НДП — неотъемлемая часть современной картины боннского общества.

Книга представляет собой первую в своем роде попытку проследить истоки и причины возрождения националистического угара в Западной Германии. На основе богатого фактического материала автор анализирует теорию и практику неонацизма и его ударного отряда — Национал-демократической партии.

Острая публицистическая форма изложения, глубокое освещение вопроса делают эту книгу интересной и полезной для читателя.

Рецензент
Ю. А. КВИЦИНСКИЙ

*Еще плодоносить способно чрево,
которое вынашивало гада...*

Бертольд Брехт

От автора

Адольф фон Тадден, председатель Национал-демократической партии, на вопрос английского журналиста, не дает ли ему имя Адольф политических преимуществ, ответил уклончиво: «Видите ли, номер моего членского билета не 7, как у того Адольфа, а 13».

Однако сходство обоих тезок не кончается именами. «У них фамилии разные,— писал английский еженедельник «Тайм энд тайд»,— но политика одинакова».

Зловещая тень вновь наползает на Западную Германию. Создание неонацистской Национал-демократической партии, ее сенсационные успехи на последних выборах говорят о том, что еще сохранилась та питательная среда, в которой культивируется коричневая бацилла. Западные теоретики даже вывели «жуткий стихийный закон», согласно которому «каждые 20 лет Германия стряхивает с себя свою неуклюжую буржуазную добропорядочность и повергает мир в ужас». Но есть люди — их особенно много в Западной Германии, — которые в силу националистического упрямства, ложно понимаемого патриотизма, а часто ослепленные классовой ненавистью или попросту из симпатий к прошлому лезут из кожи вон, чтобы доказать: нет причин для беспокойства, все выглядит вполне благопристойно. И эти успокоительные заверения настораживают еще больше. Уже однажды все так и было...

Чтобы бороться с врагом, его нужно знать. Знать, чтобы разоблачить его лицемерие, ханжество и демагогию, чтобы сорвать с него маску благопристойного и набожного мещанина, обнажать хищный облик и звериное нутро. Знать, чтобы не дать ему скрыть свою человеконенавистническую душу и не дать обрядиться в обличье добропорядочного филистера. Знать, чтобы не впасть в недооценку нарождающейся опасности и не принести снова жертвы иллюзиям, иллюзиям всепрощения и ложного снисхождения.

Я следую голосу своего сердца. Мрачная тень свастики заслонила от моего поколения солнце безмятежного детства. У многих из нас не было ни отрочества, ни юности. Все заменила война. Это очень трудно, когда человек себя помнит только взрослым.

...Мы сидим втроем за огромным чистым столом: мама, я и мой двухлетний братишка. За окном ленинградская зима. Декабрь сорок первого года. На столе, покрытом белой скатертью, три тонких кусочка хлеба. Они кажутся совсем маленькими. Мы молча смотрим на них. Мать подвигает каждому сморщенную хлебную палочку. Но сама не ест. Осторожно, чтобы не уронить ни крошки, она кладет свой кусочек на тонкую прозрачную ладонку младшего сына. Он смотрит на нее большими глазами и молча кладет хлеб обратно перед матерью.

Никто не говорит ни слова. Надо беречь силы. Ведь от обеда до ужина целая вечность. Вечером снова будет хлеб, только еще тоньше, и кружка кипятку. Потом все рано лягут спать. Сон — наш добрый союзник против голода. И будет ночь и снова утро. И снова стол, покрытый чистой белоснежной скатертью. На ней никогда не было крошек.

Мы обязательно должны собираться за обеденным столом. Каждый день. Это придает силы и уверенность. Тогда мы замечаем, что есть время и что оно проходит.

При воздушной тревоге и арналете мы уже не уходим в бомбоубежище. Это очень далеко. Миллион ступенек. Когда завывает сирена, мать кладет нас на кровать в самом углу, подальше от окон. Сама ложится с краю, прижав нас к себе.

Мы лежим втроем. Нам тепло и спокойно с мамой. Скоро кончится налет, и я буду рисовать танки с жирной черной свастикой и пикирующие на них самолеты с яркими красными звездами...

Летом 1967 года мы пришли на Пискаревское кладбище. Нас было много, представителей молодежи из разных стран. Скорбь и гнев звучали в голосе молодой девушки-экскурсовода. Она рассказывала о ленинградцах, победивших блокаду, о тех, кого голод не поставил на колени. А кругом были плиты могил. Жестокая дань непокоренного города. Тишину разорвали глухие рыдания. У соседа справа, молодого немца из Дюссельдорфа, тряслись плечи.

Его не утешали. Он имел право на эти слезы. Прошлое отцов останется непреодоленным, пока его тяжесть не ощутят юношеские плечи, пока не станут понятными горе и скорбь другого народа... У него острые лопатки. Они перестают вздрагивать, когда рука ленинградского парня с Невки ложится ему на плечо. Молча...

Пусть вечное проклятье будет над теми, кто принес в наше детство страшные слова «это было до войны», слова, заменившие нам все остальные летоисчисления. И чтобы это никогда не могло повториться, мы обязаны сохранить в своем сердце неумолимую беспощадность. Беспощадность ко всему, чему позорное имя — фашизм.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА?

Первые грозовые раскаты

Предвидеть — значит быть правым вдвойне: в час утверждения и в момент свершения предсказанного. Развитие событий в Западной Германии полностью подтверждает справедливость неоднократных предостережений Советского Союза, других социалистических стран и демократической общественности Европы относительно чреватого опасными последствиями политического курса Бонна.

«Гром среди ясного неба!» — такими словами французский журнал «Пари-матч» охарактеризовал итоги последних коммунальных выборов в Западной Германии летом 1966 года, когда НДП получила в Байрейте (Бавария) 8,4% голосов, в Ольденбурге (Шлезвиг-Гольштейн) — 11,2% и провела своих представителей в 103 местных органа самоуправления Баварии, 23 коммунальных органа Шлезвиг-Гольштейна. 4 депутата в городской парламент Бремена¹.

Тревожные голоса о растущем влиянии неонацистских сил раздавались уже давно. Однако боннские власти отделялись снисходительной усмешкой: «крикуны-одиночки». И теперь на муниципальных выборах прогремели первые раскаты грома: национал-демократы гурьбой повалили в местные парламенты. На этот раз отвратительная физиономия неонацизма ухмыльнулась так вызывающе и нагло, что даже многие бывшие скептики на Западе забили тревогу.

Французские журналисты, посетившие Западную Германию летом 1966 года, были поражены увиденным в Рейхертсхаузене, одном из городков Баварии. Здесь НДП получила 92% голосов и пост бургомистра. Неонацисты руководствовались старой и испытанной тактикой: «Самое главное, чтобы все ключевые посты были заняты партийными деятелями». А в Рейхертсхаузене такими ключевыми постами являются бакалейная лавка, гостиница, пожарная

команда, спортивный клуб. Казалось бы, что может сделать какой-то там бакалейщик или пожарник. Однако, возглавив социально-экономические центры жизни городка, НДП обеспечила себе 92% голосов, которые привели бывшего унтер-офицера эсесовской дивизии «Дас . райх» Пауля Шефтльмайера в ратушу.

Тоскующие по свастике так крепко взяли в свои руки Рейхертсхаузен, что даже не посчитали нужным созывать политические собрания: всем и так хорошо была известна их программа.

— Мы хотим единой. великой Германии,— говорил бургомистр.

— ...Великой Германии! — повторял городок.

— Никогда не забудем наших провинций, находящихся в Польше, Чехословакии, России. Они станут немецкими.

— ...Станут немецкими,— одобрительно гудел городок.

— Никаких больниц для африканцев, пока их не хватает нам.

— ...Никаких больниц для африканцев,— требовал городок.

— Среди нас не больше нацистов, чем в Бонне.

— ...Не больше, чем в бундестаге,— заявлял городок.

— Здесь, в Рейхертсхаузене, наша политика принесла свои плоды. Но мы хотим большего, ее нужно распространить на всю Германию.

— ...На всю Германию!— ревел городок.

Белая пена оседала в кружках. «Прозит! Прозит! Нет лучшего цемента, чем пиво»,— говорил французским журналистам бургомистр-эсесевец. Да, когда-то пиво скрепило первые сборища национал-социалистов. Сорок лет спустя события развертывались в Рейхертсхаузене, в 30 километрах от Мюнхена. Оттуда совсем недалеко до Дахау.

Снова гремят барабаны

Когда осенью 1965 года на всеобщих выборах в бундестаг только что созданная НДП получила лишь 2% голосов, Фриц Тилен, тогдашний глава партии, сказал: «Будьте спокойны, господа, это лишь начало». А из Бонна успокаивали: «Эта партия скоро исчезнет. Достаточно убить ее молчанием».

Молчание оказалось роковым: к лету 1966 года НДП развернула свои боевые порядки. Второй съезд НДП, сос-

тоявшийся в июне 1966 года, заявил о мобилизационной готовности партии. Первое подтверждение пришло в ноябре из Гессена, где НДП пожалала на выборах обильный урожай.

В субботу, 5 ноября, за день до выборов, Гессен был наводнен листовками НДП. Почти каждая семья получила листовку. Шведская газета «Экспрессен» опубликовала текст письма, который был разослан 19 октября руководством НДП всем своим местным отделениям в ФРГ. Оно было подписано Адольфом фон Тадденом. В письме предписывалось мобилизовать всех членов партии, имевших автомобили, для распространения воззваний. В нем содержалась подробная инструкция действий. Правление партии предписало заблаговременно известить его, сколько автомашин и распространителей может выделить каждое отделение.

Национал-демократы получили в Гессене 224 534 голоса и провели в ландтаг 8 депутатов (из общего числа 96). «Мероприятие, сходное по проведению с заговором, удалось»², — резюмировала «Экспрессен». Впервые в послевоенной истории Западной Германии неонацисты взошли на парламентскую платформу. В Гессене за НДП проголосовало 7,9% избирателей. В отдельных районах процент оказался еще выше. В Марбурге НДП получила 8,8%, в Гисене — 8,8, в Бад-Герсфельде — 10,7, в округе Вальдек — 11,3, в Альсфельде — 12, в Грюнберге — 19,2%³.

Гессенский успех НДП вызвал резко отрицательные отклики за рубежом. «Нью-Йорк таймс», в частности, писала, что еще живы десятки миллионов людей, которые по собственному опыту знают, что означает слово «наци». Не случайно в те дни даже печать союзников ФРГ по НАТО расценивала результаты выборов как «новый нацистский заговор», а английский журнал «Стейтист» охарактеризовал их как угрозу общему европейскому урегулированию. Однако в хоре удивленных и раздраженных голосов не хватало самокритических ноток. Датская «Ланд ог фолк» справедливо указала тем, кто фарисейски разводил руками, что неонацизм получил возможность маршировать по Западной Германии лишь благодаря попустительству союзников Бонна по НАТО.

Что же касается Бонна, то там нисколько не удивились происшедшему. Выступая на пресс-конференции, представитель правительства статс-секретарь фон Хазе заявил, что результаты выборов в Гессене не явились для федерального

правительства «большим сюрпризом». Боннская насадка знала, кого она высиживает. Просто до поры до времени бойцовых петухов хотели выдать за безобидных цыплят. Поэтому министр внутренних дел ФРГ Люкке * громогласно заявил, что успех НДП «не представляет угрозы для немецкой (читай: западногерманской.— В. Л.) демократии». Люкке, разумеется, был прав: угрожать в этом плане было нечему. Как соавтор «чрезвычайного законодательства», он сам активно готовил пышные похороны останков того, что в былые времена носило гордое имя «демократия».

Итак, позиция ХДС прояснилась. Каково же было мнение представителей СДПГ? Тем более, в тот момент в боннских кругах проходили активные смотрины социал-демократической невесты. В ответ на беспокойство за рубежом по поводу возрождения в ФРГ неонацизма депутат бундестага от СДПГ Эрвин Вельке заявил, что «парламент не рекомендует запрещать деятельность объединения бывших эсесовцев ХИАГ и Национал-демократической партии». Причем это говорилось в тот момент, когда Адольф фон Тадден пообещал, что НДП сдержит движение СДПГ вперед.

Однако тревожные голоса все чаще раздавались в атмосфере сознательного попустительства и политического благодушия. Профсоюзная газета «Вельт дер арбайт» предостерегала от недооценки неонацистской опасности: «Тот, кто слишком легко относится к поразительному успеху НДП в Гессене, занимается самообманом»⁴.

И события не заставили ждать. Сразу же после успеха в Гессене национал-демократы бросили все силы на баварский фронт. Главный удар было решено нанести в Средней Франконии. Там, по словам Таддена, была наилучшая возможность осуществить «прорыв» и завоевать те самые 10% голосов, которые должны были обеспечить места в баварском ландтаге.

В Средней Франконии, где живет лишь 15% от 6,8 млн. баварских избирателей, НДП провела 600 собраний, то есть столько же, сколько на всей земле Гессен. Там она распространила 50 тыс. листовок и почти 750 тыс. экземпляров партийного органа «Дойче нахрихтен». Сам Адольф фон Тадден провел 22 больших митинга, дал десятки интервью. Кстати, в одном из интервью он оговорился и в микрофоны

---

* В марте 1968 года министром внутренних дел ФРГ назначен Эрнст Бенда (ХДС).

Би-Би-Си вместо «мы, национал-демократы» сказал «мы, национал-социалисты». В Среднюю Франконию, по сообщению журнала «Шпигель», выехало около 400 добровольцев от НДП из всех западногерманских земель, чтобы помочь однополчанам в решающем сражении. В одной из нюрнбергских пивных член НДП выпятил грудь и, приложив руку к голове, прорычал, обращаясь к заместителю председателя партии: «Рапортую: 60 добровольцев из Эннепе (Рур) и десять машин с громкоговорителями прибыли», — на что Тадден, улыбаясь, ответил: «Спасибо, дорогой, спасибо».

Чтобы не доставить удовольствия «безответственным элементам в стране и за границей» и не вызвать новых протестов, распорядители и функционеры партии бдительно следили за порядком. Таково было строгое распоряжение боссов НДП. Но дух партии трудно укротить. И в мюнхенской пивной «Швабингерброй» в лучших традициях «Бюргерброя» * члены охранного отряда НДП, презрев все указания партийного руководства, выкрутили руки одному юноше, схватили за волосы и выбросили его на улицу. В Клингенберге-на-Майне три деятеля НДП, как коршуны, набросились на 22-летнего немца и, повесив на него картонный щит с надписью «Я срывал плакаты НДП», привязали к фонарному столбу. В Нюрнберге фон Таддену пришлось даже вмешаться лично, чтобы прекратить начавшиеся дебоши.

Бурные предвыборные бои достигли цели: 20 ноября 1966 г. НДП получила в Баварии 780 572 голоса, или 7,4% всех голосов. В решающем округе Средней Франконии результаты были еще более внушительны: здесь НДП получила 12,2% голосов, что дало ей возможность вытеснить СвДП из ландтага. Когда об этом стало известно, Фриц Тилен плюхнулся на диван в мюнхенском центре НДП (Хольц-штрассе, 49) и торжествующе заявил: «СвДП пришлось убраться».

В неонацистском стане победно звучали фанфары: следом за гессенским было выиграно баварское сражение — в баварском ландтаге прочно обосновалась неонацистская община, состоящая из 15 депутатов. На политическом древе боннской республики обломился первый сук. Судя по всему, баварцам пришлось больше по вкусу не **свободные** демокра-

---

* «Бюргерброй» — мюнхенская пивная, излюбленное место встречи нацистов при Гитлере.

ты, а национальные. И это, видимо, вовремя почувствовал шеф НДП Фриц Тилен, по словам которого важнейшая задача НДП состояла в том, чтобы направить в нужное русло «волну национального самосознания» в Федеративной республике. Даже западногерманская печать вынуждена была признать, что баварские выборы превратились почти в мировую сенсацию.

Тайные симпатии к непреодоленному прошлому стали явными. А ведь всего год назад Дитрих Шварцкопф и Олаф фон Врангель в своей книге «Шансы Германии. Политика без иллюзий» самоуверенно утверждали, что «группам правых радикалов никогда не удавалось добиться хотя бы частичных успехов на выборах в муниципалитеты, ландтаги или бундестаг» и это, мол, одно из доказательств демократического характера западногерманской действительности. С обидой жаловались авторы, что «Федеративной республике труднее, чем другим государствам, отстаивать свои национальные интересы на международной арене. Слишком легко национальная политика объявляется националистической, слишком часто делаются неправильные сравнения с прошлым... В конце концов, Федеративная республика не может бесконечно долго оставаться под давлением из-за германского прошлого... Постоянный нажим, непомерные требования, бездоказательное обвинение в симпатизировании прошлому — все это отнюдь не искупает несправедливость, а только вызывает сопротивление и сеет недоверие. Нельзя по любому поводу показывать Федеративной республике зеркало прошлого»⁵. Однако в ноябрьские дни 1966 года господы Шварцкопф и фон Врангель получили великолепный урок «политики без иллюзий».

Не в бровь, а в глаз

Пресловутая «Немецкая волна» из Кёльна 22 ноября 1966 г. в 18 час. 10 мин. по московскому времени откликнулась на итоги последних выборов специальной передачей. «Успех Национал-демократической партии на выборах в Баварии привлек к себе внимание как в Германии, так и за границей,— сообщил диктор.— В один голос от Вашингтона до Владивостока и от Осло до Рима звучит хор голосов, видящих в этом успехе начало нового нацистского движения в Германии. Будущее ФРГ окрашивается при этом в черные краски: снова, как в начале 30-х годов, якобы начи-

нают захватывать власть праворадикальные силы. Эта картина слишком мрачна для того, чтобы быть правильной». Весь тон передачи был успокоительный: мол, много шума из ничего, не следует преувеличивать опасность.

И это говорилось в тот момент, когда демократическая общественность всего мира выражала свое возмущение неонацистской возней в боннской республике. Вот только некоторые из оценок мировой прессы: «Новый нацистский разговор» (английская газета «Ньюс оф уорлд»). «Теперь уже бесполезно отрицать наличие в политической жизни ФРГ неонацизма. Как их ни называй — «национал-демократами» или чем-нибудь в этом роде, — программа неонацистов равнозначна той, с которой Гитлер и его банда завоевали Германию в 30-х годах» (датская «Политикен»).

В Люксембурге был создан «Постоянный комитет борьбы и бдительности» для принятия мер против провокаций западногерманских неонацистов. Секретариат Международной федерации участников движения Сопротивления (ФИР) принял заявление, в котором призывал участников Сопротивления всех политических направлений к совместным действиям против деятельности неонацистов в Западной Германии.

«Фашизм не пройдет» — под таким лозунгом состоялась 5 декабря 1966 г. демонстрация перед окнами западногерманского посольства в Париже. Несколько тысяч человек по призыву французского «Движения за мир, против расизма и антисемитизма» приняли в ней участие. Среди них было много людей со значками бывших узников Бухенвальда и Освенцима, Дахау и других концентрационных лагерей. Руководители движения передали в посольство резолюцию, в которой содержались протест против возрождения фашизма в Западной Германии и требование запретить НДП и другие пронацистские группировки.

Даже отдельные западногерманские газеты, сохранившие чувство стыда и ответственности, не могли так благодушно хлопать по плечу новоявленных экстремистов, как это делали «Немецкая волна» и ее кормилицы из Шаумбургского дворца. «Вестфелише рандшау» назвала постыдными итоги выборов в Баварии, которые, по ее мнению, вселяют «тревогу и страх». Газета «Кёльнер штатданцайгер» писала, что «немцы, очевидно, ничему не научились на уроках, которые им преподал тоталитаризм»⁶.

Но боннские лидеры тут же постарались одернуть «завравшихся очернителей», поскольку именно они своим не-

уместным критиканством подрывали международный престиж рейнской республики. Именно об этом заявил пресс-бюллетень ХДС/ХСС, комментируя результаты выборов. Бюллетень предостерегал, что успех НДП в Баварии не должен служить поводом для паники.

А статс-секретарь фон Хазе, выступая 21 ноября 1966 г. на очередной пресс-конференции, пошел еще дальше. По его словам, западногерманское правительство не намеревалось предпринимать каких-либо мер против НДП и не придает «большого значения» протестам, доносящимся из-за границы. Более того, заявил статс-секретарь, представители НДП, избранные в ландтаги земель Гессен и Бавария, «должны на практике показать, как они могут по-деловому работать».

Разумеется, после такой просьбы лидеры НДП засучили рукава и начали работать еще более по-деловому. Адольф фон Тадден решил перенести свою деятельность поближе к бундестагу. 19 декабря 1966 г. он прибыл в Бад-Годесберг, расположенный рядом с Бонном. В этом городе, являющемся штаб-квартирой многих правительственных органов и посольств, НДП организовала митинг.

Зал на две тысячи мест был набит битком. Большинство присутствовавших заплатило за вход по две марки. Полиция даже была вынуждена вернуть назад несколько сот лиц, желавших присутствовать на этом собрании: кто-то подделал входные билеты и в зале оказалось больше людей, чем мест.

Свое выступление фон Тадден начал с заявления, что правительство более не выражает воли народа и что самым лучшим решением были бы новые выборы (так был облит презрением призыв ХДС к деловому сотрудничеству). Кое-где в зале раздались враждебные выкрики, но их заглушили аплодисменты, которыми было встречено заявление оратора. «Мы доказали, что партия может добиться успеха, не пользуясь общественной кормушкой», — самоуверенно вещал фон Тадден. Он говорил более двух часов, и слушатели не раз поддерживали его восторженными криками.

Подобные сцены не были исключением. По всей стране прокатилась волна триумфальных митингов, где бывшие и новоявленные наци обещали согражданам свое скорое пришествие в Шаумбург. Это было настолько впечатляюще, что английская газета «Дейли миррор» поместила по сему поводу карикатуру. На ней был изображен перепачканный сажей Гитлер, который разгребал золу в адской печи. Рядом

с ним стоял огромный дьявол. Он держал в руках газету с заголовком «Триумф национал-демократической партии в Баварии» и мрачно обращался к фюреру: «Если бы отсюда можно было выбраться так же легко, как из «Вормвуд скрабс» (английская тюрьма, из которой удалось сбежать крупным преступникам), ты наверняка бы сейчас снова ораторствовал с какого-нибудь балкона».

Гитлер, как известно, свое отораторствовал. Многим из его восторженных слушателей политическая близорукость стоила жизни. На этом фоне трагическим фарсом выглядели новые взрывы энтузиазма тех, кто внимал голосу нового Адольфа.

В этой атмосфере националистического и неонацистского угара раздалось суровое, но справедливое предостережение из Москвы. 29 января 1967 г. было опубликовано Заявление Советского правительства, вновь поставившее вопрос об опасном возрождении нацизма:

«Во многих городах ФРГ проводятся митинги, демонстрации и факельные шествия, поразительно напоминающие нацистские сборища 30-х годов. В политической жизни страны все более заметную роль играют многочисленные организации, союзы и группы, по существу исповедующие фашизм и стремящиеся заразить неонацизмом широкие слои населения ФРГ, но снисходительно именуемые в Бонне «праворадикальными» и «экстремистскими». Публикуются «исторические исследования» о Гитлере, Геринге и Геббельсе, издаются письма Гесса, дневники Риббентропа, с помощью которых восхваляются главари третьего рейха. Редкий день обходится без нацистских и антисемитских вылазок. Распространяется множество фашистских листовок, свастики вновь смотрят со стен в городах ФРГ...

Возрождающийся нацизм в ФРГ,— подчеркивалось в Заявлении,— это проявление рокового недуга, который подточил и разрушил основы Веймарской республики, породил гитлеровский режим с его чудовищными преступлениями против мира и человечества»⁷.

Заявление Советского правительства получило широкую международную поддержку. Однако официальная реакция Бонна была не просто отрицательной. Она была проникнута широкой гаммой нюансов: от оскорбленной невинности и обиды до раздражения и возмущения. Христианский демократ Ратке попытался подвесить к заявлению испытанный ярлык «злонамеренной клеветы», а парламентский секретарь «оппозиционной» СвДП Геншер договорился до того,

что советская нота ФРГ преследует якобы цель... «помешать политике разрядки, проводимой Федеративной республикой». Социал-демократы также не проявили трезвости и серьезного подхода к глубоко аргументированному предостережению Советского правительства. Они присоединились к хору защитников неонацизма, злобно атакуя Советский Союз.

Словом, на Рейне образовался своеобразный фронт, поставивший своей целью обелить наследников Гитлера и объединить представителей всех боннских партий. Но именно характер аргументации Бонна, старавшегося представить неисправимых последователей фюрера демократами правого толка, с головой выдавал западногерманских лидеров как укрывателей неонацистов. Между тем, как показывает исторический опыт, и это подчеркивалось в Заявлении, в условиях, когда преуменьшается угроза крайне правых течений, возникает та питательная среда, на которой произрастают затем ядовитые побеги фашистского чертополоха.

Советское заявление явно попало не в бровь, а в глаз сторонникам милитаристского и неонацистского развития Западной Германии. Об этом свидетельствовала болезненная и злобная реакция самого Бонна. Подтверждением тому было единодушное осуждение мировой демократической общественностью неонацистской возни на рейнских берегах.

Истинность оценок познается со временем. И события ближайшего времени подтвердили своевременность предупреждения Советского правительства относительно опасной активизации неонацистских и милитаристских сил в ФРГ.

Грызня в коричневом семействе

О том, что шеф НДП Тилен не любил своего заместителя фон Таддена, в партийных кулуарах поговаривали уже давно. Для посвященных не было секретом и то, что прусский барон платил взаимностью своему патрону, бременскому фабриканту бетона. Внешне, однако, все было обставлено вполне прилично. Фриц Тилен не раз похвалялся перед журналистами: «У нас нет ни интриг, ни выстрелов из-за угла». А центральный орган НДП «Дойче нахрихтен» в номере от 9 марта 1967 г. широко возвещал на первой полосе: «Нет ни одной партии более сплоченной, чем НДП».

Злая ирония судьбы. Именно в тот день подлинные стра-

сти, бушевавшие внутри НДП, выплеснулись наружу. Тилен единоличным решением исключил из партии своего заместителя фон Таддена и вместе с ним «теоретика» НДП, бывшего оберштурмбаннфюрера СА Отто Гесса. Членством в партии заплатились также шесть активных деятелей НДП из земли Нижняя Саксония.

После создания НДП фон Тадден, бывший шеф Немецкой имперской партии, и Фриц Тилен, вдохновитель Немецкой партии, первое время дружно тащили в гору неонацистский воз. С ростом партии росли и амбиции. Прусский юнкер покорно нес свой крест вице-председателя, не забывая, однако, и о дне грядущем. Постепенно он не только прибрал к рукам организационные и финансовые дела в партии, но и установил полный контроль над газетой «Дойче нахрихтен». Уже вскоре после основания НДП он дал негласное указание своим старым друзьям из Немецкой имперской партии забрать в свои руки финансовые посты в НДП. Бывший баварский лидер НДП Франц Флориан Винтер, вышедший осенью 1966 года из партии, заявил тогда, что все важнейшие посты в НДП захватили сторонники фон Таддена. Джордж Эдвардс, корреспондент английской газеты «Ньюс оф уорлд», сообщил об этом, ссылаясь на свою беседу с Винтером.

Винтер, состоятельный 43-летний мясник, живший у озера Тегерн, примерно в 40 милях от Мюнхена, показал ему секретный документ, свидетельствующий об ожесточенной борьбе за власть в НДП. В своем письме к членам партии Винтер призывал их остановить волну нацизма, чтобы избавить Западную Германию от новой катастрофы. По его словам, в НДП усиливалось крайне экстремистское крыло, возглавляемое фон Тадденом. «Я не мог дальше разделять ответственность за все это», — заявил Винтер Эдвардсу. Семья Винтера сообщила журналистам, что нацисты в последствии день и ночь преследовали его. Они объявили его предателем и угрожали убить.

Однако до поры до времени лидеры НДП старались не выносить сор из неонацистской избы. Тилен считал себя достаточно сильным. Фон Тадден со своей стороны не мешал шефу пребывать в сем приятном заблуждении, но в то же время неустанно сколачивал собственную партию внутри НДП. Плотина прорвалась 2 февраля: в этот день фон Тадден назначил досрочные выборы нижнесаксонского правления НДП, где выставил свою кандидатуру на пост председателя. Собрание 115 голосами избрало его председа-

телем земельной организации вместо прежнего, Лотара Кюне, который получил лишь 72 голоса.

Тилен был взбешен: «Он же обещал мне не выставлять своей кандидатуры. Это уж слишком: нахватать столько постов в партии», — и посылал проклятия в адрес фон Таддена. Сторонники Тилены Герхард Борк, Фриц Винкельман и Вильгельм Михельс подали жалобу в бременский суд. Восьмая гражданская палата бременского земельного суда объявила результаты выборов недействительными, поскольку Кюне в момент голосования формально находился на своем посту. И Тилен начал действовать. 10 марта почти все западногерманские газеты вышли с сенсационными заголовками «Открытый разрыв в НДП: Тилен исключил из партии своего заместителя фон Таддена и семь его сторонников».

Но недаром в кулуарах НДП считали, что фон Тадден обладал бóльшим политическим и тактическим опытом, чем группа Тилены. Когда утром 9 марта фон Тадден получил срочное письмо с извещением об исключении из партии, он забаррикадировался в помещении редакции «Дойче нахрихтен» в Ганновере на Каналь-штрассе, 10 и начал активные переговоры по телефону. В это время его друзья, член президиума НДП Удо Валенди и шеф гамбургских национал-демократов Хорст Гюнтер Швеймер, заняли помещение федеральной канцелярии НДП и перешли к активной обработке нужных людей.

Барон нажал на все педали, и, пока Тилен ехал на машине в Ганновер, бременская организация НДП исключила его из своих рядов. Об этом бременскому фабриканту не без злорадства было сообщено, когда он по-хозяйски развалился на голубой кушетке в партийной резиденции барона.

10 марта вечером Тилен по телеграфу созвал членов федерального правления НДП. На повестке дня значилось лишь: 1) обсуждение решения бременского земельного суда; 2) исключение восьми членов партии. Заседание состоялось во франкфуртском ресторане «Уланд экк». Его владелец Штёкк, служивший до этого шеф-поваром на судне «Ганзетик», сам стоял у порога и пропускал лишь тех, кого знал в лицо. Фон Тадден не участвовал в заседании. Усердно потрудившись накануне, он был уверен в благополучном исходе совещания и ожидал результатов в гостинице «Савой». В 18 час. 30 мин. к ресторану подкатил черный «мерседес» Тилены. Началась драка, и председатель партии прорвался в помещение. Там его встретил Штёкк. «Что Вам

здесь надо?»— грубо спросил он. Тилен, сдвинув шляпу на затылок, бросил: «Я федеральный председатель НДП». «В таком случае, Вы последний, кого я сюда пускаю»,— отрезал Штёкк. Затем Тилена встретил его заместитель Вильгельм Гутман: «Господин Тилен, земельная организация исключила Вас из НДП. Мы хотели бы просить Вас оказать партии последнюю услугу и добровольно оставить свой пост».

Взбешенный Тилен наотрез отказался удовлетворить такое пожелание и покинул зал заседаний. Члены правления, не мешкая, подтвердили решение бременской организации об исключении Тилена из партии и назначили лидера земельной организации НДП в Баден-Вюртемберге Вильгельма Гутмана временно исполняющим обязанности председателя. Представителям печати поздно вечером было сообщено, что президиум НДП с одобрения правления освободил от занимаемых постов также Лотара Кюне, бывшего председателя организации НДП в Нижней Саксонии, и члена правления Фрица Винкельмана. Было решено поставить вопрос об их исключении из партии. В заявлении для печати говорилось, что Тилен, которого явно поддерживали Кюне и Винкельман, причинил партии «огромный вред», ибо «нанес удар в спину» национал-демократам Рейнланд-Пфальца и Шлезвиг-Гольштейна накануне земельных выборов. Фон Тадден, Отто Гесс и шестеро других, исключенных Тиленом, были полностью реабилитированы. А уже на следующий день фон Тадден был удостоен бурных аплодисментов на предвыборном съезде земельной организации НДП Рейнланд-Пфальца в Майнце. Вильгельм Гутман, выступая перед восторженными почитателями нового руководства, заявил: «Национал-демократическая партия подобна каменной глыбе, о которую некоторые еще расшибут свой череп».

Бременский фабрикант бетона с упорством, достойным своих изделий, продолжал цепляться за ускользающую власть. 12 марта он аннулировал свою подпись на финансовых документах НДП и тем самым наложил запрет на ее банковские счета. Партийному казначею Отто-Теодору Брауэру пришлось спешно выезжать в Ганновер и Бремен, чтобы открыть новые банковские счета. Одновременно Тилен подал жалобу в бременский суд на решение правления НДП. В качестве жалобщиков выступили также Винкельман и Кюне. Судя по всему, фабрикант бетона пользовался у судебных органов родного города бóльшим доверием и

поддержкой, чем у членов собственной партии. Во всяком случае, уже через десять дней бременский суд принял решение, согласно которому Фриц Тилен мог впредь до особого распоряжения осуществлять свои права в качестве председателя партии.

Тем не менее одна за другой земельные организации НДП заявляли о своей поддержке прусского барона. В числе первых фон Таддена поддерживали баварцы и нижнесаксонцы. Фриц Тилен продолжал в бессильной ярости метать громы и молнии против «предателя». Причем любопытная деталь. Еще совсем недавно Тилен и его сторонники крестились и божились, что в партии нет ни одного нациста. Когда Винтер заявил о своем уходе из НДП, ссылаясь на ее экстремистский характер, Фриц Тилен в бешенстве орал на него: «Мы не нацисты. Это дьявольская ложь». Но едва бывшие дружки Тилена выбросили его самого из национал-демократического движения, он тут же обозвал их экстремистами. А Кюне, получив пинок от фон Таддена, заявил: «Здесь действуют методами штурмовиков».

Эти вынужденные признания, сделанные в приступе злобы проигравшими компаньонами, лишний раз подчеркивали пронацистский характер НДП и демагогичность ее лидеров. И фон Тадден, и Тилен при всем их различии,— одного поля ягоды. В борьбе за власть победила группировка прусского барона. Многие обозреватели оценили это как победу наиболее махровых неонацистов. «Нойе Рейн цайтунг» заявляла в те дни, что «радикальное крыло НДП лишило власти председателя этой партии» и что в дальнейшем эта партия «будет следовать еще более резкому политическому курсу». Английская газета «Гардиан» писала 13 марта, что победила «более откровенная, если не более экстремистская группировка фон Таддена».

Что касается официального Бонна и коалиционных партий, то они выражали подчеркнуто шумную радость по поводу скандала в НДП. Боннские покровители потирали руки: события в НДП вполне устраивали их. С одной стороны, к руководству пришли более откровенные экстремисты, на фоне заявлений которых довольно безобидно выглядел собственный реваншистский и милитаристский курс. С другой стороны, скандальные потасовки неонацистских лидеров давали удобную возможность пустить густую пропагандистскую завесу: НДП, мол, раскололась и взаимные распри вконец доконали эту и без того слабую партию. Можно было заявить, что национал-демократы сами «взорвали се-

бя» и никогда не выберутся из-под обломков. Чтобы оживить неонацистскую партию, ей устроили пышные похороны — спектакль в печати. Но фарс не удался, и на политической карте рейнской республики вскоре проступили новые коричневые пятна.

Под звуки государственного гимна

Время сенсаций прошло. Эмоции уступили место рассудку. С таким прогнозом шпрингеровской печати успокоенный западногерманский обыватель шел 23 апреля 1967 г. на выборы в землях Шлезвиг-Гольштейн и Рейнланд-Пфальц. Новое правительство, верное старому лозунгу ХДС «Никаких экспериментов!», искренне не желало сенсаций. Всякий скандал, тем более с пронацистским душком, мог лишь нарушить хрупкое счастье неравного брака большой коалиции. А время разводов еще не наступило. Нужны были вполне благопристойные выборы. Поэтому на Рейне заранее позаботились раструбить о предстоящем поражении национал-демократов. При этом те шансы, которые они имели до мартовского скандала, сознательно завышались, чтобы затем на этом фоне намеренно приуменьшить реальные позиции.

Результаты же таковы: после гессенского и баварского еще два ландтага в ФРГ пополнились коричневыми фракциями. В каждом из них восседало теперь по четыре депутата от НДП. Сенсаций, действительно, не последовало. Итоги выборов были вполне закономерны. НДП набрала около 6% голосов избирателей. Возможно, что это несколько меньше, чем рассчитывали национал-демократы, но тому были свои причины. В частности, выборы происходили всего лишь через четыре дня после смерти Аденауэра. И ХДС сполна получила дивиденды с авторитета покойного экс-канцлера. Национальный траур возвысил его преемников в глазах обывателя.

В то же время грызня за власть ослабила ряды национал-демократов. Посему так единодушен был мажорный хор официальных пропагандистов: НДП спешили выставить в смешном свете. Но презрев сарказмы, национал-демократы в тот день уверенно просунули плечо в дверь боннской политики.

Итоги выборов не успокаивали, а настораживали. Если даже в неблагоприятных для себя условиях неонацисты до-

бились успеха, то что можно было ожидать в будущем? Медовый месяц пока скрашивал шероховатости неравного брака христианских и социал-демократов. Но уже первые семейные ссоры предполагали богатую скандальную хронику. Относительная стабильность правительства большой коалиции была неестественна и потому чревата новыми потрясениями. Золотая осень для сбора плодов неонацистской демагогии была еще впереди. А пока без шума и сенсаций они укрепляли свои позиции, готовясь к решающим боям. Их вполне устраивало «странное» перемирие. Тем паче после мартовской рокировки.

Действительных демократов, не отравленных националистическим дурманом, тревожило, однако, преступное бездействие официальных властей. Бездействие, порожденное симпатиями и покровительством. Укрепление позиций правых сил и их неонацистского авангарда сопровождалось умиротворительными заявлениями из дворца Шаумбург. Официальная версия о «раздутой опасности» неонацизма вновь стала мерилom лояльности бундесбюргера. Взывавших к бдительности открыто называли возмутителями боннского спокойствия, коря в забвении национальных интересов.

Но более всего на Рейне ополчились в те дни против врага внешнего. Вдохновленные лозунгом, что лучший вид обороны — наступление, боннские пропагандисты винили в растущей активности неонацизма... протестующую зарубежную общественность. «Немецкая волна», посвятившая этой проблеме немало передач накануне выборов, утверждала, что именно преувеличенные сообщения иностранной печати об успехах НДП побудили многих избирателей отдать свои голоса этой партии. Автор передачи открыл даже новую закономерность: «Чем громче становились нападки на НДП из-за рубежа, тем более избиратели чувствовали себя призванными поддержать эту партию...».

Получалось довольно ловко, и кельнским покровителям нельзя отказать в изобретательности. Вокруг НДП был нарисован этакий заколдованный круг — ни перескочить через него, ни выбраться. В таких условиях сказать что-нибудь нелестное о новом Адольфе и иже с ним означало создавать ему популярность.

Развенчав мнимую опасность неонацизма, доброжелатели НДП зывали к состраданию. «Стоит ли запрещать НДП?» — спрашивали в Бонне, а из соседнего кабинета отвечали: «Ни в коем случае. Национал-демократы значитель-

но опаснее в подполье. А на виду у нашего бдительного правосудия нам не страшен никакой волк: ни серый, ни коричневый!».

Итак, молодая поросль с замашками штурмовиков, исполненная «национального самосознания», не спеша обосновывалась в земельных ландтагах. Это было даже удобно отцам боннской республики: парламентская благопристойность придавала национал-демократам демократическую респектабельность.

Укрепившись в ландтагах четырех земель, лидеры НДП занялись упорядочением организационных дел. На середину мая было намечено проведение чрезвычайного съезда НДП, на котором предполагалось избрать нового федерального председателя.

Намерение неонацистов справиться в Висбадене внеочередной федеральный шабаш вызвало многочисленные протесты профсоюзов, демократических молодежных организаций Западной Германии. Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме, потребовало запретить это сборище и саму партию. 3 мая в печати появилось сообщение, что городские власти Висбадена расторгли договор об аренде НДП крупнейшего в этом городе зала «Рейн-Майн-халле», где неонацисты намеревались провести 10 мая свой съезд. Лидеры НДП, разразившись криками о преследовании «истинных немецких патриотов», перенесли съезд на тот же день в Нюрнберг. Для этой цели был арендован нюрнбергский ярмарочный зал: ожидалось прибытие от 3 тыс. до 5 тыс. делегатов. Однако 9 мая вечером компания, которой принадлежал зал, неожиданно аннулировала договор об аренде. Правда, НДП сумела 10 мая утром добиться от нюрнбергского административного суда временного решения, по которому компания была обязана выполнить договор о сдаче в аренду своего зала. Но в среду днем владельцы зала обжаловали решение суда.

Итак, майский съезд НДП не состоялся. Казалось бы, демократия восторжествовала. Однако в действительности все выглядело не так просто. Вместо того чтобы запретить неонацистскую партию, западногерманские власти сорвали ее съезд. Это, в конечном счете, устраивало обе стороны. Теперь можно было заткнуть рот и своим, и зарубежным критикам.

Ну, а фон Тадден? Что ж, он и так не очень настаивал на созыве съезда. Разве что только ради соблюдения видимости демократии, ведь бывший шеф НДП Фриц Тилен был

избран съездом, а убран правлением. Для полного этикета такие перемены должны были быть освящены высоким федеральным собранием. Кое-кто в НДП требовал соблюдения устава и даже предлагал на пост председателя НДП лидера фракции национал-демократов в баварском ландтаге Зигфрида Цельмана. И хотя большинство поддерживало кандидатуру фон Таддена, последний не был заинтересован в спешке. Время работало на него. Играя на чувствах униженного и оскорбленного достоинства национал-демократов и их приверженцев, фон Тадден умело взвинчивал националистические страсти. Акция по срыву съезда была продумана не просто тщательно, а ухищренно. Договор об аренде зала аннулировали, когда делегаты съезда уже съехались в Нюрнберг. По существу фон Тадден, не рискуя выслушать оппозицию, мог произнести тронную речь. И он сделал это 10 мая перед многотысячной толпой национал-демократов, собравшихся перед залом «Мессе-халле».

«Ни безумие отдельных личностей, ни насилие извне не могут погубить нашу партию», — вещал Адольф фон Тадден через громкоговоритель. «Такие вещи, которые происходят сейчас, не могут нас сломить. Напротив, они закаляют нас!» — с пафосом взывал прусский юнкер, и толпа гудела угрожающе и восторженно. Затем временный шеф НДП Вильгельм Гутман запел западногерманский гимн. Как в лучших театрализованных представлениях, огромная масса людей верноподданнически подхватила хвалебные строфы своему государству, которое ниспослало им нового фюрера.

«Испытания» действительно не сломили национал-демократов. Они доказали это вновь на выборах в ландтаг земли Нижняя Саксония 4 июня 1967 г. Четверть миллиона избирателей, или 7% общего числа участвовавших в выборах, проголосовали за НДП. Очередной отряд неонацистов численностью в десять единиц взобрался на скамьи нижнесаксонского ландтага.

И произошло это, несмотря на внутренние распри, которые стоили национал-демократам отлива многих бывлых сторонников: как раз в мае Фриц Тилен, окончательно убедившись в черствой неблагодарности своих компаньонов по НДП, приступил к формированию новой Национальной народной партии. «Я чувствую себя теперь, как рыба в свежей воде», — похвалялся Тилен перед журналистами.

Правда, от этой «свежей воды» за версту несло старой неонацистской плесенью. Да и сам крестный очередного неонацистского выкормыша не очень претендовал на ори-

гинальность. Он заявил, что новая партия мало чем будет отличаться от НДП. «Я лишь облачил эту партию в новые одежды», — высокопарно витийствовал он, завлекая в свои ряды прежних сторонников по НДП.

Без сомнения, взаимные распри ослабляли национал-демократов. Однако тем более настораживали их успехи. Захватив плацдармы в пяти из десяти западногерманских ландтагов, национал-демократы ушли на каникулы: нужно было набираться сил; впереди предстояли новые сражения.

Вперед, на бундестаг!

Нельзя сказать, чтобы для Адольфа фон Таддена и его друзей лето 1967 года было безмятежным и вольготным. Работы было предостаточно. Следовало залечить раны, полученные в потасовке с незадачливым, но упрямым бременцем, одержать победу на земельных выборах в метрополии Фрица Тилена и разработать новую программу партии.

И члены правления НДП не щадили себя в своем националистическом рвении. 1 и 2 июля в Гамбург на заседание правления партии были приглашены председатели специальных комитетов для обсуждения принципов будущей программы. 19 августа 1967 г. президиум НДП назначил редакционную комиссию по выработке новой программы в составе фон Таддена, Гесса и неонацистского писателя Удо Валенди. В работе комиссии принимали участие также профессор Анрих, фон Грюнберг и Рихард. После усиленной «теоретической» деятельности неонацистских идеологов на свет родился проект новой программы, который предстояло принять на III федеральном съезде НДП, назначенном на 10—12 ноября 1967 г. в Ганновере.

Теоретические терзания не мешали фон Таддену готовиться к бременской схватке. Мартовская склока в НДП в свое время вызвала волну официальной иронии в Бонне: мол, эти драчливые петушки скоро свернут друг другу шеи. В ответ на эту язвительную снисходительность правительственных комментаторов фон Тадден пообещал тогда: «Цыплят по осени считают...».

1 октября 1967 г. были подсчитаны голоса бременских избирателей НДП: их оказалось 8,8%. Национал-демократы продолжали свое победное шествие. Вслед за Гессеном, Ваварией, Рейнланд-Пфальцем, Шлезвиг-Гольштейном, Нижней Саксонией было выиграно и бременское сражение.

Западногерманская печать не скрывала, что на итогах выборов сказалось недовольство населения политикой «большой коалиции». Горькие плоды своего соглашательства пожинали, в частности, социал-демократы, потерявшие в Бремене восемь мандатов (кстати, национал-демократы получили в бременском ландтаге именно восемь мест). «Нойе Рейн-цайтунг» отмечала, что рост числа голосов, отданных за НДП, «вновь является сигналом тревоги».

Но такая реакция не была характерной для официального Бонна. Там продолжали хранить снисходительное спокойствие и невозмутимость. «Рейнише пост» подчеркивала: «Боннская коалиция не считает, что ее затрагивают выборы в Бремене»⁸. Еще бы! Итоги бременских выборов были логическим следствием боннской политики, в которой НДП отводилась вполне определенная роль ускорителя националистических и экспансионистских процессов.

Интересная деталь. Как раз накануне выборов министерство внутренних дел ФРГ вновь выступило с успокоительными прогнозами в отношении национал-демократов, число которых, по мнению боннских экспертов, неуклонно сокращалось. В чрезмерном усердии принизить неонацистское влияние официальные власти вызвали даже недовольство своих подопечных. Адольф фон Тадден выступил с опровержением: «Нас не 23 тысячи, как говорят в Бонне, а на 10 тысяч больше, и мы продолжаем неуклонно расти». И ганноверское собрание неонацистов подтвердило амбиции своего лидера.

Для проведения III съезда был арендован крупнейший в Ганновере зал «Нидерзаксен-халле». Портал зала украшали гирлянды из еловых веток. Из репродукторов лилась музыка Баха. Мирная идиллическая картина, символизирующая мнимую благопристойность неонацистского собрания. Наученные опытом лидеры НДП дали делегатам съезда категорическое указание не украшать своих автомобилей плакатами и символами НДП и проезжать к «Нидерзаксен-халле», минуя центр города во избежание возможных инцидентов. Было сделано все, чтобы не привлекать излишнего внимания противников партии и не раздражать западногерманского обывателя навязчивыми ассоциациями с событиями 30-х годов.

Кроме того, видимо не очень полагаясь на внешнюю маскировку неонацистов, официальные власти со своей стороны проявили о них максимальную заботу. Поблизости от здания, где проходил съезд, разместились 1,5 тыс. полицей-

ских (по одному полицейскому на каждого делегата), три мощных водомета и свора овчарок. Надо отдать должное полицейским земли Нижняя Саксония: они сумели гораздо надежнее защитить неонацистское сборище от протестующих сограждан, чем это сделали их коллеги летом 1966 года в Карлсруэ.

На съезде под защитой блюстителей порядка ораторы откровенно похвалялись своими успехами: менее чем за три года партия смогла завербовать в свои ряды более 33 тыс. членов. Значительно изменился социальный и возрастной состав партии. Неонацисты обрушили на молодежь поток демагогической пропаганды, сумев собрать неопытных и недовольных молодых людей вокруг «старых борцов», вступивших в НСДАП задолго до 1933 года. В статье «Три года НДП», опубликованной в специальном выпуске «Дойче нахрихтен», Адольф фон Тадден сообщал, что НДП удалось снизить средний возраст своих членов от 50 лет в 1965 году до 42 лет в 1966 году. «Это развитие продолжается,— торжествовал он,— и сегодня 52% всех членов НДП — моложе 40 лет!»⁹.

Фон Тадден не скрывал своего удовлетворения и по поводу успехов партии среди определенных слоев рабочих. Ловко используя недовольство горняков кризисом в угольной промышленности, растущей безработицей, национал-демократы увлекли кое-кого за собой. «Последний опрос в Рурской области показал, что, если бы сейчас состоялись выборы, НДП собрала бы довольно значительное число голосов в Руре,— злорадствовал фон Тадден.— И это особенно фатально, если учесть, что Рурская область как раз не является „классовой базой“ для „правого радикализма“»¹⁰.

Открыто бравируя своими успехами, национал-демократы объявили свой съезд «конгрессом немецкой оппозиции». Под таким заголовком вышел предсъездовский номер «Дойче нахрихтен». Исполнявший обязанности председателя партии Вильгельм Гутман заявил, что ганноверский съезд «открывает новую главу в истории НДП».

Новое было не только в выборах нового правления и принятии новой программы. В правление партии избирались уже не просто бывшие гитлеровцы и их последователи, а сенаторы, депутаты земельных парламентов, городские советники, бургомистры. Если на II федеральном съезде НДП еще не была представлена в парламентах страны, то к III съезду среди делегатов было не менее 48 членов ланд-

тагов — не бедные родственники богатых партий, не безродные граждане боннской республики, а самоуверенные бюргеры, познавшие вкус власти.

Новое было и в том, что партия испытала на практике и не без успеха эффективность своих программных установок. Сейчас уже лидеры НДП намеревались лишь совершенствовать свое пропагандистское оружие: новая программа должна была открыть двери в бундестаг — демагогия должна стать более изощренной, а националистический пафос еще более въедливым и одурманивающим.

Новая программа партии представляла собой старательно и детально продуманную апелляцию ко всем недовольным. Не была забыта ни одна категория населения. Рабочим и капиталистам, крестьянам и торговцам, ремесленникам и интеллигенции, солдатам и пенсионерам, студентам и женщинам — всем обещались всевозможные блага. Никто не был обижен, все обнадеживались. Главное — увлечь избирателей лозунгами и обещаниями. А то, что их нельзя было выполнить, играло даже на руку НДП. За это несли ответственность партии, стоявшие у власти. Получая в кредит доверие бундесбюргера, НДП отсылала неоплаченные счета правительственным партиям, которых она же обвиняла в несостоятельности. При этом неонацисты нисколько не боялись обидеть своих боннских покровителей. Откровенно издеваясь над их «гнилым либерализмом», национал-демократы предлагали свои услуги истинным хозяевам положения — боссам монополистического и финансового капитала. НДП считала, что она лучше других сумеет одурманить народ националистическим угаром и социальной демагогией, взвинтить антикоммунистические страсти, железной рукой задушить левую крамолу в стране и повести новое поколение в поход за «жизненное пространство».

Неонацисты открыто показали свои зубы, когда на съезде обсуждались военная и внешнеполитическая программы партии. В подготовке первой, как было объявлено, участвовали офицеры бундесвера. Разве стоило после этого удивляться таким тезисам: «Организацию вооружения следует приспособить к нашим максимальным задачам... Армия должна стать школой воспитания молодежи... Необходимо восстановить честь бывших военнослужащих СС. Командование бундесвером должно полностью перейти в немецкие руки... Необходимо создать свой генеральный штаб... Главной задачей является развитие своей военной промышленности и расширение военно-технических исследований»¹¹.

Военные требования обуславливались реваншистскими замыслами. «Мы не смирился с результатами военного поражения,— открыто заявлял с трибуны съезда Вильгельм Гутман.— Мы отклоняем Потсдамские соглашения и положение, созданное ими». А его коллега и один из составителей новой программы Рихард откровенно выболтал содержание дискуссий, которые велись на закрытых заседаниях правления НДП: «Мы долго обсуждали, каких же новых границ нам следует требовать. Думали сначала назвать в резолюции Силезию, Померанию, Мемель, Восточную Пруссию, Судетскую область. Мы говорили о том, что неправильно утверждать, будто существует австрийская нация, это к тому же мешает решить и вопрос о Южном Тироле. Мы обдумывали, где же нам следует остановиться. И мы решили не ограничивать, не связывать себя определенными рамками. Мы приняли широкую формулу — она вмещает в себя все. Наш народ еще не подготовлен к выполнению великой задачи. Нельзя нетренированного бегуна посылать на стометровку. Задача нашей партии провести эту тренировку. Только тогда можно начинать». Яснее, как говорится, не скажешь.

Провозгласив программные установки, национал-демократы начали действовать. В качестве главного тренера и капитана неонацистской команды был избран фон Тадден. Избрание прусского барона на пост председателя НДП было предрешено задолго до съезда. Решающая проба сил состоялась еще в марте 1967 года, когда самоуверенный бременский фабрикант Фриц Тилен был снят с поста председателя партии и выброшен за борт национал-демократического движения более энергичным и опытным соперником.

Интересно отметить, что в разосланной представителям печати за несколько недель до съезда повестке дня было указано, что с заключительным словом на съезде выступит фон Тадден, а не исполнявший обязанности председателя НДП Вильгельм Гутман. Как известно, по традиции с заключительным словом выступает председатель партии.

Барон был уверен в победе и не обманулся: 1293 делегата съезда из 1384 присутствовавших проголосовали за него. Более того, из 25 членов правления, избранных на съезде, лишь трое прошли помимо рекомендации фон Таддена.

Многие западные газеты обошла в те дни фотография новоявленного Адольфа: торжествующе подняв руки, самодовольный и снисходительный, он внимал приветственному реву своей паствы.

«Только хриплых возгласов «Зиг хайль» не хватало на съезде национал-демократической партии в Ганновере, который закончился в конце недели,— писал 17 ноября английский еженедельник «Тайм энд тайд».— Однако там происходило истерически шумное восхваление руководителя партии Адольфа фон Таддена, подобно восхвалению Адольфа Гитлера в 30-х годах, когда демократические партии высмеивали его... Фон Тадден... оказался демагогом, под стать самому Гитлеру».

В этой обстановке нового разгула неонацистских страстей вновь прозвучало твердое и решительное предупреждение Советского правительства в адрес правящих кругов ФРГ. 8 декабря 1967 г. Советское правительство направило правительству ФРГ заявление в связи с активизацией милитаристских и неонацистских сил в Западной Германии. Соответствующие заявления были переданы также правительствам США, Англии и Франции.

«Только что народы Европы стали свидетелями наглой демонстрации, учиненной последователями германского фашизма под флагом съезда так называемой «национал-демократической партии» в Ганновере,— говорилось в заявлении Советского правительства правительству ФРГ.— В этот город съехались со всех концов страны неонацисты разных мастей для того, чтобы попытаться реабилитировать преступления гитлеризма и проявить свою приверженность его разбойничьим целям и устремлениям. Подобно Мюнхену в прошлом, Ганновер может стать символом вползания к власти неонацизма. Как ни поразительно, но сборище это проходило вполне легально, даже более того, под покровительством властей ФРГ»¹².

Газета «Юманите» указывала, что предупреждение Советского правительства является ответом на глубокую тревогу, вызванную в мире, и особенно в странах Европы, возрождением гитлеризма в ФРГ. Правая французская газета «Орор» отмечала: «Многочисленные заявления фон Таддена порождают тревогу во всем мире. Вернуться через 20 лет к лозунгам, столь похожим на лозунги национал-социалистской партии Германии, предъявлять такие же требования, идти на такие же провокации — все это может лишь породить сомнения и возмущение. И то, что правительство ФРГ предоставляет полную свободу для подобной пропаганды, неприятно удивляет»¹³.

«Франс-суар» опубликовала результаты опроса, проведенного французским Институтом общественного мнения,

которые показывали, что 43% французов признают актуальность нацистской опасности в Западной Германии. Американский еженедельник «Нью-Джерси геральд» в редакционной статье, озаглавленной «Неонацизм», отмечал, что «недавний съезд национал-демократической партии послужил достаточно убедительным свидетельством того, что неонацистский дух по-прежнему господствует в этой партии. Нельзя допустить, чтобы она могла уйти от ответственности за возрождение извращенного национализма, который едва не уничтожил Германию и вверг весь мир в войну.

Выступление председателя партии фон Таддена перед делегатами содержало отзвуки безумных призывов Адольфа Гитлера в 20-х годах». Национал-демократическая партия растет, подчеркивал еженедельник, «и этот рост говорит о том, что лозунги германского национализма и германского превосходства находят более широкий отклик, чем ожидали. Это тревожный феномен, значение которого не следует преуменьшать»¹⁴.

А желавших преуменьшить значение неонацистской опасности было немало. Многие органы буржуазной прессы взяли под защиту распоясавшихся неонацистских молодчиков, а на Рейне попытались вновь поставить факты с ног на голову и обвинить Советский Союз в стремлении «очернить ФРГ». «Суровый критик» НДП, министр внутренних дел Люкке, совершив поразительный по логике и здравому рассудку демагогический кульбит, заявил: «Да, НДП преследует не демократические цели, но это еще не повод ее запрещать. И вообще, радикализм у нас сейчас не сильнее, чем во всех других сравнимых с нами странах». Люкке не был оригинален. Он лишь повторил мнение своего канцлера, который заявил в телевизионном интервью 11 декабря 1967 г.: «Я считаю, что слишком поспешный запрет не будет правильной реакцией».

Итак, в Бонне решили ждать. До каких пор? Об этом там умалчивали. Может быть, до очередных выборов в бундестаг? А вдруг и впрямь в 1969 году господин Тадден сменит оппозиционный гнев на коалиционную милость, и тогда на всю Европу будет сыграна долгожданная великогерманская свадьба. Ведь сидящие в Шаумбургском дворце не забыли раскатистый голос прусского барона на заключительном заседании ганноверского съезда: «У нас, национал-демократов, мысль об очередных выборах в бундестаг не вызывает страха. Мы так или иначе выиграем эти выборы!».

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ НЕОНАЦИСТЫ

Рождение партии неисправимых

28 ноября 1964 г. в большом зале общественного здания «Деренер Машпарк» в Ганновере собрались участники учредительного съезда новой праворадикальной партии. Из 1200 приглашенных прибыло 708 человек. В зале было накурено и шумно. Присутствовали сторонники самых разных партий и группировок. Общим для всех была особая любовь к «национальной идее».

Денег в общественной кассе было мало: в бокалах для шампанского, пущенных по рядам, набралось лишь 5010 марок. Зато недостатка в пафосе и громких фразах не было. Тон задал бременский председатель Немецкой партии Фриц Тилен. «Вместо нигилистического разложения — здоровый порядок, вместо национального поругания — снова достоинство», — провозгласил он с надрывом свой лозунг-программу.

Следом за ним на трибуну полезли и другие защитники «великого германского прошлого», желавшие «обновить» настоящее. В тот вечер была основана Национал-демократическая партия. Из числа присутствовавших в нее вступили 473 человека.

Отцы НДП не были новичками в политике. И НДП не была их первой любовью. До нее они искали счастье в Немецкой имперской партии, в Общегерманском блоке, в Немецкой партии, в среде немецких консерваторов и националистов. А наиболее опытные из них могли бы рассказать о своих весьма близких отношениях с Социалистской имперской партией и привести пикантные подробности о своем самом сильном первом чувстве к национал-социалистам. Но об этом дальше.

В тот вечер среди присутствовавших царил атмосфера арийской самовлюбленности и верноподданнической решимости покончить с «гнилым духом либерализма». Зал съез-

да напоминал огромный театр, где разыгрывался очередной спектакль, в котором в главной роли голого короля открыто выступал великогерманский национализм. Не все из основных участников спектакля играли свои роли. Иные в первом действии предпочитали тогда оставаться в тени и про себя репетировали решающие финальные сцены. Так, в частности, шеф Немецкой имперской партии и заместитель председателя НДП Адольф фон Тадден на учредительном съезде партии не сказал ни слова. Первым председателем партии стал Фриц Тилен.

Накануне съезда все «национально мыслящие» западные немцы или по крайней мере подписчики «Дойче вохен-цайтунг», издаваемой бывшим оберштурмбаннфюрером СС и членом так называемого «бюро Риббентропа» Петером Кляйстом, могли узнать основные задачи партии из опуса Тилена. В нем говорилось, что «в постоянно сокращающейся структуре партий в Западной Германии отсутствует работоспособная партия правого крыла».

28 ноября 1964 г. была предпринята очередная, но далеко не первая попытка создать такую партию, объединить в ней праворадикальные и экстремистские силы, образующие «национальный лагерь». Чтобы яснее представить себе суть нового политического образования, надо знать его прошлое. Общественный характер нарождающегося явления, как известно, обуславливается средой. Но и наследственность играет немаловажную роль. У каждого ребенка есть родители. Даже если он не знает их или не желает знать. НДП, отрицающая свою национал-социалистскую родословную, не возникла на пустом месте. Ее генеалогическое древо своими корнями уходит в историко-политическое и идеологическое развитие «правого радикализма».

Понятие «правого радикализма» в настоящее время широко бытует на Западе, и в первую очередь в приложении к послевоенному развитию в Западной Германии. Учитывая солидный возраст этого понятия, а также постоянные ссылки на него западных авторов для характеристики современной картины западногерманского общества, следует разобратся в существе вопроса.

Правое крыло пангерманского орла

Прежде чем пангерманский птенец проклюнулся из яйца, высиженного бисмаркским пруссачеством, у него уже начало отрастать правое крыло. С тех пор прогрессирував-

шие гипертрофированные размеры сопутствовали развитию молодого хищника и постоянно заносили его вправо при всех взлетах и падениях.

Когда прусский премьер-министр Отто фон Бисмарк летом 1866 года после сражения при Кёнигсратце вернулся в Берлин, его приветствовали ликующие толпы. Хилая либеральная оппозиция таяла, как снег на солнце. Начинался новый этап в истории правых реакционных сил Германии.

Если говорить о последовательности исторического развития правых течений в Германии, явившихся предшественниками и основой современного «правого радикализма», то здесь прослеживаются следующие этапы.

Первый этап был связан с негативной реакцией консервативного немецкого филистерства в ответ на французскую революцию 1789 года. В период конца XVIII — начала XIX века происходило объединение всех правых реакционных сил для отражения «вредного» духа либерализма и демократии, вызванного веяниями французской революции.

Второй этап относится к началу революционных событий 1848 года. Разгром восставших сопровождался ростом и усилением реакционных настроений, новой войной террора против «вольнодумцев».

Третий этап, как уже отмечалось, был связан с созданием «рейха» в 1871 году. Его характерной особенностью была авангардная роль прусской реакции, которая решила историческую задачу объединения страны не методами демократии и свободного волеизъявления, а путем завоеваний, грубой военной силы и жестокого подавления всякого свободомыслия. Либерал не мог уже больше претендовать на звание «истинного немца». Идеалом последнего стал авторитарный тип, человек «крови и железа», который военными средствами утверждал свои национальные чувства. Успех Бисмарка под Кёнигсратцем и последовавшая через четыре года победа над французами под Седаном возвели насилие в германском рейхе в культ идолопоклонства. Правый, агрессивный дух взял себе в союзники милитаризм и стал господствующим в определении внутреннего и внешнего курса государства. Неотъемлемой чертой национализма отныне стало стремление к развитию и обладанию технически новейшими средствами уничтожения.

Сознание собственной силы подавляло логику разума. Нетерпимость и презрение к слабому постепенно становились естественной особенностью германского националиста.

На благодатной почве реакционных настроений развивался великодержавный национализм, в силу своей агрессивности приобретающий особую привлекательность для немецкого филистера. Вступление Германии на путь империалистического развития сопровождалось ростом праворадикальных настроений внутри страны и великодержавных пангерманских устремлений вовне. Этот период завершился первой мировой войной, приведшей к поражению германского империализма.

С 1918 года начинается новый, четвертый этап возрождения правых сил, подогревавших националистические страсти на остатках пожарищ мировой войны. Было использовано все: и ущемленное национальное самолюбие, и ненависть к Версальскому договору, и экономические кризисы 1923 и 1930 годов. В годы Веймарской республики возрождаются старые и возникают новые праворадикальные организации и группировки, которые окончательно формируются как политическое течение «правого радикализма». Реакционное националистическое влияние «правого радикализма» создало благоприятные предпосылки для прихода к власти национал-социалистов.

Национал-социализм, утвердив свое господство в Германии, растворил в себе «правый радикализм» и организационно, и идеологически, провозгласив его великодержавные установки составной частью своей программы. Как самостоятельное политическое и идеологическое течение «правый радикализм» вновь появляется уже после падения «третьего рейха».

„Согнутые, почти придавленные до земли, но не сломленные“

Так называется первая глава мемуаров Конрада Аденауэра «Воспоминания (1945—1953)». Эти слова кажутся вполне подходящими для характеристики положения правых реакционных сил, которые после поражения нацистов благодаря поддержке западных держав смогли утвердить свое господство в Западной Германии. Рассуждая о причинах катастрофы фашистской Германии, Аденауэр заявлял: «По моему убеждению, они возникли задолго до 1933 года. Национал-социализм непосредственно вверг нас в катастрофу. Но национал-социализм не смог бы прийти к власти в Германии, если бы он не нашел в широких слоях

населения уже подготовленной почвы для своего ядовитого посева»¹.

От Конрада Аденауэра бесполезно, конечно, ожидать последовательного и полного анализа истинных причин прихода к власти нацистов. Но вышеприведенное признание весьма показательное. Даже Аденауэр был не в силах отрицать, что национал-социализм породили существовавшие в Германии социально-экономические условия. Этими условиями, как мы знаем, являлись господство монополистического капитала и идеология великодержавного национализма, насаждавшаяся правыми кругами германской буржуазии.

А если это так, то где гарантия, что вновь не появятся всходы ядовитых посевов? Ведь почва для них полностью сохранилась в Западной Германии, что подтвердилось уже вскоре после поражения фашизма, когда на политической арене трех западных зон вновь стали поднимать голову явные и тайные приверженцы «правого радикализма».

«Правый радикализм» в этот период выступает как крайняя открытая форма грубого насильственного национализма. Не претендуя на всеобъемлющий и подробный анализ «правого радикализма», следует, тем не менее, отметить, что он характеризуется оправданием прошлого, связанного с осуществлением идей пангерманизма; разжиганием националистических настроений; отрицанием демократии и стремлением к авторитарной системе; прославлением и продолжением милитаристских традиций.

С учетом данной характеристики «правый радикализм» как политическое течение нашел широкое проявление в послевоенной истории Западной Германии. Причем следует отметить, что формы его проявления гораздо шире тех рамок, в которых действуют существующие ныне правые группировки. «Правый радикализм» повсеместно проявляется как идеологическое течение, пронизывающее большую часть общественных и государственных институтов Западной Германии. И, наконец, «правый радикализм» и «экстремизм» есть постоянно действующая тенденция внутривнутриполитического развития ФРГ, выражающаяся в поддержке идей великодержавного национализма со стороны государственной власти.

Многочисленные группы и организации правого толка, существующие в настоящее время в Западной Германии, для доказательства своей лояльности нынешнему режиму и для придания исторической респектабельности предпочитают

ют ссылаться на последовательность своих праворадикальных убеждений со времен Веймарской республики и решительно отвергают всякие сравнения с неонацизмом. Так, один из правых журналов, «Нацфон Ойропа», уже в 1953 году обрушивался с критикой на тех, кто выражал тревогу в связи с ростом неонацизма в ФРГ: «Слово «неонацизм» есть не что иное, как злонамеренный глупый ярлык против национальной оппозиции легального направления, которая становится неудобной»². Эту позицию крайне правых группировок официально поддерживают правящие круги ФРГ, именуя их «праворадикальными» и «экстремистскими».

Но суть не в названии, а в политическом и идеологическом содержании программных установок правых сил. В этом отношении представителям «правого радикализма» и их покровителям из правительственных кругов следовало бы помнить, что опыт прошлого уже однажды разоблачил политическое лицо этого течения. Несмотря на разношерстность и мнимую самостоятельность праворадикальных группировок, существовавших в Веймарской республике, все они в 1933 году влились в общее течение национал-социализма. Как свидетельствует анализ публицистической и политической деятельности нынешних «правых радикалов», подавляющее большинство их, даже по признанию самого министерства внутренних дел ФРГ, проповедуют «составные части национал-социалистской идеологии»³.

Подобное опасное развитие событий в Западной Германии началось уже вскоре после 1945 года. Грубое нарушение Потсдамских соглашений о декартелизации, демилитаризации и денацификации со стороны империалистических западных держав, а затем и западногерманского правительства имело самые опасные последствия. Одним из них явилось проникновение многочисленных нацистов и ряда крупных военных преступников на ответственные посты в западногерманском государственном аппарате. Этот факт признают многие западногерманские историки.

Так, Фритц Рихерт, редактор «Штутгартер цайтунг», в своей книге «Национальная волна», несмотря на стремление оправдать антинациональную политику в западных зонах после 1945 года, вынужден констатировать, что «силы, которые поддерживали Гитлера или не оказывали ему сопротивления, вновь посажены в свои кресла членов правлений, на государственные и судейские посты»⁴.

Многие активные нацисты вскоре были выпущены на свободу. По данным западногерманского историка Кнютте-

ра, денацификация должна была затронуть 6 083 694 лица в трех западных зонах. Всего же было арестовано 245 тыс. бывших нацистов, из которых уже в 1945 и 1946 годах 100 тыс. были отпущены. В последующем «денацификация проводилась более мягко, постепенно все ограничения, которым подвергались затронутые лица, были отменены»⁵.

Снисходительное отношение к активным нацистам со стороны западных держав подтолкнуло первых к активной политической деятельности и пропаганде «хороших сторон национал-социализма». Как раз в 1945—1948 годах для такого рода деятельности были объективно благоприятные условия: тяжелое экономическое положение населения, разруха в промышленности, массовая безработица, деклассирование значительной части населения, остаточное влияние нацистской идеологии. В такой обстановке апелляция правых сил к национальной гордости и шовинистическому упрямству давала свои плоды. Опросы общественного мнения, проводившиеся в те годы, показывали наличие значительных правозкстремистских тенденций среди западногерманского населения. Так, согласно данным опроса, проведенного 4 мая 1947 г. в американском секторе, 19% опрошенных объявили себя приверженцами национал-социализма, 22 — сторонниками национал-социалистской расовой теории, 20 — сторонниками антисемитизма, 33 заявили о своем равнодушном отношении к нацистам и лишь 6% объявили себя противниками НСДАП. Эти данные заставили некоторые газеты заявить, что 94% западногерманского населения не сделали для себя никаких выводов из национальной катастрофы.

Опрос, проведенный через год, показал, что 65% бывших членов национал-социалистской партии и 40% не входивших в НСДАП считали национал-социализм «хорошим делом».

Подобные настроения в период 1945—1948 годов не нашли соответствующего отражения в количественном росте праворадикальных партий и групп. В это время возможности организационного объединения правых экстремистов были ограничены. Это объяснялось, кроме всего прочего, и тем, что в 1945—1946 годах было раскрыто немало подпольных национал-социалистских организаций. Гораздо больше было, однако, тех, кто, не меняя своих убеждений, приспособливался к новой обстановке.

В эти беспокойные годы в мутной воде боннского пруда быстро плодились мелкие и средние хищники, которые толь-

ко ждали момента, чтобы сожрать оставшихся в живых самовлюбленных и равнодушных карасей. Среди прожорливых косяков вскоре выделились хищники покрупнее. Пользуясь покровительством оккупационного рыбнадзора, они нагуливали вес и ждали своей добычи.

На гребне национальной волны

Горечь безоговорочной капитуляции постепенно проходила. Конец света, обещанный геббельсовской пропагандой в случае падения «третьего рейха», не наступил. Первые месяцы сурового сожительства с западными союзниками были давно позади. Финансовая реформа 1948 года окончательно расставила все по своим местам: те, чьей надеждой была собственность, могли получать теперь с нее неплохие дивиденды; те, кто мог надеяться только на свои рабочие руки, получили лишь очередные посулы.

Обострение противоречий между бывшими союзниками антигитлеровской коалиции быстро примирило вчерашних нацистов с Западом. Монополисты и милитаристы на Рейне вновь заинтересовались политическими и военными гешефтами. Из-за океана их окропили золотым дождем по «плану Маршалла» и благословили на совместный крестовый поход против коммунизма. Западногерманский монополистический капитал набирал воздух в железные легкие: предстояли милитаристский марафон и немалая прибыль на финише.

«Бывшие» вновь почувствовали свою ценность. Их опыт и взгляды уже не носили на себе каиновой печати. Наоборот, они могли теперь действовать почти открыто: западногерманский филистер разминал свой застарелый национализм.

В послевоенные годы происходил двусторонний процесс нагнетания националистических настроений. В этих целях использовалось сильное антизападное течение. Закоренелые правые элементы, презиравшие демократию, потирали руки, наблюдая экономические трудности и безработицу послевоенного времени. Правая реакция рассчитывала использовать ожесточение населения голодом и национальным позором, чтобы приблизить «час расплаты». Правые радикалы ждали массового недовольства.

К этому течению вскоре добавилось новое. Американцы не только нарушили закон № 2 Контрольного совета, по которому запрещалось создание организаций, наследниц на-

ционал-социализма, но и в своем антикоммунистическом запале стали поощрять западногерманский национализм. Злой джин вновь был выпущен из бутылки. На море политических страстей была поднята «национальная волна». В 1949—1953 годах она прошла по Западной Германии, вынося вперед ладью «правого радикализма».

Именно в этот период возникает множество новых праворадикальных организаций. Оккупационные власти западных держав сквозь пальцы смотрели на возникновение подобного рода партий и союзов. Если в 1945 году было всего две правых партии, в 1949 — уже 6, то в 1952 году — 74, число членов которых, даже согласно западногерманским источникам, достигло 35 тыс. Число же членов многочисленных праворадикальных союзов приближалось к 112 тыс. человек. В эти же годы возникают всевозможные «культурные и религиозные объединения» правого направления (1952 г. — 5, число членов — до 30 тыс.). Сюда же необходимо добавить молодежные организации правого толка, численность которых в этот период колебалась от 40 тыс. до 70 тыс. человек. Резко выросла в этот период издательская и публицистическая деятельность правых, у которых в 1952 году было уже 11 собственных издательств. Поэтому неудивительно, что проведенный в январе 1953 года опрос среди западногерманского населения показал: 44% всех опрошенных находили в национал-социализме больше хорошего, чем плохого⁶.

Наиболее активные эксперименты с националистическими элементами проводились в американском секторе. Здесь поощрялись всевозможные правые группы и союзы, антикоммунистические эмигрантские организации. Американские субсидии оказывались и газете «Дойче зольдатен-цайтунг» (нынешняя «Дойче националь-цайтунг унд зольдатен-цайтунг»). Солдатские публикации должны были вдохновить угасший боевой дух западногерманской военщины. Газета была задумана еще в лагере для военнопленных в Гармиш-Партенкирхене. Ее духовными отцами были национал-социалисты крайслейтер Дамерау, земельный советник фон Кальбен, полковник СС Руофф и эсесовский генерал Штайнер.

Английские оккупационные власти не хотели отставать от своих американских коллег. Весной 1946 года в британской зоне возникла Немецкая правая партия, в которую в 1947 году вступил двадцатипятилетний Адольф фон Тадден. Именно здесь следует искать корни будущей Национал-де-

мократической партии, хотя ее лидеры из тактических соображений отрицают свою связь с прежними правыми партиями. Однако факты говорят о другом. Осенью 1948 года Немецкая правая партия (НПП), провозгласившая националистический курс, взяла резко вправо. Если до этого правые радикалы издали и осторожно подходили к загнанному зверю национализма, то теперь они ударили в барабаны. 28 ноября 1948 г. на нижнесаксонских коммунальных выборах в Вольфсбурге НПП провела 17 из 25 советников. Здесь были особенно сильны симпатии к прошлому, учитывая привилегированное положение заводов «Фольксваген» в «третьем рейхе».

Постепенно снаряжались в поход новые отряды правофланговых. Весной 1949 года Фриц Дорлс, Отто-Эрнст Ремер и Герхард Крюгер основали «Сообщество независимых немцев». Ремер был одним из любимцев Гитлера, который после событий 20 июля 1944 г. представил вне очереди преданного офицера к званию полковника, а затем и генерал-майора. Эти люди расценили Немецкую правую партию как удобную вывеску для откровенно пронацистской деятельности. Перед первыми выборами в бундестаг в 1949 году они привели ряды «независимых немцев» под правое крыло Адольфа фон Таддена, который уже задавал тон в НПП. К ним же присоединился некий Франц Рихтер (он же видный нацист Рёслер, возглавлявший главное управление в отделе пропаганды НСДАП. После войны Рёслер изменил фамилию и вторично женился на своей жене. В мае 1952 года он был привлечен к суду за подделку документов, но отделался лишь 18 месяцами тюрьмы).

Этот квартет вместе с Адольфом фон Тадденом возглавил предвыборную борьбу в бундестаг, обращаясь прежде всего к тем слоям населения, среди которых были наиболее сильны остатки нацистской идеологии. НПП только в Нижней Саксонии получила 273 129 голосов и провела в бундестаг шесть депутатов. Среди них были Дорлс, «Франц Рихтер» и Адольф фон Тадден.

Ободренные успехом, Дорлс и Крюгер стали открыто провозглашать экстремистские лозунги. Им не терпелось ударить кулаком по столу в Бонне и «показать, как делается немецкая политика». Вначале они попытались отеснить более осторожного Адольфа фон Таддена и забрать в свои руки аппарат партии. Но молодой барон уже тогда отличался организационной цепкостью и умел расставлять своих людей на решающих участках. Когда Дорлс, Ремер и

Крюгер почувствовали, что у них недостаточно крепкие локти, они вместе со своими сторонниками вышли из НПП и 2 октября 1949 г. основали Социалистскую имперскую партию (СИП). Ее инициатором и первым председателем стал Фриц Дорлс, который имел в то время редкую возможность за счет государства (как депутат бундестага) ездить по всей Западной Германии и вербовать сторонников. Фриц Дорлс, 1910 года рождения, уже в 1929 году вступил в НСДАП и с тех пор остался ее верным поклонником. Вторым председателем стал уже упоминавшийся Отто-Эрнст Ремер. Ему часто предоставляли возможность поораторствовать на митингах. «Я запрещаю называть меня наци. Я был, есть и остаюсь национал-социалистом!» — выкрикивал он, и толпы приверженцев восторженно аплодировали ему.

Идеологом СИП стал ее третий председатель Герхард Крюгер, член НСДАП с 1926 года. В январе 1942 года он уже имел звание штандартенфюрера СА и входил в число членов высшего руководства штурмовиков. Кроме того, Крюгер специализировался в области теории национал-социализма, что делало его незаменимым для Социалистской имперской партии, которую вскоре было трудно отличить от запрещенной НСДАП. И никто об этом не сказал яснее, чем Ремер, выступая 15 марта 1951 г. в Брауншвейге: «Различие между Социалистской имперской партией и НСДАП заключается лишь в характере эпохи». А на встречах, где царила особо доверительная атмосфера, он напоминал: «В наших жилах течет кровь той же группы, что и прежде».

Лидеры СИП открыто заявляли о своих симпатиях «третьему рейху». «Национал-социализм, — провозглашали они, — единственно позитивная идея общеевропейского нового порядка, за которую 60 млн. людей выступали против целого мира врагов»⁷. Уже в первом предложении программы утверждалось: «Социалистская имперская партия есть политическое объединение свободных немцев. Высшим законом ее деятельности является верность рейху. Партия стремится к восстановлению германского рейха»⁸.

Социалистская имперская партия оправдывала нацистский режим и стремилась свалить вину за развязывание второй мировой войны на другие страны. Делегация членов партии возложила на могилу военных преступников в Ландсберге венок с надписью: «Павшим в двух мировых войнах и казненным в Ландсберге». Партийный орган «Дойче

вахт» писал 25 марта 1951 г.: «Ландсберг сегодня означает не только судьбу многих немецких братьев, но и является символом общегерманской обстановки. Смерть ландсбергских патриотов будет иметь такое же историческое значение, как и убийство графов Горна и Эгмонта в начале нидерландского освободительного движения против испанского чужеземного господства». Как видно, в национал-социалистском пафосе недостатка не было.

Члены партии развили бешеную пропаганду против всех, кто не был согласен с ними. На митингах раздавались открытые угрозы: «Все противники Социалистской имперской партии будут внесены в списки, и пусть они не удивляются, когда в один прекрасный день народ всадит им в спину кинжал, пригвоздив лист бумаги с надписью: „Они были врагами СИП“».

Безудержные экстремисты открыто прославляли насилие и террор: «Для нас все средства хороши, чтобы свалить это государство. И чем скорее наступит экономический хаос, тем лучше. Мы только и ждем этого».

На выборах в ландтаг земли Нижняя Саксония в 1951 году Социалистская имперская партия получила 16 мандатов. Волна национализма вынесла наверх открытых защитников нацизма.

Фашиствующие молодчики из СИП шокировали общественность за рубежом. Стали раздаваться голоса протеста и в самой Западной Германии. Правительственные круги, долго и молча проглатывавшие оскорбительные клички «бесчестных», «заграничных прихлебателей», которыми их обзывали ораторы СИП, поняли: терпеть дальше — значит встать в один ряд с неонацистами. 25 января 1952 г. было начато дело против СИП, и 23 октября Федеральный конституционный суд запретил Социалистскую имперскую партию, которая была признана противоречащей конституции, как наследница НСДАП.

Быть может, в Бонне потянули бы и дольше с таким решением. СИП вполне устраивала правые силы внутри ХДС и СвДП в качестве правой оппозиции, на которую можно было равняться (и одновременно прятаться за нее) при выдвижении великогерманских претензий. Винаваты, конечно, были сами лидеры СИП. Они зарвались в своей пропаганде и не желали слушать никаких увещаний. Один из основателей партии Отто-Эрнст Ремер, избранный в июне 1950 года земельным председателем СИП в Шлезвиг-Гольштейне, был настолько невоздержан на язык, что не еди-

ножды привлекался к суду за оскорбительные высказывания. В качестве профилактики его дважды приговаривали к тюремному заключению, вначале на четыре и затем на три месяца. Отъявленного нациста хотели перевоспитать, чтобы найти ему подходящее место на стройке нового боннского рейха. Но он отчаянно сопротивлялся и поносил последними словами своих благодетелей, бравших его на поруки. Но удивительное терпение было у вождей боннской республики. Его бы хватило надолго, если бы сами экстремисты не двинулись напролом.

Надо отдать должное «находчивости» западногерманских пропагандистов. Запретив через четыре года Коммунистическую партию Германии, в Бонне тут же стали разыгрывать роль объективной непредубежденной Фемиды: мы, мол, боремся и с левым, и с правым уклонами: наша борьба началась еще в 1952 году запретом Социалистской имперской партии.

Подобное лицемерие в «свободном» обществе неудивительно. Здесь хороши все средства. СИП была принесена в жертву не принципам, а соображениям высшей целесообразности; христианский центр сквозь пальцы смотрел на обгон справа, но при этом не давал раньше времени чрезмерно превышать скорость.

Наследник Гитлера

Западная печать еще продолжала комментировать запрет Социалистской имперской партии, когда разразился скандал, связанный с именем одного из видных нацистов Вернера Наумана. 14 января 1953 г. британские оккупационные власти арестовали его по обвинению в подготовке фашистского заговора.

Вокруг имени Наумана вскоре была создана целая легенда. Он стал символом «великой Германии», поставленной на колени, но не покорившейся. Толпы воодушевленных сторонников «третьего рейха» покупали номера «Дойче зольдатен-цайтунг» и, демонстративно развернув их на улице, обсуждали неонацистские стоны по поводу безвинной жертвы «оккупационного произвола».

Фигура Вернера Наумана — отнюдь не рядовая в иерархии руководящих чинов «третьего рейха» и в послевоенной истории неонацистского движения. Исторической истины ради она заслуживает подробного рассмотрения.

29 апреля 1945 г. Адольф Гитлер подписал политическое завещание. Обращаясь к своим единомышленникам, фюрер напыщенно заявлял: «...То, что я выражаю всем вам мою идущую из глубин сердца благодарность, так же понятно, как и мое желание, чтобы вы ни при каких обстоятельствах не прекращали борьбу, а, наоборот, продолжали ее где бы то ни было, против всех врагов фатерлянда»⁹. Гитлер призывал своих последователей хранить верность рейху в ожидании того времени, когда «снова взойдет солнце лучезарного возрождения национал-социалистского движения».

Было четыре часа утра. Взошедшее вскоре солнце осветило дымящиеся руины Берлина, где, агонизируя, корчилось коричневое чудовище. Через 11 часов после подписания завещания Гитлер покончил с собой. Перед смертью он назначил рейхсканцлером Иозефа Геббельса, рейхспрезидентом — главнокомандующего флотом адмирала Деница, министром пропаганды «третьего рейха» — Вернера Наумана, ближайшего помощника и доверенное лицо Геббельса.

Вернер Науман, 1909 года рождения, выходец из Силезии, вступил в НСДАП 1 октября 1928 г. и затем быстро продвинулся по лестнице нацистской иерархии. В 1933 году он возглавил министерское бюро в ведомстве Геббельса, став его правой рукой. Известно, что сотрудничество обоих было настолько тесным, что простиралось и на финансовую область. Так, в 1939 году берлинские кинопромышленники, преподнося миллионные чеки своему непосредственному патрону Иозефу Геббельсу, по совету последнего передали «небольшое» пожертвование в 220 тыс. марок доктору Науману на предмет приобретения земельного участка¹⁰. Министр пропаганды «третьего рейха», ценивший в своих подчиненных из всех духовных качеств выше всего безусловную личную преданность, в 1944 году назначил Вернера Наумана статс-секретарем, который к этому времени уже обладал большим весом в нацистском партийном аппарате. Окончив школу гестапо и пройдя длительную выучку в войсках СС (он имел звание бригаденфюрера СС), Вернер Науман установил тесные связи с рейхсфюрером СС Гейнрихом Гиммлером. Когда после разгрома фашистов под Сталинградом грызня в стане ближайших подручных Гитлера резко усилилась, именно Вернер Науман был активным участником интриг Геббельса и посредником в его контактах с Гиммлером.

Вернер Науман был не только лично предан Геббельсу,

он был убежденным фашистом. Выступая 31 марта 1945 г. перед населением Мюнхена, Науман призывал: «Каждая изгородь, каждая насыпь, каждая долина, каждая площадь должны стать крепостью! Нам нужно время, а наши враги торопятся. И если фюрер сказал 24 февраля, что мы добьемся в этом году исторического поворота, то это означает для нас реальность. На чем она основывается, мы не знаем, но фюрер знает это»¹¹.

1 мая 1945 г. Геббельс пустил себе пулю в лоб. Вернер Науман ночью, примкнув к группе Мартина Бормана, бежал из имперской канцелярии. На этом следы его теряются.

Вновь Вернер Науман объявился только в 1949 году в Дюссельдорфе. На этот раз он занялся коммерческой деятельностью в качестве управляющего делами экспортно-импортной фирмы «Коммибек». И хотя имя Вернера Наумана было хорошо известно оккупационным властям и он значился в списке лиц, подлежащих денацификации, его никто и пальцем не тронул.

Почувяв, что находится среди своих, Науман начал действовать. Для начала он основал в Дюссельдорфе «Круг друзей экономики и культуры». Название вполне приличное и безобидное, но давало желанную возможность собрать под одну крышу друзей, знакомых с давних времен совместной службы в войсках СС и работы в аппарате НСДАП. Покровительствуя экономике и культуре, Вернер Науман свою основную энергию тратил на объединение активистов национал-социалистского движения. В это время он возглавляет также так называемый семидесятый круг бывших национал-социалистов, куда входили люди типа Борнемана, одного из фюреров гитлерюгенда. Короче говоря, Науман развивает активную деятельность, сплачивая раздробленные неонацистские группы и организации.

Именно в эти годы в Западной Германии возникают Немецкая имперская партия (январь 1950 г.), создается легальное объединение бывших эсесовцев ХИАГ (1951 г.), расцветает Социалистская имперская партия (1950—1952 гг.). Сам Науман пока открыто не выступает ни в одной из этих организаций, но в каждой из них есть его люди, которые точно проводят его указания.

Большое внимание бывший статс-секретарь министерства пропаганды уделяет развитию сети неонацистских и милитаристских издательств и изданий. На одной из вечеринок обычно сдержанный Науман стал хвастаться своим

влиянием на газету «Дойче зольдатен-цайтунг»: «Эту газету делают настоящие немцы, прошедшие школу СС, и они блюдут лучшие традиции нашей пропаганды».

В ноябре — декабре 1952 года в Дюссельдорфе состоялся тайный съезд бывших видных деятелей национал-социалистской партии. Участвовало не более 30 человек, но это была настоящая «ауслезе», нацистская элита: бывшие гауляйтеры Гамбурга и Дюссельдорфа Кауфман и Флориан, бывшие гауляйтеры Зальцбурга и Вены Шеель и Франуэнфельд, бывший фюрер гитлерюгенда Аксман и другие персоны того же калибра. С докладом выступал Вернер Науман. Как свидетельствовали конфискованные через полтора месяца при его аресте документы, он заявил следующее: «Мы всегда стояли за третий рейх и будем стоять за него, и в будущем. Наша задача — изо дня в день неустанно работать. Мы должны объединиться теснее, чем прежде, и создать тайное сообщество из нескольких сот человек. Тогда мы станем силой, которая вначале будет оставаться на заднем плане, но в один прекрасный день выступит совершенно открыто за осуществление идеалов, за которые мы боремся. Мы хотим развить и мы уже развили дальше идеи национал-социализма, которые на протяжении 12 лет решающим образом влияли на немецкий народ и немецкую политику»¹².

Присутствовавшие верноподданнически внимали. Они были вышколенными нацистами и знали, что оратор имел право говорить в императиве. Как-никак он единственный из приближенных Гитлера, вещавший властным голосом настоящего фюрера. И, как знать, не назвал ли Гитлер перед своей смертью и его имя в числе своих наследников? Было не так уж много людей, способных «достойно» продолжить национал-социалистскую идею, к чему призывал в своем завещании одержимый манией величия бесноватый фюрер. А уж он, как никто знавший все превратности национал-социалистской судьбы, всегда назначал преемников с запасом. Назначение Вернера Наумана в последние дни рейха министром пропаганды на место Геббельса было знаком высочайшего доверия и благоволения. Такой факт мог быть «безразличен» для западных оккупационных властей и обитателей Шаумбурга, но не для прошедших суровую школу СА и СС. И они слушали Вернера Наумана как последнего посланца из бункера рейхсканцелярии. Он говорил им завещанное самим фюрером: «Время открыть карты еще не пришло. А пока нам нужны новые лозунги, новый язык, новые

понятия». Такова была тактическая установка для действий неонацистов в новых послевоенных условиях.

Известно, что Науман неодобрительно относился к тем лидерам Социалистской имперской партии, которые слишком открыто требовали реставрации старых порядков. Сам он вел кропотливую, осторожную, но эффективную работу по проникновению в боннские партии. Как потом выяснилось, он ставил задачу протащить своих ставленников в СвДП на Рейне и в Руре. И достиг немалых успехов.

Ему удалось сделать своего друга и бывшего сотрудника штандартенфюрера СС и гауляйтера пропаганды в Западной Пруссии Вольфганга Диверге личным ассистентом и советником председателя организации СвДП в земле Северный Рейн — Вестфалия. Диверге не только обучал кадры СвДП, но и укреплял их кандидатурами, одобренными бывшим статс-секретарем Геббельса. Неудивительно, что в начале 1953 года руководство организации СвДП земли Северный Рейн — Вестфалия выглядело следующим образом: освобожденный секретарь — Альфред Ригер, бывший крайсляйтер НСДАП; заведующий делами печати — Зигфрид Цогльман, бывший гебитсфюрер гитлерюгенда; управляющий коммунальными делами — Вальтер Бранд, бывший адъютант Конрада Генлейна, фюрера судетских немцев. Бывшие активные деятели НСДАП занимали посты заведующих социально-экономическим отделом, пропаганды и др.

Сколь глубоко неонацистские кадры проникли в СвДП, стало известно лишь после ареста Вернера Наумана и других видных фашистов в январе 1953 года. Западногерманский публицист Курт Хирш в своей книге «Придут ли снова наци?» писал: «Дело Наумана и его друзей по партии показательны с той точки зрения, что оно доказывает, насколько успешно праворадикальные силы всего через несколько лет после тотальной капитуляции нацистского режима смогли применять тактику оборотня третьего рейха»¹³.

Но и другие боннские партии, в том числе ХДС, были наштапованы гитлеровскими последышами. 14 января 1953 г. английская военная полиция обнаружила следы нацистского заговора. Науман и некоторые члены из «кружка гауляйтеров» были арестованы. Однако, даже несмотря на явные улики, против Наумана ничего не было предпринято. Вскоре он и его сообщники оказались на свободе. Следствие было прекращено. Служители английской и боннской Фемиды и на этот раз не изменили своей благосклонности к бывшим нацистам.

Сразу же вся неонацистская печать, как по команде (а точнее, именно по команде), завопила о «бессовестном злоупотреблении национальным долготерпением немцев». Соболезнования Науману высказывались откровенно и с вызовом. В течение нескольких дней вокруг его имени был создан ореол «мученика за Германию». Когда Науман вышел из своего недолгого заключения, он с удивлением обнаружил, что пользуется в боннской республике популярностью гораздо большей, чем в лучшие годы своей нацистской карьеры. Его оценили как за прошлые, так и за нынешние заслуги, выдвинув кандидатом в депутаты бундестага.

Куда девались неоднократные заверения фюреров Немецкой имперской партии об окончательной черте, которую они подвели под прошлым. С азартом молодцов из гитлерюгенда они распевали песни штурмовиков и выражали свою полную готовность следовать за новоявленным фюрером. В неонацистском движении началась «эра Наумана».

Казалось, что призраки прошлого вновь облакаются плотью. За новыми идолами шли толпы восторженных филистеров. На знаменах Немецкой имперской партии и ее последователей рядом с именем Вернера Наумана сверкали имена Ганса-Ульриха Руделя, полковника гитлеровских ВВС, и Ганса Гримма, нацистского поэта, автора книги «Народ без пространства».

Рудель, как никто другой, был использован неонацистами для привлечения молодежи. В 26 лет он уже был полковником и единственным кавалером высшей фашистской награды за храбрость. В 1948 году Рудель переселился в Аргентину и вскоре стал любимцем президента Хуана Перона. В Аргентине Рудель написал несколько книг, прославлявших «третий рейх» и его военные авантюры. В 1953 году он вернулся в ФРГ, чтобы принять участие в предвыборной борьбе на стороне Немецкой имперской партии. Несмотря на неудачу партии на выборах в бундестаг в сентябре 1953 года (она набрала 295 739 голосов), Рудель продолжал оказывать ей услуги. После 1964 года его благосклонностью пользуется НДП. И по сей день Рудель — один из идолов неонацистской молодежи.

Аналогичную роль, но только среди интеллигенции, симпатизирующей неонацистам, играл Ганс Гримм. Его поместье в Липпольдсберге на Везере еще до прихода к власти нацистов было излюбленным местом встречи духовных поклонников фюрера. Эту традицию Ганс Гримм пронес через все превратности судьбы и продолжил в 50-е годы.

«Эра Наумана» способствовала организационному сплочению неонацистских сил и дала им драгоценный для будущего опыт тактической борьбы. Карты, правда, раскрылись несколько преждевременно. Науман вновь вынужден был заняться коммерческими делами. Но ведь бывшие помыслы, былая сноровка и огромные связи среди бывших гауляйтеров остались. И не только остались, но находят конкретное применение в нынешней боннской действительности. Недаром Адольф фон Тадден считал для себя за честь быть причисленным к группе Наумана.

Эксперименты Адольфа фон Таддена

Социалистская имперская партия в период с 1949 года до момента ее запрещения была крупнейшей праворадикальной партией Западной Германии. Себя же члены СИП предпочитали называть несколько иначе, в духе присущего им пафоса «скромности»: «Единственное сообщество приличных немцев». Но этой партии так и не удалось объединить в один лагерь всех правых националистов. Слишком резвый старт выдал неопытного бегуна, и знатоки определили, что до финиша он «сдохнет». Тадден имел верный глаз и в свои 28 лет понял: генерал-майор Ремер и К⁰ взялись за дело слишком ретиво. В 1949 году они расстались.

Ремер, Дорлс и Крюгер резко свернули вправо. Их первоначальные успехи завистью жгли сердце молодого барона, но он выдерживал характер и шел дальше в авангардной группе Немецкой правой партии. Единственно, что НПП позаимствовала в это время у своих соперников, было название «имперская». Избиратели летели на него, как мухи на мед: сказывалась инерция многолетней привычки. Вскоре после раскола Немецкая правая партия стала называться Немецкой имперской партией (НИП). Изменение названия, правда, не сразу сказалось на соотношении сил: в 1951 году на земельных выборах в ландтаг Нижней Саксонии НИП завоевала лишь 2 мандата, в то время как СИП провела 16 депутатов.

Но обогнать соперника — не всегда значит прийти к финишу первым. И осенью 1952 года лидеры Немецкой имперской партии пожинали плоды умеренности. Они были вдвойне в выигрыше. Похороны Социалистской имперской партии убедительнее всех предостережений говорили ее тайным вздыхателям в рядах НИП о смертельном вреде невоздер-

жанности. Но главное: Немецкая имперская партия была теперь единственным претендентом на роль фюрера в лагере правых националистов. Правда, была еще просто Немецкая партия, но ее рахитичные размеры и подозрительная генеалогия никогда не отвечали вкусам истинных арийцев.

Немецкая партия сформировалась в июне 1947 года на базе Нижнесаксонской земельной партии. Последняя возникла вскоре после капитуляции 1945 года из старых «немцев-ганноверцев», входивших в свое время в запрещенную нацистами «Партию вельфов». В Немецкой партии явно обозначились два крыла: консервативное и праворадикальное. Первое активно выступало за нейтралистскую великую Германию, второе — полностью поддерживало антикоммунистический курс руководства ХДС.

В 1949 году лидеры Немецкой партии подумывали даже об объединении с Немецкой правой партией. Но до выборов в бундестаг оставалось мало времени. Британские оккупационные власти могли рассматривать объединение как создание новой партии и не выдать разрешения на предвыборную борьбу. Эти опасения воспрепятствовали обоюдному стремлению к брачному союзу, и партнеры ринулись в бой на собственный страх и риск.

Немецкая партия добилась значительного успеха и провела 25 своих кандидатов на парламентские места. Более того, ее два министра вошли в правительство. Оказавшись в фаворе у Аденауэра, Немецкая партия сразу же охладела к Немецкой имперской партии. Последняя тоже добилась успехов, но более скромных: она получила шесть мандатов в бундестаг. Последовавший вскоре за этим разлад в ее семейных кругах и выделение Социалистской имперской партии сорвали первоначальные планы сердечного согласия с Немецкой партией. Однако былые симпатии позволяли лидерам НИП время от времени прощупывать через Немецкую партию мнение канцлера.

Внутри Немецкой партии всегда были люди, откровенно тянувшиеся к нацистам. Уже на первых выборах в бундестаг они, отбросив в сторону свой традиционный консерватизм, вытаскивали на ораторские трибуны нацистские черно-бело-красные флаги. На митингах звучал любимый Гитлером Баденвейлерский марш, что, по их мнению, создавало подходящее настроение для избирателей. Еще пример: депутат от Немецкой партии Вольфганг Гедлер, выступая на митинге в Айнфельде, открыто назвал борцов антифашистского сопротивления «предателями» и в заключение бросил

в толпу: «Можно спорить лишь о способе, которым отравляли евреев в газовых камерах. Возможно, были и другие пути избавиться от них». Ввиду общественного скандала председатель Немецкой партии Гельвеге исключил Гедлера из партии. Последний, однако, тут же перешел в НИП, где подобные высказывания служили наилучшей рекомендацией.

Немецкая имперская партия между тем набирала силы и темпы. Еще 21 января 1950 г. в нее влилась существовавшая в Гессене Национал-демократическая партия. В мае 1953 года к НИП присоединился имперский блок, состоявший частично из Немецкого сообщества, Немецкого блока в Баварии и Немецкого союза в Баден-Вюртемберге. Правые радикалы всех мастей стекались под знамена Немецкой имперской партии. Этот процесс резко активизировался после кончины Социалистской имперской партии. В феврале 1953 года на своем съезде в Ниенбурге Немецкая имперская партия окончательно объявила себя «отборным отрядом национальной Германии».

На выборах в бундестаг 1953 года Немецкой имперской партии не удалось добиться внушительной победы: она собрала лишь 295 739 голосов. Сказалась раздробленность в лагере националистов, междоусобицы с соперниками и самоубийственная политика Социалистской имперской партии, подорвавшая всех правых националистов. Кроме того, Немецкая имперская партия явно не учла изменений во внутриполитическом развитии ФРГ, связанных с определенной стабилизацией в экономике и укреплением влияния ХДС.

29—30 ноября в Гёттингене состоялся второй в этом году съезд НИП, на котором был взят курс на организационное укрепление партии. Было обновлено ее руководство. На место Гейнриха Шеффера, бывшего в течение 1953 года председателем НИП, был избран директориум партии, состоявший из трех человек: Вильгельма Майнберга, Александра Андрае и Адольфа фон Таддена.

Майнберг, 1898 года рождения, имел безупречное прошлое великогерманского националиста. Уже в 1916 году он добровольцем вступил в рейхсвер и принял боевое крещение в саперных частях. В 1923 году он основал штальгельмовскую группу и в полном составе привел ее в ряды национал-социалистов. В «третьем рейхе» Майнберг сделал блестящую карьеру. Уже в 1929 году он вступил в нацистскую партию и позднее был представлен к золотому почетному значку ветерана НСДАП. Майнберг имел чин группенфюрера СС. С 1933 года он был депутатом рейхстага, а в июле

1933 года был назначен Герингом членом прусского государственного совета. Имея за плечами такой опыт, Майнберг не мог оставаться равнодушным к послевоенному движению своих единомышленников. Он присоединился к Немецкой имперской партии и уже в 1950 году стал исполняющим обязанности председателя директориума НИП, а в 1955—1960 годах — ее федеральным председателем.

Александр Андрае, 1888 года рождения, тоже принадлежал к числу старых вояк, карьера которых была связана с полицейской и воинской службой. В 1933 году он вступил в НСДАП и служил ей ревностно до последнего дня. С 1935 года Андрае вошел в руководство «люфтваффе» и возглавил военные школы гитлеровских ВВС. Сразу же после возвращения из плена он установил контакты с правыми националистическими группировками и быстро выдвинулся в лидеры.

Самым молодым в этом триумvirате был Адольф фон Тадден. Несмотря на свои годы, именно он оказался ключевой фигурой в Немецкой имперской партии. Адольф фон Тадден, 1921 года рождения, — выходец из старо-прусской знати. Семейное поместье баронов фон Тадденов находилось в Померании. Таддены издавна поставляли прусскому государству, а позже германскому рейху кадры военных офицеров и высшего чиновничества. Во времена Бисмарка они были вхожи в круг близких друзей «железного канцлера». Родители дали своему Адольфу агрономическое образование, но он променял сельскую идиллию на офицерскую карьеру в танковых частях своего бесноватого тезки. Едва ему исполнилось 18 лет, как он вступил в члены НСДАП. По молодости лет барон не успел основательно запачкаться коричневой грязью, что в будущем использовалось как алиби для сокрытия его пронацистских симпатий. Был и еще ряд обстоятельств, давших в руки Адольфа фон Таддена удобные аргументы для демагогии и карьеры «незапятнанного». В начале осени 1944 года, будучи на фронте, он узнал, что его сводная сестра Элизабет фон Тадден за связь с участниками заговора 20 июля 1944 г. была приговорена трибуналом к смертной казни.

Однако это не помешало барону сражаться в войсках фюрера до последнего дня капитуляции. После войны фон Тадден оказывается в Гёттингене на службе у британских оккупационных властей, для которых его знатное происхождение послужило визитной карточкой, в ведомстве по управлению собственностью лиц, подлежавших денацификации.

На этом посту Адольф фон Тадден узнал много полезного о своих бывших предводителях и их наследстве, что было весьма немаловажно для воссоздателя неонацистской партии.

Позже Адольф фон Тадден увлекся публицистикой и политической деятельностью. Крайне правые националисты приняли его в свой круг и подняли на щит. Уже в 1949 году прусский барон въехал в бундестаг на колеснице «правого радикализма». Нельзя сказать, чтобы его политическое счастье в Немецкой имперской партии было безоблачным. У барона было немало личных и партийных противников. Но ему удавалось при всех перипетиях оставаться на флагманской шлюпке НИП. Это было нелегко. В годы становления и развития Немецкой имперской партии постоянно возникали всевозможные уклоны; велась борьба за определение оптимального курса партии. Адольф фон Тадден все это преодолел. Обладая опытом политической борьбы и будучи искусственным тактиком, он не торопился взбираться на капитанский мостик. Бурное море политических страстей таило в себе массу неожиданностей. В таких условиях было крайне важно заручиться поддержкой и доверием судовой команды. И Адольф фон Тадден занялся организационным укреплением партийного аппарата. Ловкий тактик и прагматик, он искусно использовал репрезентативную для всех правых радикалов и экстремистов фигуру Майнберга. Биография последнего и его многочисленные связи способствовали притоку в Немецкую имперскую партию явных и тайных поклонников «третьего рейха» всех мастей. В то же время Майнберг не мешал прусскому юнкеру проводить организационную перестройку партии.

С середины 1953 и до конца 1954 года фон Таддену удалось увеличить численный состав Немецкой имперской партии почти в 10 раз. Даже по официальным западногерманским источникам, в ней насчитывалось в этот период около 9 тыс. активных членов, то есть почти столько же, сколько имела в момент своего расцвета Социалистская имперская партия. Была расширена сеть первичных и районных организаций, которые были разбросаны по всем землям Западной Германии. В это же время в нее вливаются другие правые группировки, такие как «Немецкая национальная партия 1954 года», «Бременский земельный союз» и др. В общем, объединение «национального лагеря» шло полным ходом.

13—14 ноября 1954 г. в Нюрнберге состоялся очередной

съезд Немецкой имперской партии, который принял «Основные принципы НИП», основу будущей программы. В 26 основных принципах НИП явно прослеживалось смещение акцентов с консервативного направления на крайне националистическое. В качестве основной задачи выдвигалось воссоздание всемогущего рейха.

Если отцы Немецкой имперской партии были едины в главном, проповедуя откровенно правый национализм, то в программных установках и путях достижения своих целей мнения расходились. В период 1949—1955 годов в руководстве партии преобладали открытые сторонники нацистов и крайне правых. Хотя партия на словах неоднократно открещивалась от «националистического прошлого», ее лидеры делали ставку на голоса «жертв денацификации» и заигрывали с пронацистами. В течение первых лет своего существования НИП тесно сотрудничала с гессенским союзом интернированных «Камерадшафтсхильфе», который насчитывал более 10 тыс. активных членов. В погоне за этими голосами НИП во главе списка своих кандидатов на выборах поставила председателя этого союза Отто Шнелла. В 1949 году НИП заключила также политический союз с неонацистским «Сообществом независимых немцев», основанным в 1947 году. Из этой организации НИП выставила в качестве своих кандидатов на выборах ранее упоминавшихся нацистов Фрица Дорлса и Отто Ремера, позднее возглавивших Социалистскую имперскую партию. В последующие годы развития НИП, как уже отмечалось, проходило под влиянием Наумана и его ставленников.

«Эра Наумана» в Немецкой имперской партии продолжалась до осени 1956 года. В политической игре это была последняя открытая ставка лидеров НИП на коричневого короля. В партии настолько окреп пронацистский дух, что в нее в 1954 году уже без сомнения вступали бывшие члены и функционеры запрещенной Социалистской имперской партии. Членам НСДАП явно отдавалось предпочтение: все три члена директориума — Майнберг, Андрае и фон Тадден — были членами НСДАП. Из 9 членов партийного руководства 7 были ранее в нацистской партии и 1 в Социалистской имперской партии. В земельных союзах была аналогичная картина. Повторялась история Социалистской имперской партии: правый национализм неуклонно развивался в откровенный неонацизм. Об этом свидетельствовал не только состав партии и ее пропагандистская деятельность, но и заявления лидеров-неудачников.

В июле 1957 года в знак протеста против нарушений устава и программы партии из НИП вышел один из членов директориума, Андрае. В письме к своим «бывшим политическим друзьям» он писал, что, хотя нельзя ставить знак равенства между НСДАП и НИП, «однако в методах внутреннего руководства Немецкой имперской партии сидит, к сожалению, наследие НСДАП. У обеих имеется много общего»¹⁴.

Несмотря на свои угрозы, ведомство канцлера не собиралось запрещать Немецкую имперскую партию. Последняя пришла к выборам 1957 года, имея свыше 10 тыс. членов. На партийном съезде в 1955 году вновь был изменен устав и на место директориума были избраны председатель партии Майнберг и его заместитель Гейнрих Кунстман.

Гейнрих Кунстман, 1900 года рождения, охотно называвший себя профессором, был выходцем из кругов евангелической церкви. Принадлежность к церковной элите не помешала ему уже 1 марта 1930 г. вступить в НСДАП (номер партийного билета 208650) и быть штандартенфюрером СА. После войны он сближается с Вернером Науманом и вступает в НИП. В политическом плане он выступал как сторонник тех кругов националистической буржуазии, которые осторожно прощупывали возможность усиления своего могущества на путях нейтрализма.

Именно в этот период в Немецкой имперской партии усиливается националистическое течение с нейтралистским уклоном. Это было связано с вступлением ФРГ в НАТО и откровенной ориентацией правящих партий на союз с западными державами. Учитывая широкое недовольство среди западногерманского населения внешнеполитическим курсом ХДС, ростом милитаризма и присоединением к НАТО, верхушка Немецкой имперской партии решила в демагогических целях выдвинуть внешнеполитическую программу нейтрализации страны. Основной посылкой при этом было: нельзя восстановить былой рейх, делая ставку на НАТО; только нейтральная Германия может стать великой. Эту точку зрения громче всех высказывал личный врач Майнберга Кунстман. Вскоре его назначили заместителем председателя партии. Такая фигура была вдвойне удобна для Майнберга: Кунстман олицетворял новый курс НИП, и, когда Майнберг был болен, он постоянно был при председателе в качестве врача и его заместителя.

Адольф фон Тадден в это время тоже исповедовал нейтрализм, хотя и не столь усердно, как Кунстман. Барон

прежде всего был антикоммунистом, а затем уже немцем. Поэтому уже его первоначальный нейтрализм страдал явными прозападными симпатиями. На кассельском съезде НИП в июле 1955 года фон Тадден внешне, казалось бы, отступил на второй план: он был назначен главой внешнеполитической референтуры партии. На деле же Адольф фон Тадден все больше становился подлинным менеджером и идеологом партии. Он не без успеха решал одновременно несколько задач: организационно укреплял партию, добивался ее численного роста (к 1956 г. — 12 500 членов), объединял вокруг себя правые националистические группировки и, меняя тактику, гнался за голосами избирателей. Характерными в тот период для фон Таддена были такие заявления: «Воссоединенная Германия должна быть независимой от всех военных пактов, однако настолько сильной, чтобы она смогла помешать началу третьей мировой войны и без немецких дивизий в НАТО».

Изменение политического курса Немецкой имперской партии не принесло ей ощутимых результатов. На выборах в бундестаг в сентябре 1957 года НИП набрала 1,1% (300 тыс.) голосов. Правда, 19 апреля 1959 г. на земельных выборах в Рейнланд-Пфальце НИП набрала 87 349, или 5,1%, голосов и провела в ландтаг своего депутата Ганса Широка.

Возможно, НИП добились бы и больших успехов, но в это время разразился скандал вокруг осквернителей синагог. В рождественскую ночь на стенах кёльнской синагоги были намалеваны свастики. В зарубежной и западногерманской прессе поднялся шум. Когда выяснилось, что виновные были членами Немецкой имперской партии, демократическая общественность потребовала покончить с неонацистской заразой.

Правительственные круги, учитывая нежелательный резонанс кёльнской истории за рубежом и внутри страны, решили произвести небольшое кровопускание. Министерство внутренних дел заинтересовалось деятельностью земельной организации НИП в Рейнланд-Пфальце, где в окружении многочисленных лагерей НАТО неонацисты чувствовали себя особенно привольно. Более 30% членов земельной НИП составляли выходцы из запрещенной Социалистской имперской партии. Единственный депутат НИП в ландтаге бывший профессиональный вояка, а ныне судебный служащий Ганс Широка открыто пропагандировал свои пронацистские взгляды.

В начале января 1960 года Адольф фон Тадден и Отто Гесс во время попойки в Кобленце в ресторане гостиницы «Маленький великан» узнали от служащего политической полиции, что против Широка и земельной организации заведено дело. Они тут же поспешили к нему и ночью уговорили его подать в отставку ради спасения организации. Широка согласился, и об этом было объявлено в печати. Когда же через несколько дней, 26 января 1960 г., земельная организация НИП в Рейнланд-Пфальце была все-таки запрещена, Широка впал в ярость и обвинил фон Таддена в интригах.

Для официального Бонна такого решения было вполне достаточно. Видимость строгой законности была соблюдена: наиболее рьяные экстремисты были наказаны. Фон Тадден и К⁰ тоже были довольны: они освободились от негибкого нациста, который на данном этапе вредил своей чрезмерной преданностью делу фюрера.

Что же касается самой Немецкой имперской партии, ее дело несколько не пострадало. Старый уроженец Пфальца Отто Гесс тут же воссоздал новую земельную организацию НИП. Конечно, никто в Бонне всерьез и не думал братья за НИП, но скандал был явно не на пользу неонацистам. Они в это время находились в поисках своей линии, которая бы обеспечила им успех. Постоянные метания в политике, отсутствие твердого руководства и, наконец, скандальная кельнская история повлияли на избирателей. На выборах в бундестаг в 1961 году она набрала на 15% меньше голосов, чем в 1957 году. В НИП нарастал кризис.

В 1960 году пациент Кунстмана болезненный председатель НИП Майнберг окончательно слег, и на его пост вступил сам лечащий врач. Но он не был той фигурой, которая могла бы вывести правых националистов из полосы растущих неурядиц. Выборы 1961 года развеяли последние сомнения барона: медлить было нельзя. И на очередном съезде Немецкой имперской партии в Нортхайме в декабре 1961 года сказались плоды кропотливой организаторской работы прусского Адольфа.

Непосредственно перед съездом Кунстман, почувствовав недоброе, лишил фон Таддена всех постов в партии (через шесть лет Тилен повторил этот ход), придравшись к тому, что барон не мог объяснить происхождения предвыборного пожертвования в 45 тыс. марок. Кунстман поднял шум: «Подобные денежные аферы лишь подрывают доверие к партии среди избирателей. Наша финансовая политика должна быть чиста, как помыслы младенца».

Адольф фон Тадден остался невозмутимым и ничего не ответил расшумевшемуся лекарю. Через две недели члены правления НИП большинством голосов избрали фон Таддена председателем партии. Обескураженный Кунстман вместе с 800 своих сторонников вышел из НИП и 13 января 1962 г. основал свою собственную Немецкую партию свободы. Упрямо проповедуя великогерманский национализм нейтралистского толка, эта партия в последующем не достигла сколько-нибудь значительных успехов. 10—11 апреля 1965 г. Немецкая партия свободы и Немецкое сообщество (основанное в 1949 г.) объединились в Сообщество действительных независимых немцев, очередную националистическую группировку нейтралистской ориентации.

Что касается Немецкой имперской партии, то после выборов в бундестаг в 1961 году и очередного раскола (выход группы Кунстмана) она попала в полосу застоя. В 1962 году она не участвовала в земельных выборах, собирая силы для следующего года. Но и выборы 1963 года в ландтаги земель Рейнланд-Пфальц и Нижняя Саксония не принесли фюрерам НИП желанных успехов. Тогда фон Тадден модифицировал программу партии: от нейтралистских замашек Кунстмана не осталось и следов. На первый план выдвигались идеи «европейского национализма» прозападного образца. Однако и это не явилось панацеей от неудач.

Чуткий ко всякого рода политическим переменам, прусский барон улавливает наступление нового этапа в развитии Западной Германии. Неуверенность и беспокойство, витавшие в атмосфере боннской республики, порождали неудовлетворенность политикой правящих кругов ХДС. Поднималась вторая волна национального недовольства. В этих условиях успех «правого радикализма» зависел от объединения всех правых сил на общей основе и от разжигания национального самомнения западногерманского филистерства.

На съезде Немецкой имперской партии в Карлсруэ в сентябре 1963 года Адольф фон Тадден призвал к объединению всех правых сил на «национальной основе». Причем это обращение было адресовано не мелким раздробленным группам, а буржуазно-националистическим силам в Немецкой партии, Общегерманской партии и правому крылу ХДС/ХСС. Подавляющее большинство из 400 делегатов одобрило этот курс, переизбрав фон Таддена председателем партии, а Эмиля Майер-Дорна и Отто Гесса — его заместителями.

Новая линия была апробирована на осенних коммунальных выборах 1963 года в Бремене. Немецкая имперская партия выступила в блоке с Немецкой партией, которую возглавлял Фриц Тилен, будущий председатель НДП. Бременский эксперимент оказался успешным: обе партии перешагнули пятипроцентный барьер и провели в городской парламент четырех депутатов.

Состоявшийся в июне 1964 года в Бонне 13-й съезд Немецкой имперской партии окончательно утвердил новый курс. НИП не только заявила о своей готовности к объединению всех праворадикальных сил, но и проявила в этом направлении собственную инициативу. Непосредственно перед съездом был проведен зондаж руководства Немецкой партии, Немецкой партии свободы, Общегерманской партии, Немецкого блока, Немецкой национальной народной партии, Рабочего сообщества национальной политики. По мнению фон Таддена, эти партии и группы могли составить ядро будущей праворадикальной партии.

28 ноября 1964 г. представители праворадикальных группировок всех оттенков съехались в Ганновер. В этот день родилось новое объединение неисправимых почитателей великогерманского прошлого — Национал-демократическая партия. Ее стовым хребтом явилась Немецкая имперская партия. Лидеры последней всячески затушевывали преемственность. И хотя партийный аппарат Немецкой имперской партии и большинство ее членов влились в Национал-демократическую партию сразу же после ее создания, решение о самороспуске НИП было принято лишь 4 декабря 1965 г.

Адольфу фон Таддену хотелось как можно скорее забыть неудачи последних лет. О несостоятельном прошлом Немецкой имперской партии не хотелось думать. Влечение к прошлому ведь только тогда непреодолимо, когда оно связано с осуществлением вечной националистической мечты о «великом германском рейхе». С созданием НДП для правых сил эта мечта обретала зримые очертания. Вся почва боннского заповедника, казалось, была жирно унавожена национализмом высокой концентрации. И на ней пуще прежнего разрослись буйные побеги неонацистского чертополоха.

ВЕЛИКОГЕРМАНСКОЕ СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ СПРАВА

Неонацистская проказа на теле «сформированного общества» — недуг не локальный. Ее появление — признак и следствие общего болезненного состояния. Ее питает отравленная кровь; порча глубоко въелась во все поры государственного организма.

Чем объяснить коричневую вспышку в последние годы? Только тем, что организм был давно предрасположен к подобному заболеванию. После войны западные хирурги не решились на радикальную операцию. Болезнь была загнана вглубь, и ее рецидивы лишь время от времени настаивали на мировой общественность. Однако нынешняя вспышка носит особенно прогрессирующий характер.

Боннские профессора внутренних и внешних дел предпочитают хранить показное спокойствие. Более того, они усыпляют встревоженную общественность успокоительным диагнозом: речь, мол, идет не о врожденном пороке, а о побочной реакции здоровой и прочной демократии. А если все же имеет место хронический недуг, то им поражена лишь незначительная часть общества. Но в целом, разумеется, нет причин для беспокойства.

Ради успокоения всерьез озабоченных происходящим вот уже несколько лет подряд публикуются бюллетени о состоянии боннского общества. Западногерманский историк Гейнц Брюдигам заявляет по этому поводу: «Сообщения и статистические данные о правом радикализме в Федеративной республике, публикуемые ежегодно начиная с 1962 года федеральным министерством внутренних дел, рисуют картину, после которой бундесбюргер может спокойно ложиться спать. Ибо вывод гласит: незначительно и неопасно»¹.

Однако из Бонна отвечают: «Не нужно драматизировать положение. При трезвом подходе пока еще нельзя сказать,

что НДП — правозэкстремистская партия. Даже если бы она оказалась таковой, Федеративная республика все же не опозорилась бы перед мировой общественностью. 8% экстремистов — это такое число, которое демократия должна переварить». И это в то время, когда любому непредубежденному наблюдателю ясно, что неонацистский недуг есть проявление общего кризиса чахнувшего организма боннской демократии. А официальные успокоения и заверения в благополучии вызывают как раз наибольшую тревогу. Они свидетельствуют о том, что имеет место не досадное упущение, а сознательное сокрытие истины.

Почему рейнская Фемида заверяет всех в нормальном развитии западногерманской демократии? Не потому ли, что у нее самой рыльце в неонацистском пушку? Ведь в прошлом кур с чужого двора воровали и добропорядочные бургеры, и громилы-рецидивисты. А что до хилой падчерицы — демократии, ей и так не сладко живется при шаумбургском дворе. Так что не беда, если она и совсем отмучается. И не все ли равно от чего — от неонацистской червоточины или от лечения особыми чрезвычайными средствами.

Профессор Марбургского университета Вернер Гофман попытался разобраться в причинах роста влияния НДП. Он пришел к выводу, что неонацизм не следует рассматривать отдельно, в отрыве от экономических, социально-политических и идеологических условий ФРГ. По его мнению, организованный «правый радикализм» находит питательную среду в обществе и в традиционном мышлении, которое в этой стране пустило глубокие корни. В начале 1967 года В. Гофман писал на страницах «Франкфуртер рундшау»: «При более конкретном рассмотрении природы нашего правого радикализма удивляешься, что партии (НДП. — В. Л.) необходимо было достичь успеха на выборах, чтобы привлечь к себе внимание в стране и за границей. Разве нашей политической и духовной жизни совершенно чужды отдельные стороны, по которым у избирателей складывается представление об этой партии, представляющей смесь старых и новых аффектов?»

Разве старые и новые экстремисты в общем-то не должны испытывать воодушевление, когда наши суды явно мягко обращаются с национал-социалистскими преступниками, которые несут ответственность за массовые убийства; когда их после отбытия самого незначительного срока заключения во многих случаях отпускают на свободу «за неспособностью отбывать наказание»; когда бесконечные фоторепорта-

жи, солдатские журналы и книги вызывают воспоминания о волнующих временах Великой Германии и когда великогерманский литературный гешефт превратил некоторые журналы в сплошной поток мемуаров; когда под знаком ставшего уже болезнью антикоммунизма подвергается подозрению малейшее проявление гражданского либерализма и когда все больше распространяется новая мания защиты со стороны государства?

...До тех пор, пока... наша официальная политика намерена из всего прошлого «разделаться» только с 1945 годом, пока систематически публикуются вводящие в заблуждение географические карты Германии, пока подвергают публичному осуждению людей, которые, как противники режима, из-за смертельной для себя опасности должны были после 1933 года покинуть страну, пока требуют участия в распоряжении ядерным оружием, рассматривая это как вопрос «национального престижа», и до тех пор, пока будут считать, что все попытки разрядки напряженности предпринимаются «за наш счет», правый радикализм может даже примкнуть к официальной политике.

В этих обстоятельствах организованный правый радикализм предстает не как искусственное, а как закономерное порождение существующих условий. Поэтому и его способность действовать не может измеряться в процентах, полученных на выборах партией, на которую смотрят с напряженным вниманием. Собственно, то новое, что показали недавние выборы в двух федеральных землях (Гессен и Бавария. — В. Л.), заключается в следующем: правый радикализм распространил свое влияние на широкие слои населения. Можно ли удивляться этому?»².

С Вернером Гофманом трудно не согласиться: удивление здесь по меньшей мере наивно. В данном случае оно с головой выдает боннских критиков, как режиссеров-соучастников и постановщиков неонацистского спектакля. Марбургский профессор лишь заглянул за его кулисы. А ведь именно там находится кухня любой постановки.

Что же касается неонацистского движения и его конкретного проявления в 60-х годах, то, как и всякое политическое явление, оно было обусловлено конкретными факторами экономического, идеологического и политического развития Западной Германии. Без понимания этих процессов вряд ли возможно разобраться во взаимосвязи событий на общественной арене Бонна и уяснить место и роль неонацистского движения.

1. ЭКОНОМИКА

Старые хозяева в новом доме

Шел первый послевоенный год. В Европе только-только смолкли пушечная канонада и леденящий душу вой сирен. Непривычная тишина казалась ненастоящей и предательской. Люди не могли нарадоваться желанному миру и не хотели примириться с горечью потерь. Ненависть к фашизму жгла, как свежая рана. Общей клятвой выживших и выстоявших были слова: «Это никогда не должно повториться!».

Чтобы ядовитое древо больше не могло плодоносить, нужно было вырубить его корни. Результаты опросов, проведенных в 1946 году как в Саксонии, так и в Гессене, были аналогичны: население высказывалось за лишение экономической власти тех сил, которые привели к власти фашизм и развязали войну. Здравомыслие народа победило двенадцатилетнюю ложь, клевету и демагогию Геббельса. Немецкие трудящиеся выразили свое согласие с Потсдамскими соглашениями, согласно которым было решено в целях окончательного лишения власти и влияния империалистических сил в Германии провести денацификацию, демилитаризацию и декартелизацию. В пункте 12 Потсдамских соглашений говорилось: «В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений»³.

Однако столпы германского империализма, взрастившие нацистского уroda, отделались лишь легким потрясением. Альфред Крупп был приговорен за военные преступления к 12 годам тюремного заключения, Фридрих Флик получил всего 7 лет тюрьмы, а Герман-Йозеф Абс (один из директоров «Дойче банк» и член Комитета по вопросам России) за весьма плодотворную службу «третьему рейху» после войны был заключен англичанами в тюрьму на... 3 месяца! А ведь эти имена были хорошо известны не только немцам, но и многочисленным жертвам агрессии германского империализма.

О Гитлере еще никто не знал, когда имя Круппа уже было символом воинствующего германского рейха. Кайзеровские войска туго набили мощну круппам, тиссенам, фли-

кам. И они, не скупясь, поделились с «сильным человеком», едва почувствовали запах крови и возможность наживы. Это они приняли весной 1931 года решение об отчислении 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля в пользу нацистских главарей, что составляло в год не менее 10 млн. марок. Не отставали и стальные короли Рура, магнаты «ИГ Фарбениндустри». Уже в январе 1933 года консорциум крупных промышленников во главе с Феглером и Шпрингером выделил Гитлеру 1 млн. марок для распределения среди штурмовиков и эсесовцев. «Гитлер и магнаты Рура, — говорилось в обвинительных заключениях по делу руководителей концернов Флика и «ИГ Фарбениндустри», — нашли общий язык во взаимной ненависти к демократии и преклонении перед безжалостной авторитарной политикой силы... Не будь этого сотрудничества, Гитлер и его последователи никогда не смогли бы получить власть и укрепить ее»⁴.

История вынесла свой приговор. Гитлеровский рейх был разрушен. На его западных развалинах вскоре было сооружено новое государственное здание боннской республики. Его строили объединенными усилиями американские, английские и французские родственники германских монополистов. Родственники по классу. И когда в новом доме на Рейне расселились жильцы, то на его лучших апартаментах вновь засияли золотые таблички со знакомыми именами: «Фридрих Флик», «Герман-Йозеф Абс», «Маннесман» и «Тиссен».

Итак, говоря о предпосылках возрождения и активизации неонацистских сил в послевоенной Западной Германии, нельзя не прийти к выводу: первопричиной этого развития являлось сохранение здесь господства тех же социальных сил, которые когда-то привели нацизм к власти.

По данным западногерманского социолога Вольфганга Цапфа, после второй мировой войны ведущие концерны восстановили свои позиции в ФРГ. 11 из 15 самых больших концернов входили еще до войны в высшую руководящую группу. Причем, согласно проведенным исследованиям, в период с 1919 по 1961 год наиболее длительное время на ключевых государственных постах находились именно руководители экономики. «Формально, — отмечал Цапф, — можно легко заменять как президентов объединений, так и председателей правлений и наблюдательных советов. На деле же, однако, многие ключевые позиции в крупных управлениях практически предоставлялись пожизненно, причем

занимавшие их лица играли решающую роль при назначении своих преемников»⁵.

Колесница истории мчалась дальше. Менялись лишь куцера. Но финансовые сановники и промышленные тузы по-прежнему восседали в господской карете. Правда, и среди пассажиров были жертвы — это те, кто не выдержал темпа. Жертвами конкуренции оказались фирмы «Хеншель», «Борвард», «Шлесснер». Оставшиеся окрепли. Среди них — Квандт (металлургия, электричество, машиностроение, автомобили, страховые компании, банки), Йозеф Неккерман и Густав Шикеданц (универмаги), Рудольф Откер (пивоваренные заводы, пищевая промышленность, страховые общества).

Появились и новые имена. Это были те, кому удалось вскочить на подножку кареты благодаря сноровке и конъюнктуре. Но таких немного: Макс Грундиг (король радио, телевидения и конторской техники), Гельмут Хортен (владелец 50 универмагов, выходец из рейнской крупной буржуазии, начавшей свое «дело» с активного участия в нацистских операциях по так называемой «ариизации»). В послевоенную «элиту» прочно вошел и газетный магнат Аксель Цезарь Шпрингер.

В борьбе за власть сужался круг претендентов. Но могущество их возрастало. Закон империалистического развития неумолим: выживает сильнейший, тот, кто сумел обуздать «желтого дьявола». Власть и могущество прежних хозяев небывало возросли. Концентрация и централизация капитала в Западной Германии достигли степени, не имеющей себе равных в истории германского империализма. В конце июня 1966 года в ФРГ было 2501 акционерное общество с основным капиталом в 47,2 млрд. марок. 92 крупнейших из них (каждое с основным капиталом в 100 млн. марок и больше) объединяли 60,3% основного капитала всех западногерманских акционерных обществ. Экономический потенциал западногерманского империализма ныне в 2 раза больше, чем экономический потенциал всей империалистической Германии во время второй мировой войны. Прибыль крупных монополий за последние 10 лет увеличилась почти в 3 раза. 50 самых крупных монополий получают 7-миллиардную прибыль⁶.

Новое обогащение прежних монополий толкает их на прежнюю дорожку авантюры вовне и усиления реакции внутри. В силу вступает старый закон германского империализма: чем сильнее, тем агрессивнее.

Сборы в новый поход за „великую Германию“

«Со времени первой мировой войны Западная Германия никогда не была такой сильной, как сегодня», — заявил в марте 1965 года на XIII съезде ХДС в Дюссельдорфе Йозеф-Герман Дуфус, исполнявший в то время обязанности председателя ХДС. Устами Дуфуса вещал монополистический капитал, который достиг в своем послевоенном развитии небывалого могущества. Общественный продукт вырос в период между 1935 и 1965 годами более чем в 2 раза, хотя в настоящее время в западногерманской экономике занято на 7,8 млн. людей меньше, чем в фашистской Германии в 1935 году. И территория ФРГ значительно меньше «третьего рейха». В 1961 году ФРГ обогнала Великобританию и стала вторым по силе промышленным государством в капиталистическом мире. К 1960 году в основном закончился период реставрации западногерманского империализма. Монополистический капитал полностью развернул свои боевые порядки, завершив за минувшие полтора десятилетия консолидацию своей экономической мощи.

Начало 60-х годов характеризуется переходом западногерманского империализма от реставрации к экспансии. С этим непосредственно связаны и важнейшие идеологические процессы в ФРГ, характеризующиеся растущей агрессивностью великодержавного национализма.

Реставрация западногерманского империализма после второй мировой войны проходила в рамках «европейской идеи». Находясь в экономической и политической зависимости от США, ФРГ могла восстановить свой экономический и военный потенциал, лишь участвуя в западноевропейской интеграции и союзах западных держав. Иного пути не было. Но сейчас боннские деятели выдают свою европейскую общительность чуть ли не за доказательство отказа от национального эгоизма. При этом они сознательно упускают то обстоятельство, что в послевоенный период «европеизм» предоставлял больше экономических возможностей и меньше вызывал политических подозрений со стороны западных соседей, бывших военных противников. После того, однако, как ФРГ достигла определенного экономического и политического могущества, рамки «малой Европы» стали для нее прокрустовым ложем. Для дальнейших экспансионистских устремлений западногерманского империализма более подходящей стала идея воинствующего великодержавного национализма. Иными словами, если раньше стратегия Бон-

на сводилась к тому, чтобы быть первым среди равных, то теперь — быть равным среди первых. Став первым среди западноевропейских партнеров, западногерманский империализм стремится стать равным среди первых по могуществу держав мира.

Но выполнению этой задачи мешает политическая скованность Бонна. В апреле 1965 года ведущий журнал западногерманских монополий «Индустрикуруир» писал, что в ФРГ существует большая несоразмерность между политической и экономической. Несмотря на то, что ФРГ принадлежит к числу наиболее развитых держав земного шара, она не имеет соответствующего политического веса.

Такая постановка вопроса не нова. Еще генерал Фридрих фон Вернхарди писал в 1912 году: «Если посмотреть на положение немецкой нации в мире, то мы, скрепя сердце, должны признать, что политическое положение германского рейха никоим образом не отвечает культурной ценности немецкого народа и экономическому значению немецкой нации за рубежом». Германские империалисты попытались устранить это противоречие силой. Возникла первая мировая война.

Уже через несколько лет после ее окончания Гитлер заявил, что немцам надо предоставить место под солнцем. Он требовал переделить мир и дать немцам дополнительное «жизненное пространство». Накачав свои милитаристские мускулы, он устроил «европейский мордобой» своим западным покровителям, начав вторую мировую войну. При этом он действовал с полного благословения монополий, которые вновь обрели экономическую силу и были недовольны своим политическим «бесправием» в мире.

«Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, — писал В. И. Ленин, — а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет их становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития...»⁷.

Конечно, сегодняшний мир далеко не тот, каким он был 50 лет назад. И западногерманские магнаты после двух тотальных поражений чувствуют себя менее уверенно. Но природа империализма не изменилась. И по мере накопления его экономического потенциала неизбежно возрастают экспансионистские вождедения и агрессивный зуд.

Экспансионистская экономическая политика западногерманского империализма проявляется в трех направлениях: в проникновении в экономику развивающихся стран, в захвате ведущих позиций в «общем рынке» и в Западной Европе, в попытках расширить сферу своего господства за счет поглощения ГДР и территорий других социалистических стран.

«Третий мир» давно бередил старые раны западногерманских неоколонизаторов. Окрепнув после американских долларовых вливаний, они тут же вторглись в сферу влияния своих покровителей. Презрев все табу «доктрины Монро», западногерманские монополии с особым усердием и заинтересованностью стали охаживать латиноамериканцев. С 1957 по 1966 год их прямые капиталовложения в Южной Америке выросли с 514 млн. до 1615 млн. марок. Не были оставлены без внимания и Африка, и Азия. На черном континенте капиталовложения ФРГ выросли за тот же период с 93 млн. до 565 млн. марок, в Азии — с 76 млн. в 1957 году до 314 млн. марок в 1966 году.

За это же время правительство ФРГ предоставило в рамках государственно-монополистической системы финансирования около 17 млрд. марок в фонд помощи для развития, который служит интересам монополий. Сами монополии выделили с 1957 года около 12 млрд. марок на кредитование товарного экспорта в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки⁸.

Важной целью боннских стратегов является старая мечта о гегемонии в Западной Европе. Западногерманскому капиталу стали тесны рейнские берега, ему хотелось выйти на европейские просторы. Франц-Йозеф Штраус, менестрель западногерманских монополий, так откликнулся на эту задачу: «Проблема заключается не в том, как сохранить Германию (Западную. — В. Л.) экономически сильной, но политически слабой. Это неправильная постановка вопроса. Наоборот, проблема заключается в том, как придать ее экономической мощи политическое влияние. В конце концов, не может быть Германии, которая была бы великаном в экономическом отношении и карликом в политическом. Вот почему для немецкой политики нужны европейские рамки»⁹.

Западногерманский империализм использовал все преимущества Европейского экономического сообщества и НАТО, чтобы опередиться на них, возвыситься над остальными европейскими партнерами. Промышленное производ-

ство ФРГ почти равно производству всех других стран — членов «общего рынка», вместе взятых, и вдвое больше, чем Франции.

Но западногерманское империалистическое чудовище ненасытно. Чем больше оно пожирает, тем сильнее возрастает его аппетит. Став хозяином «общего рынка», оно уже зарится на остальную Европу. Старый верный слуга западногерманских монополий Конрад Аденауэр во время своего последнего зарубежного вояжа в Испанию в феврале 1967 года выдал великодержавные помыслы своих хозяев: «Нашей целью, в этом я вполне убежден, не может быть Европа шести стран... Сюда должна относиться и Испания..., но, думая о Европе, нам надо смотреть и на Восток. К Европе относятся страны, имеющие богатое европейское прошлое. Они также должны получить возможность присоединиться. Европа должна быть великой, должна иметь силу, должна оказывать влияние, с тем чтобы заставить считаться со своими интересами в мировой политике»¹⁰.

Итак, «экономический великан» вновь смотрит на Восток, чтобы присоединить его и навести там свои порядки. Бывший федеральный министр Ганс-Кристоф Зеебом, выступая в конце 1966 года на «общегерманской неделе» в Бракеле (район Хекстер), откровенно заявил: «Мы желаем иметь Европу, которую могли бы вновь заселить своими людьми...». А за год до этого, на встрече «землячества судетских немцев», состоявшейся в 1965 году в Штутгарте, нынешний канцлер Кизингер заявил перед более чем ста тысячами собравшихся: «Пока еще открытым остается вопрос о том, когда и как нам удастся воссоединить развалины старого рейха Бисмарка»¹¹.

Итак, цель прежняя: великогерманский рейх. Он нужен западногерманским империалистам прежде всего как сфера приложения их капиталов для получения новых прибылей. Ведь недаром до сих пор в официальных изданиях ФРГ указываются «акционерные общества с восточной собственностью» (предприятия в социалистических странах, на которые с присущей им наглостью претендуют западногерманские монополисты). В ГДР они насчитывают 786 таких предприятий, в Польше — 172, в Чехословакии — 8 и на территории СССР — 28.

И это не просто бред. Это конкретные планы созданного в марте 1952 года пресловутого «Исследовательского совета по вопросам воссоединения Германии». Составленный этим советом «серый план» поглощения и разграбления

ГДР предусматривает там восстановление капиталистических порядков после захвата «восточных областей».

Западногерманские магнаты явно страдают бурбонством: они ничего не забыли и ничему не научились. И уже заметны сборы в новый поход за «великую Германию».

2. ИДЕОЛОГИЯ

На старой кляче, под истрепанными знаменами

Преимственность в экономике влечет за собой преимственность в идеологии и политике. Даже в условиях проигрыша войны и безоговорочной капитуляции. После 1945 года у кормила западногерманской экономики вновь встали старые капитаны прежних монополий. И было бы чистейшим идеализмом ожидать, что они пойдут под новыми знаменами.

Германская буржуазия всегда отличалась крайней реакционностью и ненавистью к рабочему и демократическому движению. В свое время Веймарская республика задохнулась от переполнявшей ее злобы против революционно настроенных рабочих, поддерживавших КПГ, против Советского государства, привлекавшего своим примером немецких трудящихся. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург означало наступление антикоммунистической инквизиции, которая достигла своего расцвета с пришествием национал-социализма.

Антикоммунизм родился не при Гитлере. Он принял его в наследство от германской буржуазии. Фашисты лишь превратили этого уroda в чудовище. Идеология «третьего рейха» была замешана на идеях буржуазного Веймара. Западногерманский историк Гейнц Брюдигам писал: «Так же как диктатура «третьего рейха» опиралась на злополучную триаду национализм — милитаризм — империализм в экономике, точно так же идеология гитлеровского национал-социализма представляла собой конгломерат самых различных теорий немецкой буржуазии». Об этой же преимственности говорил на процессе Флика и главный американский обвинитель Тельфорд Тэйлор. «Нельзя закрывать глаза на то, — продолжает Гейнц Брюдигам, — что самые различные реакционные идеологические течения немецкой буржуазии, которые продолжают существовать и по сей

день, в сумме проявились как идеология гитлеровского фашизма... Речь идет о том, что отдельные явления, взятые вместе, сегодня вновь представляют опасность»¹².

Боннское государство, которое сегодня претендует на роль правопреемника «третьего рейха», приняло от него духовное наследие антикоммунизма во внутренней и внешней политике. Возникновение и укрепление ГДР, первого социалистического государства на немецкой земле, придало особую остроту злым антикоммунистическим чувствам Бонна.

В обстановке «холодной войны» лидеры ХДС умело использовали заинтересованность США в Западной Германии, как в антикоммунистическом форпосте в Европе. По признанию западногерманского историка Фрица Рихерта, «в тот самый момент, когда появился спрос на антикоммунизм, немецкие акции вновь поднялись на бирже мировой политики». И сегодня шпрингеровская «Ди вельт» не упускает случая напомнить партнерам по НАТО, что ФРГ «защищает Западную Европу и ее буржуазный общественный порядок на самой передовой линии».

Покойный канцлер Аденауэр был самым ревностным сторонником политики «отбрасывания коммунизма», проводившейся Даллесом. Спекулируя на пресловутой «угрозе с Востока», руководители ФРГ провозгласили себя защитниками европейской и западной цивилизации и христианства от дальнейшего проникновения коммунизма. В своих мемуарах Аденауэр высокопарно вещает, что только ХДС могла «выполнить насущную задачу перевоспитания немецкого народа, добиться его нового подъема и возвести преграду против коммунистической атеистической диктатуры».

В 1960 году во время аудиенции у папы римского Аденауэр заявил: «Я считаю, что бог возложил на немецкий народ особую роль в наше бурное время — служить оплотом Запада против того мощного влияния, которое распространяется на нас с Востока».

Можно с уверенностью сказать, что ХДС сполна получил дивиденды с «холодной войны», ярым поборником которой он выступал. Запугивая западные страны мнимой «советской угрозой», ФРГ диктовала свои условия в штабах НАТО, в ЕЭС и других атлантических и европейских институтах. Антикоммунизм с самого начала был и остается идеологической основой внутренней и внешней политики ФРГ.

На этом идеологическом фундаменте и зиждется антисоветизм, возведенный в ранг государственной политики Бонна. Все силы его государственных деятелей направлены на то, чтобы с «позиции силы» добиться изменения статус-кво в Европе. Эксперт ХДС по внешнеполитическим делам Эрнст Майоника в книге «Германская внешняя политика» откровенно заявлял, что «если бы сплоченная Европа как составная часть атлантического сообщества могла выступить против плюрализма восточного блока, то мы смогли бы прийти к изменению соотношения сил в Европе»¹³. Еще более откровенно эти цели сформулировал Франц-Йозеф Штраус в книге «Проект для Европы».

Справедливость характеристики Томаса Манна, данной антикоммунизму, сохраняется и в наши дни. Он продолжает оставаться главной глупостью нашей эпохи. И если во многих странах Запада под влиянием миролюбивой политики Советского Союза и других европейских социалистических стран сторонников антикоммунизма становится все меньше, то этот процесс лишь едва коснулся Западной Германии. С упорством, достойным лучшего применения, боннские лидеры продолжают цепляться за обветшалые догмы антикоммунизма.

Преемники Аденауэра недалеко ушли в этом вопросе. Как бы ни менялась фразеология за последние годы, суть идеологических концепций осталась прежней: воинствующий антикоммунизм. В сегодняшнем Бонне он многолик и вездесущ. Он и в школьных учебниках по истории Востока, и в карманных справочниках солдат бундесвера, и в профессорских лекциях с кафедр университетов, и в ежедневном потоке лжи и клеветы со страниц шпрингеровской печати, и в широко разрекламированных фильмах с участием Джеймса Бонда, и в мутных волнах радио- и телеэфира.

Яд неонацизма и реваншизма, отравляющий сегодня политическую атмосферу боннской республики, замешан на отраве антикоммунизма, настоенной в мрачных подвалах «холодной войны». Его выдавливают капля за каплей, отравляя общественное мнение.

Многолетняя кампания политической дезинформации, лжи и клеветы на социалистические страны, оправдание фашистского прошлого и воспевание «немецкой восточной родины» уже воспитали новых поклонников идола антикоммунизма. Немалая заслуга в этом принадлежит некоронованному королю западногерманской прессы Акселю Шпрингеру. Общий тираж шпрингеровских изданий превышает

18 млн. экземпляров. Одна только «Бильд-цайтунг» издается тиражом в 4,3 млн. экземпляров; каждый ее номер читают три человека.

Французская газета «Монд» отмечала, что печать Шпрингера «становится все более антикоммунистической и... невозмутимо помещает заголовки в стиле холодной войны, каковы бы ни были тема и момент».

«Аксель Шпрингер продает холодную войну, хорошо упакованную во всевозможных вариантах, — писал швейцарский еженедельник «Цюрихер вохе», — и если бы это зависело только от него одного, он, наверное, продавал бы и горячую войну. Назвать этого человека опасным было бы недостаточно, ибо это — опаснейший человек в Федеративной республике, и его опасность заключается не в миллионах, которые он зарабатывает на грошовом чтиве, а в систематичности, с которой он становился серым преосвященством федеральной политики, в систематичности, с которой он разжигает национальные эмоции, а раздув, продает их как священный гнев народа, в систематичности, с которой он способствует пропаганде грубой, нереальной и безответственной политики, воздействуя при этом ежедневно на 40% федеральных и 70% западноберлинских читателей газет»¹⁴.

Шпрингер открыто признался в том, что он грубо манипулирует мнением своих читателей: «После окончания войны мне стало ясно, что немецкий читатель ни в коем случае не хочет одного: ...думать. И эту установку я дал своим газетам»¹⁵. И шпрингеровская печать стала кормить бундесбюргера примитивной пищей, не требующей особой прихотливости вкусов, но обильно сдобренной националистическими специями и приготовленной по антикоммунистическим рецептам. Разве можно после этого удивляться тому, насколько глубоко проникла идеология милитаризма, реваншизма и неонацизма в самые широкие слои западногерманского населения.

Против опасного влияния так называемой «свободной прессы свободного мира» все активнее выступают демократические силы Западной Германии. 14 сентября 1967 г. правление партии Немецкий союз мира опубликовало заявление, в котором отмечалось, что газетный концерн Шпрингера представляет собой орудие наиболее антикоммунистических и экспансионистских кругов ФРГ. Поскольку его деятельность несовместима с демократией и представляет прямую угрозу для основных прав граждан, говорилось в

заявлении партии Немецкий союз мира, концерн должен быть распушен.

Но Шпрингер, хотя и всемогущ, не единственный воин «холодной войны». Гейнц Брюдигам, проводивший большое исследование неонацистской и милитаристской литературы в ФРГ, пришел к выводу, что эта литература представляет собой еще большую опасность для насаждения антикоммунистических и неонацистских идей, чем сами праворадикальные группы и организации. Даже согласно официальным данным, к началу 1966 года в ФРГ было 40 откровенно неонацистских газет и журналов общим тиражом в 227 тыс. экземпляров. Помимо этого, имелось 22 книжных издательства, располагавших своей сетью торговли и специализировавшихся на воспевании неонацизма. Они выпустили в 1965 году 10 новых праворадикальных изданий и 6 повторных. «Здесь речь идет, — говорилось в отчете министерства внутренних дел, — о мемуарной литературе бывших видных эсесовцев и литературных потугах фальсифицировать недавнюю немецкую историю, с тем чтобы реабилитировать национал-социализм»¹⁶.

8 мая 1965 г. западногерманская печать отметила 20-летнюю годовщину разгрома фашизма как «самый черный день немецкой истории». В этот день по второй программе западногерманского телевидения выступил адмирал Дёниц, преемник Гитлера, последний канцлер «третьего рейха». В своей речи он вновь цитировал и разъяснял свой последний боевой приказ вермахту «сражаться до последнего солдата против большевизма». Газета «Франкфуртер рундшау» так оценила это выступление: «Таким образом палатин Гитлера смог предпринять весьма сомнительную манипуляцию, с тем чтобы задним числом возвысить себя и доказать свою правоту, ссылаясь на весь ход послевоенной истории. Прошлая ненависть господина Дёница к русским поощряла эмоциональный антикоммунизм наших дней — более фатальный пример «непреодоленного прошлого» вряд ли могли пожелать себе к 8 мая реакционеры в нашей стране»¹⁷.

Выступление Дёница — не исключение. Оно типично для боннской действительности, где антикоммунизм бундесбюргера является мерилом его гражданской лояльности. Выступая 31 марта 1965 г. на XIII съезде ХДС в Дюссельдорфе, председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Барцель заявил: «Мы хотим общими силами воздействовать на сложившиеся факты в той части Европы, которая находится

под властью коммунистов... Мы не можем делать вид, будто нас совершенно не касается судьба народов Восточной и Средней Европы»¹⁸. На старой кляче антикоммунизма под истрепанными знаменами «холодной войны» преемники Аденауэра держат путь по проторенной им дорожке.

Разбуженный зверь национализма

В германском филистере всегда сидел звереныш национализма. Он вселился в его давних предков и, переходя из поколения в поколение, влиял на психологию и духовный склад германцев. Князья и кайзеры в нужный момент умело растревляли этого зверя. Для удовлетворения своего властолюбия и расширения германского рейха они натравливали этого зверя на другие народы. Главную ставку сделал на него и фашизм. Гитлер, ухищренными способами разжигая звериные инстинкты бюргеров, в своей маниакальной страсти к мировому господству довел этого зверя до бешенства и спустил с цепи на всех «неарийцев».

В мае 1945 года чудовище было настигнуто в собственном логове. Но раздавлено ли? Первое время после разгрома фашизма национализм повсюду был предан анафеме: он слишком скомпрометировал себя на службе национал-социализма. Конечно, так думали не все, а лишь те, кто от него натерпелся.

Среди западногерманского населения отмечалась весьма осторожная, даже болезненная реакция на все национальное. Некоторые круги ударились в национальный нигилизм и отрицали нацию. Эти настроения использовали буржуазные идеологи. Они призывали отречься от национализма и проповедовали космополитическую веру (атлантизм, европеизм и т. д.). В этот период верх взяла тенденция, призывавшая к наднациональности. Она была исторически обусловлена и в данный момент объективно совпадала с интересами западногерманской империалистической буржуазии.

Загнанный зверь национализма дремал в насытившемся бундесбюргере, который сонно чавкал у корыта «экономического чуда». Над ним, самодовольным в своей сытости и высокомерии, витийствовали идеологи и политики ХДС. Они обряжали свой шовинизм в миролюбивое европейское обличье и утонченно выводили реваншистские мелодии в псевдонациональной трактовке с вариациями на темы

«единства в условиях свободы»; «права на самоопределение для всех немцев», «права на родину».

Проживающий в Стокгольме немецкий писатель Петер Вейсс так описывал в 1965 году свои впечатления от **опасного своим сытым безразличием боннского общества**: «И если именно там, где летают жареные голуби, повсюду прямо-таки брызжет подъемом и эффективностью, то я вижу во всем этом лишь спящих в каше, которые, лежа, чавкают и пережевывают во сне, а слыша голос: «Братья и сестры, все в полном порядке, вас и дальше ведут к вашему счастью» — они лишь бормочат спросонья «ура» и, перевалившись на другой бок, продолжают дремать...

На этом громадном спящем теле, которое я вижу, приезжая ныне в Западную Германию, и от которого я слышу только посапыванье и ощущаю признаки удовлетворенных мечтаний, нельзя найти ни одно из тех изменений, которых следовало бы ожидать после катастрофы, разразившейся над этой страной»¹⁹.

Шло время, и под сенью европейских идиллий креп и набирал силы западногерманский монополистический капитал, а вместе с ним и израненный, но живой зверь национализма.

Восстановив свое могущество, западногерманский империализм приготовился к очередному разбойничьему походу. Для этих целей ему вновь понадобилось ударить в националистические барабаны. На знаменах новым блеском засияли несколько потускневшие было понятия «нации» и «фатерлянда». В филистерском воинстве опять заговорил разбуженный зверь национализма. То, что раньше подспудно дремало в бундесбюргере, вырвалось теперь наружу в неприкрытой форме. Сигнал ко всеобщему националистическому наступлению был дан на XIII съезде ХДС в марте 1965 года.

— Мы, немцы, снова кое-что значим! — гремело с трибуны съезда.

— Не позволим навязать нам новый Версаль! Мы не нация второго сорта, — заявляли ораторы.

— Пора покончить с мифом о немецкой вине! Мы будем бороться за наши притязания, даже если другие будут считать нас нарушителями спокойствия! — клялись выступавшие в верности идее реванша.

Новая волна откровенного национализма явилась идеологической реакцией западногерманского империализма на изменившуюся обстановку в мире. Она была связана с уси-

лиями монополистического капитала укрепить свое господство внутри страны и добиться своих гегемонистских целей вовне. Волна национализма была поднята в связи с переходом западногерманского империализма от реставрации к экспансии. Опираясь на крупнейший в Западной Европе военный потенциал, монополии предполагали достичь своих целей с помощью крайне правых националистических лозунгов. Такой курс должен был еще крепче связать население с государственно-монополистической системой господства в Западной Германии.

Отнюдь не отвергая «идею Европы» вообще (она лишь должна была кроиться по проекту Франца-Йозефа Штрауса), западногерманский империализм почувствовал себя достаточно сильным, чтобы выступить в новый поход за «великую Германию» с открытым националистическим забралом. При этом с помощью национализма в ФРГ пытаются решить сразу несколько задач: ускорить выработку «национального самосознания» у западногерманского населения в рамках «сформированного общества»; оградить шовинистическим барьером население Западной Германии от влияния социалистического мира; оказать давление на союзников по «общему рынку» и НАТО. В этих условиях лозунг «Мы, немцы, снова кое-что значим!» приносит больше дивидендов, чем прежняя роль равноправных европейцев.

Поскольку приходится учитывать настороженную реакцию зарубежной общественности, официальный Бонн пытается с наивным видом утверждать, будто речь идет о новом федерально-республиканском «чувстве собственного достоинства», которое ничего общего не имеет с прежним германским национализмом. В националистическом грехопадении обвиняется лишь «правый радикализм».

Но факты говорят обратное. Националистическая музыка впервые зазвучала в полную силу именно в правом лагере ХДС/ХСС. Обильная литература, призванная восстановить былую жизненную силу и националистический смысл таких понятий, как «национальное самосознание», «рейх», «отечество», «патриотизм», хлынула в начале 60-х годов на идеологический рынок Западной Германии.

Председатель кураториума «Неделимая Германия» В. Шютц в книге «Реформа германской политики» заявлял: «А почему бы, наконец, и не набраться снова мужества и не заявить о своей приверженности патриотизму?». Эксперт ХДС по внешнеполитическим вопросам Эрнст Майоника в книге «Германская внешняя политика» стремился обосно-

вать враждебный курс по отношению к Советскому Союзу ссылкой на мнимую несовместимость национальных интересов СССР с ФРГ.

В поиски потерянного фатерлянда отправился и президент бундестага Ойген Герстенмайер. В своей книге «Новый национализм?» он призвал культивировать «очищенное национальное самосознание» для заполнения духовного вакуума бундесбюргера. 11 июня 1967 г., выступая на собрании политического клуба Евангелической академии в Тутцинге с докладом на тему «Немцы и их отечество», Герстенмайер заявил: «Есть возможность, несмотря на космополитизм, воспитать чувство национального сознания. Мы нуждаемся в уважении к себе и в доверии к себе, если мы хотим, чтобы наше отечество уцелело в нынешней опасной ситуации в мире».

Но чтобы вновь обрести веру, нужно реабилитировать прошлое. И в Западной Германии началась полоса «исторического реабилитанса». В 1963 году вышла в свет книга Удо Валенды «Правда для Германии — вопрос вины во второй мировой войне». Издательство рекламировало книгу следующим образом: «Первая книга молодого немецкого историка по вопросу о вине в развязывании войны... В этой книге доказывается, что навязанные догмы о «немецкой вине» не смогли отвлечь молодежь Германии от деловых исследований в области истории и заставить ее отказаться от немецких жизненно важных прав (выделено мною. — В. Л.). Тезис о «вине» Германии в развязывании второй мировой войны опровергнут!».

Обсуждая правительственное заявление Эрхарда в бундестаге, Штраус заявил в ноябре 1965 года: «Нельзя низвести немецкий народ как объект фальсификации истории до положения нации с уголовными инстинктами, которая подвергается клевете как нация, представляющая якобы на длительный срок потенциальную опасность для «своих соседей». Она имеет право на то, чтобы ее опять начали признавать нормальной нацией».

А год спустя Штраус развил свои идеи: «Постоять за себя может только народ со здоровым национальным самосознанием. Пора положить конец пропаганде о немецкой коллективной вине. Мы не хотим быть больше козлом отпущения за других! Пора, наконец, прекратить втаптывать Федеративную республику в грязь»²⁰.

«До каких же пор мы должны носить платье кающегося грешника?» — возмущенно били себя в грудь на партийных

собраниях демагоги от ХДС. Стоит ли удивляться после этого созвучным требованиям из уст неонацистов? «Никаких преступлений в национал-социалистской Германии не было!» — заявил председатель районной организации НДП Иозеф Трукса, выступая 18 июня 1966 г. в Мюнхене.

Трукса мог без опасений излагать свои взгляды, ибо он не шел дальше лидера ХСС Франца-Иозефа Штрауса. Ведь именно последний, по признанию западногерманского журнала «Дер Шпигель», заявлял на съезде ХСС весной 1965 года: «О злодеяниях Гитлера и Гимmlера немецкий народ знал не более как по слухам. Зато в 1945 году на Востоке Европы нередко практиковались пытки и убийства немцев, сожжение их заживо среди бела дня ради развлечения толпы»²¹.

Трудно представить себе бóльший цинизм и бóльшее надругательство над памятью жертв фашизма, над священной борьбой народов против ига гитлеровских захватчиков. И если это может себе позволить один из ведущих политических и государственных деятелей сегодняшней Западной Германии, значит, что-то неладное творится в боннском рейхе. Это государство действительно трясет националистическая дрожь: дрожь «негодования» и лицемерного возмущения за «поруганное прошлое величие» и за нынешнее прозябание на вторых ролях на мировой сцене; дрожь нетерпеливых претензий и амбиций.

И это настолько очевидно, что вызывает растущие опасения у соседей. Наибольшую тревогу, по словам итальянской «Мессаджеро», вызывает возрождение в Западной Германии «национальной наглости». Националисты и экстремисты развернули в ФРГ широкую кампанию в целях расширения своего влияния и с гордостью объявляют языком военных сводок: «Битва за прорыв ведется по всему фронту». «Следует пожелать, — писала газета, — чтобы эта битва стала повторением Сталинграда»²².

Националистические страсти присущи не только лидерам ХДС/ХСС, но и другим боннским партиям. Бывший председатель СвДП Эрих Менде не раз призывал вербовать подрастающую молодежь с помощью призывов к «здоровому национальному самосознанию». Вилли Брандт в своей речи на Годесбергском съезде СДПГ в 1965 году многократно варьировал слово «нация» и призывал членов партии «поддерживать национальную сущность». А депутат бундестага от СДПГ Герхард Ян, выступая в 1965 году на съезде студенческих корпораций в Берлине, рекомендовал

при употреблении понятия «отечество» твердо придерживаться границ 1937 года.

Итак, во все понятия «национального» вкладывается националистический дух и реваншистские претензии. Недаром генералитет бундесвера на своей конференции на тему «Солдат и нация», проводившейся в Евангелической академии Локкум в феврале 1967 года, также потребовал «обстоятельной ревизии наших традиционных представлений о нации и вооруженных силах с целью обеспечения тесного взаимодействия национальных идеалов с военными»²³.

Иными словами, это был призыв к вере в прежнего и всемогущего бога национализма и реваншизма. Вспомним снова Эрнста Майоники: «Во внешней политике наши цели направлены далеко вперед. Воссоединение означает коренное изменение соотношения сил, образовавшихся в Европе после окончания второй мировой войны... Лишь в очень редких случаях результаты войны могли быть исправлены мирными средствами»²⁴.

А пока Бонн активизирует психологическую войну против стран социализма, ибо, по мнению его апологетов, «современная стратегия не должна больше останавливаться на возведении в искусство одних только военных средств..., она должна объединять воедино, наряду с военными средствами, также и все политические, экономические, психологические и пропагандистские средства»²⁵. Причем в этой психологической войне, которую уже давно развязали рейнские вожди многочисленного племени неисправимых, широко используются методы их небезызвестных предшественников из «третьего рейха».

Некогда Гитлер подробно изложил суть своего демагогического миролюбия первых лет: «Мне поневоле приходилось в течение многих лет говорить о мире. В связи с этим было необходимо постепенно перенастроить в психологическом отношении немецкий народ, дав ему понять, что существуют вещи, которые нужно претворить в жизнь силой, если это не представляется возможным мирными средствами».

Но для этого надо было не пропагандировать силу как таковую, а представлять немецкому народу определенные внешнеполитические процессы в таком свете, чтобы внутренний голос народа начал постепенно сам требовать применения силы, то есть для этого надо было представить некоторые процессы в таком свете, чтобы в мозгу широких масс народа совершенно автоматически созревало убежде-

ние в том, что если это нельзя решить по-хорошему, то это чуждо будет решить силой, что так ни в коем случае не может продолжаться дальше»²⁶.

То, что советовал делать фюрер и что проводил в жизнь в течение 12 лет его министр пропаганды, в Федеративной республике осуществляется более планомерно и настойчиво, с использованием больших технических средств и возможностей. В настоящее время лидеры ФРГ практикуют незаметное использование власти для манипуляции общественным мнением бундесбюргера, но так, чтобы он не заметил этого и не обнаружил, что действует не по собственной воле.

Что же касается «незаметного использования власти», то правители в Бонне создали за последние два десятилетия мощную машину, «о которой мог только мечтать Геббельс., которому приходилось обходиться более примитивным средством прямого воздействия на массы и открытого надувательства».

После XIII съезда ХДС по всей Западной Германии поднялась и катится волна национализма. Это уже никем не оспаривается, даже теми западногерманскими пропагандистами, которые пытаются оправдать официальный курс Бонна. Так, автор книги «НДП. Опасность справа?» Фредерик заявляет: «Несомненно, что «национальная волна» пронизывает все слои населения».

Шовинизм господствующего класса окрыляет «правый радикализм», представители которого идут еще дальше официального Бонна по части националистической и социальной демагогии. Национализм правящих кругов ФРГ, наряду с их антикоммунизмом и реваншизмом, вдохнул новые силы в неонацистское движение. Причем активность последнего возрастает по мере неудач правящих партий во внутренней и внешней политике. В условиях ФРГ правые экстремисты образуют своего рода «национальную оппозицию», которая аккумулирует недовольство и разочарование широких масс бесперспективной политикой лидеров ХДС/ХСС и СДПГ.

Итак, характерной особенностью нынешнего политического положения в ФРГ является широкий поворот к идеологии открытого буржуазного национализма. В союзе с антикоммунизмом и реваншизмом национализм становится важнейшей идеологической опорой во внешней политике и укрепляет антидемократическое развитие внутри Западной Германии.

3. ПОЛИТИКА

Смертельные пороки боннской внешней политики

Насильственные роды боннского государства предопределили его порочное развитие. Родившись в период разгула антикоммунизма и «холодной войны», когда классовая борьба между миром социализма и капитала достигла особого обострения, Федеративная республика была кровавым детищем своего времени. Ее внутренний облик характеризовался крайним антидемократизмом и реакционностью. Ее внешнее поведение отличалось особой агрессивностью, стремлением к реваншу и великодержавными замашками.

На ее политике с самого начала сказывалось традиционное влияние антикоммунизма, который прогрессировал по мере успешного развития Германской Демократической Республики. В силу этих обстоятельств внешней политике ФРГ присущ ярко выраженный агрессивный характер. Он определяется экспансионистскими устремлениями западногерманского монополистического капитала. Наряду с этим происходил рост военного потенциала страны, который со своей стороны способствовал милитаризации экономики и придавал особую воинственность западногерманскому империализму.

Характерной особенностью послевоенного развития ФРГ было постоянно прогрессирувавшее противоречие между ее экономическим и военным могуществом и ограниченными политическими возможностями. Подобное положение, естественно, никак не устраивало монополистических заправил, которые не могли примириться с тем, чтобы Западная Германия была «экономическим великаном» и «политическим карликом». Отсюда их настойчивое стремление расширить свои внешнеполитические позиции.

Франц-Йозеф Штраус, доверенное лицо западногерманских монополий, заявил об этом во всеуслышание, выступая в бундестаге в ноябре 1965 года: «Экономическая мощь лишь в том случае превращается в политическую силу, если решительная политика так сочетает экономическую мощь и политическую силу, что одна соответствует другой»²⁷.

Агрессивную экспансионистскую линию в области внешней политики правящие круги ФРГ с утонченной последова-

тельностью проводили и проводят, как отмечал Себастьян Хаффнер в книге «Семь смертных грехов германской империи», в течение всех послевоенных лет. Они унаследовали эти черты от прежнего германского рейха. Обратившись к прошлому Германии, Хаффнер на основе ошибок германской политики начала XX века и периода первой мировой войны показал, что ошибки, которые он аллегорически именует «смертными грехами», до сих пор не преодолены, а потому вновь повторяются и в решающей степени определяют внешнеполитическую линию и действия правительства Западной Германии. Здесь можно было бы поспорить с Хаффнером по вопросу о подходе к историческим событиям и их оценке, но нельзя не согласиться с тем, что преемственность в отношении экспансионистских устремлений налицо.

Боннские правители на протяжении более чем двадцати послевоенных лет строили свои внешнеполитические планы в опасном мире иллюзий, исходя из желаемого, а не действительности. Все эти годы они упорно цеплялись за свою внешнеполитическую доктрину, которая подобно представлениям невежественного средневековья о земле держится в понимании Бонна на трех китах фантастических иллюзий: на территориальных притязаниях, на претензии на всегерманское представительство и на стремлении к ядерному оружию.

ФРГ, унаследовавшая экспансионизм от кайзеровского рейха, «не признает ни своих границ, ни границ своего немецкого государства-близнеца, ни само это государство, ни даже, в сущности, самое себя». ФРГ не хочет дать миру покоя до тех пор, пока не будут восстановлены границы германского рейха 1937 года, и «ставит на карту все, что имеет, дабы приобрести то, чего не имеет»²⁸.

«200 млрд. марок оставлено нами на Востоке. Отказаться от них мы не можем», — заявил бывший боннский министр Оберлендер, выступая в Штутгарте в августе 1959 года. Газета «Ди вельт» поправила его: не 200, а 350 миллиардов²⁹.

Итак, ларчик открывался довольно просто. Восточные области бывшего рейха притягивают алчный взор ненасытных монополий. И на свет божий рождается пропагандистский лозунг «права на родину». Его автор — первооткрыватель, гамбургский профессор международного права Рудольф Лаун в своей книге «Право на родину» выдвигает претензии на границы великой Германии не только 1937, но даже 1914 года.

Существует стройная схема реализации этого «права на родину», своего рода «четырёхэтапная программа», предусматривающая: 1) включение в состав ФРГ особой территории — Западного Берлина; 2) поглощение ГДР; 3) захват бывших «восточных областей» в пределах границ 1937 года; 4) воссоздание «великой Германии» в границах 1938 года и даже за их пределами.

А вот как этот план выглядит в устах боннских лидеров: «Федеральное правительство предпримет все, чтобы сохранить принадлежность Берлина (Западного. — *В. Л.*) Федеративной республике и проверить совместно с сенатом и западными державами, каким образом можно было бы укрепить экономику Берлина и его позиции в нашей правовой структуре»³⁰.

Чуть раньше Эрхард заявил в своем выступлении в Западном Берлине: «Не должно создаться даже малейшего впечатления, будто мы могли бы согласиться терпеть этот режим (подразумевается ГДР. — *В. Л.*) или, тем более, уважать его». Штраус, вернувшись из поездки в США в 1965 году, откровенно говорил: «В своих беседах в США я подчеркивал, что Федеративная Республика Германии будет бороться с помощью всех политических средств за восстановление границ германского рейха 1937 года, ...чтобы создать прочное положение и мирный порядок в Европе». А бывший военный министр фон Хассель заявил в 1961 году без всяких обиняков: «Наши территориальные требования выходят далеко за рубеж по Одере и Нейсе. Мы хотим получить обратно старые германские подвластные области. 2000 год не должен стать в мире 83 годом Октябрьской революции»³¹. Более откровенно не скажешь.

В то время как ГДР проводит политику в духе мира и дружбы со своими соседями и всеми народами, на Рейне продолжают тешить себя несбыточными «великогерманскими» мечтаниями. Битым реваншистам нейдет, и они, оказавшись в плену собственного высокомерия, с маниакальным упорством твердят о несуществующем праве исключительного представительства всех немцев. Эту старую песню с фальшивыми нотами затянул еще Конрад Аденауэр: «Есть, было и будет только одно германское государство, и органы Федеративной республики являются единственными органами, которые представляют ныне это никогда не погибавшее государство». Людвиг Эрхард ни на одну ноту не отступил от партитуры: «Федеральное правительство твер-

до придерживается своего права на исключительное представительство всех немцев»³².

Вновь и вновь выдвигаются безосновательные претензии Бонна говорить от всего немецкого народа, в то время как уже много лет развивается и крепнет Германская Демократическая Республика, бастион мира и социализма на немецкой земле. Попытаться не замечать ее — значит жить в мире опасных иллюзий, которые чреватy катастрофическими последствиями.

Чтобы эффективнее притязать на то, на что притязают боннские лидеры, им нужно ядерное оружие. Они уже не удовлетворяются тем, что создали более чем полумиллионную армию и наспиговали ее всеми видами новейшего вооружения. С момента утверждения бундестагом решения об оснащении бундесвера самым современным оружием (25 марта 1958 г.) западногерманское правительство удесятерило свои усилия, пытаясь заполучить ядерное оружие — оружие реваншистских надежд. В одной из докладных записок в декабре 1961 года рейнские генералы писали: «Не обладая атомным оружием, нельзя даже думать о том, что Германия может быть восстановлена в своих исторических и национальных границах».

И Бонн ревностно поддерживал любые варианты атомного вооружения, вначале на основе американского проекта «многосторонних ядерных сил», затем английского предложения о создании «атлантических ядерных сил». «Я считаю, что Федеративная Республика Германии должна участвовать во всех решениях, в результате которых она получит больше информации, более активные консультации, большее право участия в планировании и организации атомной защиты и прежде всего при выборе цели, как это было предложено Соединенными Штатами», — заявил Штраус.

Не важно как, важно получить доступ к ядерным кнопкам в принципе. Тогда можно будет поговорить с великими державами на равных, тогда можно будет ударить ядерным кулаком по европейскому столу: попробуйте только не удовлетворить всех требований! Для Штрауса абсолютно ясно, что все должно быть именно так: «Я уверен, что имеется... только одно решение, которое принесет Федеративной республике подлинное равноправие со сравнимыми партнерами, а именно европейский потенциал атомного оружия...»³³.

Тема «равноправия» всегда пользовалась успехом у великогерманских националистов. Чтобы эффективнее заяв-

лять о своих претензиях, надо разжечь национальное самолюбие, добавить несколько капель ядовитой обиды в дурманящий коктейль, сбитый из традиционного самомнения и политического высокомерия. И опьяненный филистер готов жадно внимать очередному оратору, у которого перехватывает горло от возмущения и злобы: «Мы не нация второго сорта!». Кстати, обосновывая выход Германии из Лиги наций, Гитлер заявлял 24 октября 1933 г.: «Мы не хотим больше, чтобы с нами обращались как с второстепенной нацией!».

Проливая крокодиловы слезы по поводу дискриминации ФРГ в области новейшего вооружения, западногерманские националисты усиленными темпами ведут секретные атомные исследования. «Зюддойче цайтунг» по-своему отметила двадцать пятую годовщину нападения фашистской Германии на Советский Союз, приведя на своих страницах высказывания американского ученого Бэдера: «Западногерманские успехи в области ядерной технологии с 1958 года значительны. Они создают впечатление, что немцы закладывают фундамент программы вооружения... Если настоящие планы будут осуществлены, Западная Германия сможет за несколько лет не только занять одно из ведущих мест в области коммерческой ядерной технологии, но и создать бомбу в весьма короткий срок»³⁴.

Пока идут жаркие дебаты в печати и в кулуарах НАТО: допускать или не допускать Бонн к ядерному оружию, — оно уже куется в тайных кузницах атомного оружия, разбросанных по всей ФРГ, в Испании, ЮАР и других частях света. Сбравшись в новый поход за «великую Германию», западногерманские империалисты оснащаются по последнему слову техники. У боннского посла в НАТО Грэве на этот счет нет никаких сомнений: «Нации без собственного ядерного оружия едва ли будут в состоянии играть в будущем роль „великой державы“».

Политика непризнания итогов второй мировой войны, стремление к пересмотру границ, притязания на единоличное представительство всех немцев, претензии на обладание ядерным оружием — все это делает Бонн главным возмутителем спокойствия в Европе. В настоящее время ФРГ — единственное государство на европейском континенте, которое официально провозгласило своей главной задачей изменение статус-кво в этом районе мира. Выступая на XIII съезде ХДС в Дюссельдорфе 31 марта 1965 г., заместитель председателя ХДС Райнер Барцель заявил: «Мы хо-

тим, служа свободе и Европе, воспрепятствовать сохранению статус-кво и преодолеть его... Мы хотим совместно изменить положение в той части Европы, которая находится под коммунистическим господством. Мы не можем поступать так, будто судьба народов Восточной и Центральной Европы нас не касается.

Таким образом, вопрос изменения статус-кво в Европе связывается с антикоммунистической миссией новых сторонников «великой Германии». В Бонне извлекают выгоду из сохранения напряженности в Европе и во всем мире. И там полностью отдают себе в этом отчет, так как данный курс проводится вполне сознательно и намеренно.

— Мы идем против ветра во внешней политике, — с вызовом заявляет Штраус.

— Ветер мировой политики дует нам в лицо, — гордо вторит ему Герстенмайер.

Они не скрывают своих целей: разрядка международной напряженности может лишь помешать осуществлению экспансионистских устремлений. Вот почему с таким раздражением в Бонне реагировали на предложения Бухарестского совещания руководителей европейских коммунистических и рабочих партий.

В нашем быстро развивающемся мире раскол Европы пагубно сказывается на ее прогрессе. Он чреват не только опасностью военного столкновения. Объединенная Европа могла бы гораздо эффективнее развивать свой научный, технический и культурный потенциал. Вооруженный конфликт в Европе с ядерными полигонами был бы подобен выстрелу в солнечное сплетение. Катастрофа была бы неминуема и мучительна для всего мира.

Нынешний раскол Европы углубило создание НАТО. Зачатое в пороке «холодной войны», оно было обречено на «бесплодие». И сегодня атлантическое древо несет лишь горькие плоды иллюзий и разочарований. С крушением мифа о коммунистической опасности начался открытый кризис блока.

Интересы единства и прогресса Европы требуют обеспечения мира и безопасности. Путь к этому лежит через признание реальной действительности. Есть принципы, на святости которых покоятся устои европейского мира. К ним относятся нерушимость послевоенных границ, существование двух германских государств, недопущение Западной Германии к ядерному оружию, безоговорочный отказ от Мюнхенского соглашения.

Социалистические страны и демократические силы Запада предлагают построить мирную демократическую Европу, освобожденную от милитаристских пут.

Покончить с военными блоками — значит покончить с «холодной войной» и тем самым укрепить не только мир, но и демократию народов. Ибо «холодная война» пестует двух близнецов — милитаризм и реакцию. Доказательство тому — развитие событий в Западной Германии. Марс, поверженный в мае 1945 года, нашел приют и покровительство на Рейне. С помощью американского империализма его водрузили на почетный пьедестал в Бонне. Но история — хороший учитель. Свидетельство тому — растущая поддержка демократических организаций и трезво мыслящих политиков Запада конструктивного вклада Советского Союза и других социалистических стран в обеспечение мира и строительство новой Европы, где безопасность всех есть условие и гарантия безопасности каждого.

На пути к открытой диктатуре

Кто стремится к установлению нового порядка во вне, тот должен вначале укрепить свое господство внутри страны. В ФРГ этого предполагают достигнуть с помощью «сформированного общества» и «чрезвычайного законодательства». В Западной Германии происходит процесс постепенного перехода от государства буржуазной демократии, где власть узурпировали крупные партии, к открытой диктатуре реакционных сил. Основы этого процесса были заложены невыполнением Потсдамских соглашений по декартелизации, денацификации и демилитаризации Западной Германии. Катализатором же послужили непримиримый антикоммунизм Аденауэра и его преемников.

Уже с образованием боннского сепаратного государства была установлена авторитарная антидемократическая система власти. Западногерманский философ К. Ясперс на вопрос, поставленный самому себе: «Является ли наше государство демократическим?» — дал следующий ответ: «Творцы основного закона, видимо, боялись народа. Этот закон ограничивает проявление воли народа до минимума». И далее Ясперс сорвал фальшивую маску мнимой демократичности с боннского «рейха»: «При создании Федеративной республики усилия были направлены на достижение стабильности правительства. Активная деятельность опас-

ного народа должна была быть ограничена в максимальной степени. Но народ не могли устранить, так как утверждали, что хотят демократии. Однако влияние его ограничили проходящими раз в четыре года выборами. И обращались с ним на выборах, используя пропагандистские средства, как со скотом, имеющим право голоса и выносящим решение лишь о степени участия отдельных партий в правительстве»³⁵.

В дальнейшем эта тенденция нашла свое развитие в принятии серии антиконституционных актов, направленных на ограничение свободы и демократии населения. В то время как реваншистские, милитаристские и неонацистские организации получали свободу действий, демократические и прогрессивные силы преследовались.

Наиболее антидемократическим актом явилось запрещение в 1956 году Коммунистической партии Германии. Запрет КПГ, принимавшей активное участие в борьбе с фашизмом и последовательно выступавшей за свободу и демократию в ФРГ, был одновременно ударом по всему антифашистскому фронту в Западной Германии (в 50-х годах в Западной Германии вместе с КПГ было запрещено около 200 демократических организаций). В 1958 году был наложен официальный запрет на проведение всенародного опроса против атомного оружия. Западногерманская газета «Нюрнбергер нахрихтен» могла с полным правом утверждать: «Фактически уже при Аденауэре... существовало государство олигархии».

Последние годы правящие круги ФРГ взяли курс на тотальный пересмотр принципов буржуазной демократии и переход к методам чрезвычайного законодательства. Как заметил западногерманский ученый в области государственного права профессор Гельмут Риддер, боннские правители хотят «завершить поворот в своей позиции от демократической конституции к чрезвычайной конституции в пользу исполнительной власти»³⁶.

Чрезвычайное законодательство, введение которого планируется в Западной Германии, представляет собой комплекс законопроектов, подготовленных на случай «возникновения войны» или другого «особого положения» на территории ФРГ. В 1965 году бундестаг утвердил несколько так называемых «простых» чрезвычайных законов, принятие которых требовало лишь простого большинства голосов депутатов. 10 марта 1967 г. правительство ФРГ одобрило проект «чрезвычайной конституции», разработанный мини-

стерством внутренних дел, для принятия которой требуется большинство в $\frac{2}{3}$ голосов.

Чрезвычайное законодательство является логическим продолжением той антидемократической линии, которая нашла свое выражение в запрете КПП и ряда прогрессивных общественных организаций. Содержание чрезвычайных законов, как тех, которые уже приняты, так и находящихся на рассмотрении, ясно показывает, что с их помощью правящие круги ФРГ хотели бы иметь возможность в любой момент ввести в стране режим военно-полицейской диктатуры. Эти законы направлены против любого возможного сопротивления авантюристическому реваншистскому курсу западногерманского империализма. Власти ФРГ и в этом вопросе копируют методы и приемы национал-социалистов периода 1933—1939 годов. Как и в то время, сейчас разработана широкая программа милитаризации (осуществляется экономическая, юридическая и психологическая подготовка к войне).

В случае принятия чрезвычайных законов бундестаг будет лишен своих прерогатив и законодательных функций. В соответствии с этими законами правительство ФРГ будет иметь право даже в условиях мирного времени вводить всеобщую трудовую повинность, запрещать забастовки, ограничивать право свободного выбора профессии или перемену места работы, осуществлять тайный контроль за перепиской граждан, производить аресты без санкции судебных органов и т. д.

Так, например, согласно «Закону о гражданской службе», боннские власти будут иметь возможность охватить все взрослое население страны (мужчин от 18 до 65 лет и женщин от 18 до 55 лет) единой системой принудительного труда. Предусмотрено насильственное закрепление трудящихся за определенными предприятиями, имеющими военное или стратегическое значение. Власти ФРГ получают возможность создавать в рамках «вспомогательной службы» особые отряды принудительного труда, размещаемые в казармах. Неявка на гражданскую службу или уклонение от нее караются тюремным заключением до двух лет. Характерно, что такие же меры предусматривались в фашистской службе труда и организации Тодта.

Согласно «Чрезвычайному постановлению к закону о самозащите», на предприятиях предусматривается введение служб поддержания порядка и розыска, иными словами, система слежки. Указанная служба будет проверять посту-

пающих на работу и степень надежности лиц, назначенных на ключевые посты предприятия. Будет вестись также учет поездок рабочих и служащих в ГДР и другие социалистические страны и т. п.

Милитаристский характер чрезвычайного законодательства вполне очевиден. Уже так называемые «простые» чрезвычайные законы, принятые в 1965 году, предусматривали создание в мирный период (в дополнение к полумиллионному бундесверу) военизированного «корпуса гражданской обороны». «Чрезвычайное постановление к дополнению уголовного права» направлено на то, чтобы под предлогом обеспечения безопасности гарантировать беспрепятственное использование бундесвера, «полиции готовности», корпуса гражданской обороны и других воинских подразделений для подавления «внутренних беспорядков», то есть выступлений трудящихся против милитаризации страны и установления режима диктатуры. Этими же законами предоставляются полномочия для введения принудительной регламентации в области экономики, на транспорте и пр.

«Чрезвычайное постановление о войсках пограничной охраны» позволяет правительству использовать эти войска на всей территории ФРГ, в том числе «для отражения угрозы общественной безопасности и порядку», то есть против бастующих рабочих. Готовясь к этим операциям, отряды пограничной охраны, подразделения бундесвера и полиции уже сейчас, не дожидаясь принятия чрезвычайных законов, обучаются разгону демонстраций.

Подготовка чрезвычайного законодательства в ФРГ является очередным доказательством милитаристского и антидемократического характера боннского государства. И нет ничего удивительного в том, что оно всячески содействует росту националистических настроений в правящем лагере и усилению влияния НДП и подобных ей организаций откровенно профашистского толка. Западногерманский философ К. Ясперс рассматривает «чрезвычайные законы» как «инструмент, с помощью которого в роковой момент может быть создана диктатура... Более того, может возникнуть величайшая опасность для мира, а также может быть навлечено на Германию новое неотвратимое несчастье, которое на этот раз приведет к ее уничтожению»³⁷.

Демократическая общественность ФРГ, и в первую очередь находящаяся в подполье КПГ, широкие круги трудящихся и их профсоюзные организации выступают против чрезвычайного законодательства, открывающего дорогу ре-

ваншистским и милитаристским силам. Уже после принятия семи «простых» чрезвычайных законов западногерманский профсоюз работников металлургической промышленности заявил: «Согласно этим законам, федеральное правительство может уже в мирное время зачислять миллионы людей в принудительные организации, пользоваться собственностью и трудом всех граждан, перестраивать целые отрасли промышленности и ограничивать свободу трудящихся...». С осуждением чрезвычайного законодательства выступили в сентябре 1967 года «молодые социалисты» земли Баден-Вюртемберг. Такую же позицию заняли многие социал-демократы и районные организации СДПГ. В то же время лидеры СДПГ поддерживают принятие чрезвычайных законов и вместе с руководством ХДС/ХСС протаскивают их через бундестаг.

В марте 1967 года представитель федерального правительства заявил, что «в большой коалиции существует полное единство взглядов по вопросам чрезвычайного законодательства». Английский журнал «Трибюн» отмечал, что борьба против предлагаемых чрезвычайных законов будет нелегкой, так как в парламенте почти не осталось оппозиции с тех пор, как социал-демократы вступили в коалицию с христианскими демократами: «Обе эти партии выработали новый проект, и на железный кулак государства теперь как будто надета элегантная бархатная перчатка. Отнюдь не нужна война, чтобы ввести в действие все эти строгие меры»³⁸.

Подобный эксперимент уже был осуществлен в конце 1966 года в рамках маневров НАТО, названных «Фаллекс-66». В течение нескольких дней министры, члены «чрезвычайного кабинета», «чрезвычайный парламент» (22 члена бундестага и 11 членов бундесрата) заседали в убежище. Они имитировали деятельность институтов ФРГ, которые должны были бы функционировать в случае атомной войны.

Шпрингеровская печать ликовала: «Чрезвычайный парламент функционировал и принял под бетоном и виноградниками различные законы!». Действительно, «чрезвычайный парламент» каждые 44 минуты издавал чрезвычайный декрет. Всего было введено в действие 17 чрезвычайных законов и 29 чрезвычайных постановлений. Декретами проводились репрессии, в частности предусматривался арест всех лиц, занесенных в заранее составленный список «подозрительных», и интернирование их в принудительном порядке. Другие решения, принятые в рамках маневров «Фал-

лекс-66», касались военных действий против ГДР (кодовое название «Красный случай»). Наконец, были приняты решения, относящиеся к применению атомного оружия. По окончании натовских маневров министр внутренних дел Люкке, выйдя из бункера, заявил: «Основной закон... следует как можно скорее заменить немецкой чрезвычайной конституцией».

Сам факт, что подобные маневры были проведены в Западной Германии, показывает, до какой степени доведена там психологическая подготовка к военной диктатуре. Лейбористский еженедельник «Трибюн» отмечал, что чрезвычайные законы дадут любому будущему правительству Западной Германии новое и опасное орудие для подавления свободы и заставят замолчать инакомыслящих. Это тем более верно, что еще до принятия подобного законодательства в ФРГ подвергаются судебному преследованию все организации, выступающие за мир, против войны, успешно практикуется травля либерально настроенной оппозиции, всех, кто критикует боннскую действительность.

Свидетелями здесь могли бы быть многие западногерманские ученые и публицисты, выступавшие с критическими статьями или заявлениями по телевидению. В качестве примера можно привести случай с журналистом Невен-Дюмоном, который создал телевизионный репортаж о западных областях Польши и показал экономический и культурный расцвет польского города Вроцлава. За этот объективный репортаж во время встречи «Силезского землячества» в Кёльне 9 июня 1963 г. на Невен-Дюмона и его съемочную группу набросились участники сборища. В адрес журналиста сыпались такие выражения: «Коммунистическая свинья!», «Польская собака!», «Коммунист, которого нужно убить на месте!» и т. п. Неудивительно, что в такой обстановке не у всех надолго хватает объективности. Тот же Невен-Дюмон телепередачу о Советском Союзе, которую он вел в феврале 1965 года, уже построил в националистическом духе, по схеме антикоммунистических клише официальной пропаганды.

В 1965 году был опубликован меморандум евангелических священников под названием «Положение изгнанных и отношение немецкого народа к своим соседям», в котором они призывали отказаться от применения силы в решении территориальных вопросов и уважать «жизненные права восточных соседей, их народов и их государства». После опубликования меморандума против его авторов началась

клеветническая кампания. 64-летний глава евангелической церкви в Вестфалии Вильм в ноябре 1965 года ознакомил журналистов с некоторыми из многочисленных писем, содержащих такие угрозы: «Ты, негодяй, будешь продырявлен, как сито. Пистолет уже заряжен...», «Ваше место на виселице, а не на церковной кафедре. Вы дьявол в человеческом обличье», «Всех вас следует уничтожить». Другие священники подтверждали, что и они получали подобные же письма. В частности, пастору Дорману из Вольфсбурга пригрозили: «Вы взлетите на воздух вместе с вашей церковью».

Практически каждый, кто даже в чем-либо не согласен с официальной политикой правительства, рискует быть зачисленным в категорию «красных». Разумеется, со всеми возможными последствиями своего свободомыслия. Супруги Лоренц, артисты политического кабаре из Дюссельдорфа, получили письма с угрозами. У четырех западноберлинских писателей и журналистов, в том числе у писателя Гюнтера Грасса, были совершены поджоги. В Дюссельдорфе спровоцированная подстрекателями молодежь устроила 3 октября 1965 г. публичное сожжение книг. В огромных кострах пылали книги Эриха Кестнера и Гюнтера Грасса, и дым пожара разносил по городу знакомый с 30-х годов запах книжной гари.

В статье, озаглавленной «Угрозы применить насилие», западногерманский журналист Эберхард Штаммлер так характеризовал эту кампанию: «Угрозы, словно призраки, бродят по всей стране. Людям грозят смертью. Сегодня — епископам. Недавно это были Лоре и Кай Лоренц или Юрген Невен-Дюмон. Такими угрозами преследуют почти каждого публициста или политика, который рискнул высказать не общепринятое мнение по вопросу о восточной политике. При этом показательно, что особенно много подобных угроз применить насилие появляется в тех случаях, когда речь идет о проблеме германского Востока или о прошлом Германии. Совершенно очевидно, что подобная реакция характерна как раз для тех сил, которые придерживаются шовинистических националистических взглядов. Тревогу должно вызывать то обстоятельство, что всякий раз, когда затрагивается идеология изгнанных, это вызывает поток брани и угроз... Там, где господствует этот дух, слабость собственных аргументов, как это легко можно понять, охотно компенсируют угрозами о применении силы»³⁹.

В подобной атмосфере нетерпимости ко всем инакомыслящим вольготно чувствуют себя приверженцы «истинно немецкого духа», готовые хоть завтра кричать «хайль» новому «сильному человеку», который провозгласит железную диктатуру, столь милую великогерманскому сердцу.

Карл Ясперс на вопрос, поставленный в заглавии своей книги «Куда идет Федеральная Республика?», дает такой ответ: «Народ видит, что им управляет группа лиц, к которой нельзя питать какого-либо уважения. Анархия ведет к диктатуре. Заговор с целью создания правительства, состоящего из всех партий во главе с другим канцлером, является лишь первым шагом. Возможно, вторым шагом будет приглашение „сильного человека“»⁴⁰.

Эти слова были сказаны в 1966 году еще при канцлере Эрхарде. В конце 1966 года на смену ему пришло правительство «большой коалиции» во главе с канцлером Кизингером. Последующие события подтвердили общую тенденцию в развитии политических сил к сдвигу вправо.

Новый приступ мании величия

«Политика есть искусство возможного», — говорил Наполеон. И хотя среди западногерманских политиков немало поклонников великого императора — в силу их врожденной приверженности к завоевательским талантам и неодолимой тяги к сильной личности, — своей повседневной практикой они доказывают обратное. С традиционным упорством, достойным самого Аденауэра, новое правительство на Рейне в своем политическом искусстве стремится к невозможному. К этому выводу невольно приходишь, когда изо дня в день слышишь о территориальных, военных, политических и прочих требованиях и претензиях Бонна. В этом смысле на Рейне поистине постоянный климат и там не жалуют реформаторов. Правительства в Шаумбургском дворце приходят и уходят, а претензии остаются.

Новое правительство Кизингера широко оповестило мир, что оно начинает действительно новую политику в новом направлении, в восточном. Новому всегда хочется верить. Но здесь даже не успело появиться такое желание — исторический скептицизм в отношении германского империализма и на этот раз оправдал себя — с треском начали лопаться мыльные пузыри пустых обещаний. И вновь весь мир увидел безобразные черты неизлечимого порока.

Одну иллюзию нельзя заменить другой. Иллюзию, будто методы прежнего правительства были плохи, нельзя заменить иллюзией, будто новые методы лучше. Ибо суть не в методах, а в содержании политики. А она осталась прежней. «Наши правовые, моральные и исторические позиции остаются неизменными. Наши методы могут и должны меняться...», — заявил Райнер Барцель в бундестаге. Итак, об изменении позиций не может быть и речи.

Новое правительство, как и прежде, считает вопрос о границах открытым и не отказывается от посягательств на территории других государств. Как и прежде, детишки в школах учатся по учебникам и картам, где Германия обозначена границами 1937 года; как и прежде, на дорогах стоят указатели расстояний до Данцига и Кёнигсберга и диктор телевидения по вечерам сообщает погоду на завтра на территории несуществующего рейха. Какая горькая ирония: на берегах Рейна даже прогнозы погоды звучат иллюзорно!

Вопрос о границах — пробный камень. Его не объедешь стороной. И как не согласиться с итальянцем Аугусто Гуэррьеро из журнала «Эпока», который заявил: «В Европе не будет мира до тех пор, пока немецкий народ не согласится принять результаты двух мировых войн, развязанных его правительствами; до тех пор, пока он не согласится принять границы, установленные этими двумя войнами»⁴¹.

ГДР уже давно на практике доказала свое миролюбие, назвав границу с Польшей «границей дружбы». Но западногерманские лидеры упорно требуют то, что потеряли. Мир иллюзий их устраивает больше реального. И в затхлой атмосфере сомнений они лишь загоняют вглубь свою извечную болезнь — переоценку собственных сил.

Трезвые голоса пытаются воззвать к здравому рассудку лидеров в надежде, что в каждой пустыне должен быть оазис. Многие профсоюзные и молодежные организации ФРГ, политические и общественные деятели западных стран требуют признания границы по Одере — Нейсе. Но, видимо, велика сила мюнхенского примера и столь же велико искушение боннских лидеров еще раз испробовать, чьи нервы сильнее. Чем как не этим объяснить их нежелание отказаться от политики Мюнхена, их посягательства на статус-кво в Европе? «Я часто говорю, и в частности на собраниях беженцев, что нынешний статус-кво не может быть сохранен, но и нельзя просто вернуться к тому, что

было когда-то. Но что произойдет и когда — это еще тайна будущего», — многозначительно заявил Кизингер 6 сентября 1967 г. читателям французской газеты «Комба».

Эта статья недаром была опубликована во французской печати накануне поездки де Голля в Польшу. Визит генерала вывел из равновесия боннских лидеров. А когда де Голль недвусмысленно подчеркнул незыблемость границ по Одеру — Нейсе, на Рейне отбросили в сторону маскарадные маски миротворцев и снова ударили в реваншистские барабаны.

Нынешние требования ревизии границ звучат как шантаж союзников по НАТО, как подстрекательство к реваншистским и милитаристским действиям. И в будущем за признание нынешних границ Западная Германия потребует для себя немало. Здесь самомнение уже перешагивает границу наглости: высокую цену намерены получить за то, что им не принадлежит.

Французская буржуазная газета «Комба» писала: «Вместо того чтобы требовать восстановления рейха в границах 1937 года, вместо того чтобы игнорировать ГДР, называя ее во внутренней и внешней политике «советской зоной», Бонну следовало бы перейти к решительному пересмотру своей внешней политики и основывать ее на реальностях, а не на измышлениях из наследия Конрада Аденауэра».

Известный германский историк прошлого века Трейчке как-то сказал: «История — это судья для всего мира». Хотелось бы добавить: притом судья высшей инстанции. И этот судья вынес свой приговор: он окончателен и обжалованию не подлежит.

«Нужно ли Бонну атомное оружие?» — задают часто вопрос на страницах западной печати. «Нет, не нужно!» — отвечают хором и поодиночке стоящие у кормила власти, и тут же добавляют: «Но мы не позволим никакой дискриминации в отношении нас!».

«Где же логика?» — спросите вы. «Пожалуйста! — отвечают в Бонне. — Само по себе атомное оружие нам не нужно. Но поскольку оно есть у других, оно должно быть и у нас. Мы согласны даже иметь его не в национальном распоряжении, а пользоваться на равных паях с другими, например в рамках возможных «европейских ядерных сил» или иного европейского проекта. Для нас важно сейчас не столько даже само атомное оружие, сколько право иметь к нему доступ в будущем».

Итак, боннские лидеры пока милостиво соглашаются не производить собственную атомную бомбу. Но им нужна лазейка на черный день, на тот день «х», когда они сочтут возможным заявить о себе во весь голос. Вот почему в Западной Германии в штыки встретили договор о нераспространении ядерного оружия. Там видят в этом опасность для своих атомных планов и риск потерять решающее средство для своей экспансионистской политики. Поэтому был так единодушен хор боннских атомщиков.

«Я надеюсь, что Федеративная республика не подпишет своего смертного приговора. Договор о нераспространении атомного оружия является «планом Моргентау» в квадрате», — бросил весь свой авторитет на весы общественного мнения бывший канцлер Аденауэр. «Договор о нераспространении атомного оружия не должен препятствовать возможности создать в дальнейшем совместную европейскую ядерную силу», — подхватил Райнер Барцель. А газета «Байерн-Курир», рупор Франца-Йозефа Штрауса, заявила 4 марта 1967 г.: «Мы считаем, что планируемый договор в своей известной до сих пор форме и в том духе философии, которая лежит в его основе, представляет собой опасность жизненным немецким интересам».

В ФРГ выдвигаются многочисленные условия подписания такого договора и раздуваются вновь антисоветские настроения в связи с якобы очередной дискриминацией технически высокоразвитой Западной Германии. «Современное промышленное государство не может отказаться от доступа к мирному оружию атома, служащего борьбе за прогресс, если оно не хочет копать себе яму», — заявил будучи в Нью-Йорке Вилли Брандт, лицемерно прикрывая атомное честолюбие ссылками на научно-технический прогресс. А министр обороны Шредер прямо заявил журналистам, что он считает абсолютно необходимым участие бундесвера в стратегии «ядерного устрашения».

Английская газета «Сан» писала по этому поводу, что если Западная Германия будет «саботировать договор, то тем самым она стала бы саботировать новые надежды на улучшение отношений между Востоком и Западом». Но авторы «великой мирной политики» закусили удила: им сейчас уже не до словесного тумана. И лидер ХСС федеральный министр Штраус подвел черту под «атомной» дискуссией, заявив: «Мы не должны позволить заковать себя в кандалы так называемой политики разрядки напряженности, проводимой великими атомными державами». Да, с та-

ким министром легко сохранять за собой репутацию последнего воина «холодной войны».

Прежняя надменность могущества германского рейха дала рецидив осложнения — манию величия. Эта болезнь поразила отцов боннской республики, еще когда они стояли у ее колыбели. С тех пор выросло новое поколение. Но бактерии родительского высокомерия отравили кровь молодых, и они вслед за отцами твердят о единоличном праве ФРГ представлять всех немцев. Причем эта абсурдная претензия выдвигается одновременно с тезисом о «доброй воле» Бонна в отношении европейских социалистических стран.

Итак, с одной стороны, заверения в дружбе, с другой — попытка говорить от имени всех немцев языком шантажа и реванша. И это в то время, когда в течение 18 лет существует суверенная Германская Демократическая Республика, когда все социалистические и многие другие страны поддерживают с ней широкие политические, экономические и культурные связи. Эти обстоятельства хорошо всем известны. Значит, позиция боннских лидеров — не более как провокационный вызов общественности социалистических и миролюбивых стран. В ноте Советского правительства правительству ФРГ от 7 февраля 1967 г. говорилось о том, что интересы мира и безопасности в Европе требуют, чтобы правительство ФРГ отказалось от претензий на право исключительного представительства всей Германии и от попыток оказать давление на другие государства, идущие на признание ГДР.

Бонн явно нервничает. Объявив на словах политику примирения с социалистическими странами, он предается геперь мучительным сомнениям: не активизируется ли среди других стран движение за установление более тесных связей с ГДР? Эти опасения тем более оправданы, что в печати Англии, Италии, Дании, Финляндии, арабских стран усилились голоса за признание ГДР. В ответ на это снова раздался грубый солдафонский окрик: федеральное правительство дало понять, что установление дипломатических отношений с социалистическими странами «не должно рассматриваться каким-либо некоммунистическим государством как «нормальное» или даже могущее служить примером событию. Федеральные власти в дальнейшем полны решимости придать своим пожеланиям в случае необходимости сильный нажим, расценив неуважение его принципов как недружественный акт».

Каким воинствующим национализмом и расизмом веет от этих слов! Кажется, что на Рейне забыли, в какую эпоху они живут, и пытаются диктовать другим народам свои законы. Но времена уже не те, и логика Бонна приведет его к абсурду.

Все течет и изменяется, лишь неизменны боннские самомнение, высокомерие и иллюзии. Искусственно раздуваемые, они, в свою очередь, подогревают реваншистские, милитаристские и неонацистские страсти. Отсюда непрекращающиеся абсурдные претензии: на территорию других государств, на ядерное оружие, на представительство от имени всех немцев. Как отмечал журнал «Шпигель», «Бонн не будет считаться с тем, что ему не подходит, а мир не будет считаться с «вечно протестующим рейхом», о котором прозорливо писал Достоевский». Таким образом, подводя первые итоги пребывания у власти правительства «большой коалиции», западногерманская печать пессимистически писала о наметившемся «параличе парламентаризма», о всеобщей атмосфере неуверенности и неудовлетворенности.

Полюбовное разделение труда

Итак, представителей либерального крыла западногерманской буржуазии страшит направление современного политического развития Западной Германии, когда в роли единственной оппозиции выступают неонацистские силы. Эти опасения со стороны части западногерманской и зарубежной общественности пытаются рассеять власти ФРГ, призывающие не переоценивать влияние праворадикальных сил. Такой подход заставил итальянскую газету «Мессаджеро» прийти к выводу: «Создается впечатление, что опасность возрождения нацизма здесь не принимают всерьез».

Дело в том, что правящие круги ФРГ подходят совершенно с иной меркой к проблеме неонацизма, чем правительства других стран. Если социалистические государства и общественность стран Запада озабочены нынешней активизацией сил нацизма и милитаризма в ФРГ, то Бонн озабочен лишь отрицательными откликами за границей, а не самим фактом возрождения «правого радикализма». Никто лучше официального Бонна не знает, что между активностью неонацизма и политическим курсом западногерманского руководства существуют вполне определенные взаимосвязи. Они проявились, в частности, в том, что нео-

нацистские силы активизировались именно в период практической подготовки военных и политических предпосылок для ревизии итогов второй мировой войны. Требование перекройки европейских границ, посягательство на само существование ГДР, милитаризация страны, стремление приобщиться к ядерному оружию — все это создает благоприятную атмосферу для национал-шовинистической деятельности неонацистов. Более того, здесь происходит процесс взаимного влияния. Националистическая, реваншистская и милитаристская агитация неофашистов чувствует себя ободренной официальной политикой западногерманских властей, пользуется их покровительством и, в свою очередь, влияет на общественное мнение в стране, насаждая идеологию нацизма и милитаризма.

Существо вопроса заключается в том, что в идеологическом и политическом отношении цели правящих кругов ФРГ и течения «правого радикализма» во многом перекликаются. Недаром «Дойче националь-цайтунг унд зольдатен-цайтунг» в ответ на упреки, содержащиеся в отчете министерства внутренних дел ФРГ, заявила, согласно сообщению итальянской печати, «что ее идеи полностью совпадают с идеями правых течений партий, входящих в правительство, и что ее единственная ошибка, разве что, заключается в том, что она открыто отстаивает их и ставит все точки над „i“».

Итак, «Зольдатен-цайтунг» в дискуссионном запале «выдает» секрет полишинеля. Но признание весьма примечательно. Оно лишний раз подтверждает, что неонацисты не претендуют на исключительную оригинальность своей политической линии, они лишь выражают неудовлетворенность недостаточной решительностью официальной политики, которую они стремятся довести до великогерманской кондиции. Правда, «правые» забегают вперед. Но ведь именно в этом заключается суть «правого радикализма», как экстремистского уклона официальной политики правящих кругов.

В чем же конкретно проявляется экстремизм Национал-демократической партии и примыкающих к ней организаций? Если правительство ФРГ требует «границ 1937 года», то правые, сверх того, — «возвращения» всех земель, «на которых веками жили немцы». При этом имеются в виду территории, захваченные Гитлером после 1937 года. Отдельные представители правительства ФРГ признают, хотя и без особого энтузиазма, вину фашистской Германии за развязывание второй мировой войны. В то же время наци-

онал-демократы резко выступают против «лжи» о единоличной виновности Германии во второй мировой войне и против судов над военными преступниками, называя Нюрнбергский приговор «юридическим преступлением». Вынужденная в рамках конституционной лояльности заявлять о своей приверженности к демократии, НДП в то же время выступает с нападками на демократические организации, требует укрепления власти главы государства и правительства. Если правительство ФРГ объявляет себя сторонником европейской интеграции, НДП в своем «Манифесте» ратовала за «объединенную, независимую Германию» и провозглашала лозунг: «Германия — для немцев, Европа — для европейцев». Западногерманские правящие круги требуют приобретения ФРГ к атомному оружию в рамках многосторонних либо европейских ядерных сил, а правый лагерь предлагает без обиняков создать свои национальные ядерные силы. Можно было бы продолжить список подобного рода требований, от которых за версту веет неонацистским духом. Но, отмечая экстремизм праворадикальных сил, не следует упускать из виду, что по сути дела все их требования вытекают из политики правящих кругов и лишь носят более агрессивный характер.

Наиболее трезвые наблюдатели в самой Западной Германии достаточно ясно понимают, почему «правый радикализм» и официальный Бонн являются сиамскими близнецами. Так, профессору Марбургского университета Вернеру Гофману принадлежит такой вывод: «Многолетний опыт показывает, что правый радикализм всегда завоевывает позиции там, где официальная политика «правой» ориентации проводится слабо, непоследовательно и с осторожностью. Правый радикализм ловит правящие правые партии на слове. Он говорит то, о чем другие лишь думают, он хочет осуществить их скрытые желания и довести до конца их половинчатые мероприятия. Он выступает как призывающий к решительным действиям, как активный агрессивный вершитель всего того, чего другие лишь хотят... Народ, которому предлагают только альтернативы одной политики правой ориентации из двух вариантов, один из которых является половинчатым, а другой — последовательным, всегда отдает предпочтение последнему.

С этим связано и нечто другое: правый экстремизм всегда оживляется в том случае, когда уже проводимая политика правой ориентации терпит неудачи. Распад НАТО, кризис со «старфайтерами», который перерос в кризис ру-

ководства бундесвера, превращение правительственного лагеря в арену анархических междоусобиц, опасная изоляция Федеративной республики от внешнего мира — все это не могло не остаться без последствий. Повторяется история веймарского периода: неудачи политики правой ориентации не ослабляют, а, наоборот, укрепляют правый экстремизм»⁴².

Итак, политическая атмосфера боннской республики, отказывающейся признать итоги второй мировой войны и находящейся во власти непреодоленного прошлого, содействовала подъему «правого радикализма» и появлению Национал-демократической партии. Сама НДП явилась продуктом националистического и авторитарного образа мышления, который не пресекался, а даже поощрялся в послевоенной Западной Германии. Ведь еще до ее образования значительное число граждан Федеративной республики, по данным кёльнских социологов, выразило согласие с тезисом, что национал-социализм был все же хорошей, хотя и плохо осуществленной идеей.

Значит ли это, что НДП постарается лучше осуществить те же идеи в настоящих условиях? Вопрос этот волнует общественность многих стран. На Западе многие спрашивают, правильно ли называть НДП неонацистской партией или же это новое проявление германского национализма, который использовали нацисты, но который не они придумали?

Между этими вопросами, на наш взгляд, нет противоречий, а есть прямая взаимосвязь. Фашизм в свое время взял на вооружение идеи германского буржуазного национализма и придал ему звериный разбойничий характер. В наши дни национал-демократы и их сторонники апеллируют к тем же великодержавным националистическим чувствам, не забывая и опыта нацистов (положительное используется, промахи исправляются). В этом плане правые экстремисты представляют собой неонацизм, поскольку они во многом исповедуют те же взгляды, выдвигают аналогичные требования, придерживаются тех же методов в организационной и идеологической работе. Английская газета «Скотсмен», ссылаясь на журнал «Ди цайт», сравнивала нацистский метод со связыванием отдельных прутьев в пучок, в тот самый пучок, который был эмблемой фашистского движения в Европе. «Эти прутья, — отмечала газета, — представляли собой разнообразные источники недовольства самых различных, даже взаимно враждебных групп, которые объе-

диняло только одно недовольство. Таким же путем Национал-демократическая партия аккуратно подбирает разрозненные прутья недовольства и пытается связать их в пучок. Некоторые из этих прутьев выпали из нацистской связки в 1945 году и их просто подобрали. Другие значительно новее»⁴³.

Возрождение неонацизма, хотя это и шокирует некоторых на Западе, в конечном счете, результат вполне определенной политики западных держав, которые слишком быстро забыли данные в Потсдаме торжественные обещания «навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма». Ради сговора с агрессивными силами Западной Германии некоторые союзники по антигитлеровской коалиции изменили своим прежним обязательствам и встали на путь попустительства милитаризму и реваншизму. А сейчас некоторые из тех, кто выбросил щуку в реку, сокрушенно качают головой и строят догадки по поводу судеб возрождающегося неонацизма.

В этой связи вновь встает вопрос о роли и перспективах НДП на современном этапе. В западной печати не прекращаются споры на тему, чем является НДП — придатком правящих партий или оппозицией? И, следовательно, в каком направлении она будет развиваться?

Конечно, еще трудно делать окончательные выводы. Многое будет зависеть не только от политики НДП, но и от позиций других партий, от экономического развития страны и международной обстановки. Но, на наш взгляд, было бы неверно в любом случае давать односложный ответ в духе «или — или». И прежде всего потому, что между задачами оппозиции и придатка существует определенная взаимосвязь. В первую очередь, следует отметить, что НДП есть логическое порождение западногерманской действительности, объективное следствие внутри- и внешнеполитического развития страны. НДП как проявление крайне воинствующего национализма — неизбежный результат политики западногерманского империализма. По словам Штрауса, «это — ответ на многолетние насмешки и издевательства над Федеративной республикой, ответ на многолетний метод втапывать в грязь все то, что является немецким и что называется национальным».

В этих словах сквозит скрытое одобрение национал-демократов, которые вырвались вперед на мутной волне национализма и, в свою очередь, подхлестнули эту волну. А ведь именно разжигание националистических настроений

сейчас стоит на повестке дня в Бонне. Следовательно, НДП выполняет роль националистического авангарда.

Появлению НДП во многом способствовал также кризис политической линии ХДС/ХСС. Правящие круги ФРГ, предполагая возможность широкого недовольства правительственной политикой со стороны определенной части населения, заранее предусмотрели возможности усиления оппозиционных настроений и сделали все, чтобы направить их вправо. И НДП выступает в роли правого экстремиста.

Важным аспектом внутривнутриполитической функции НДП является ее воинствующий шовинизм. Неонацисты выполняют важный социальный заказ западногерманской буржуазии, проповедуя идеи псевдонародности, когда классовое самосознание трудящихся подменяется шовинистической идеей о «единой национальной миссии». Это испытанный метод германского империализма. Еще Вильгельм II, начав первую мировую войну, заявил: «Я не знаю больше никаких партий, я знаю только немцев».

Шансы НДП возросли после создания коалиционного правительства. Вхождение СДПГ в состав кабинета выдвинуло НДП в ряды «национальной оппозиции», куда будут стекаться недовольные. «Ничто не могло оказаться более роковым, чем возможность выступления НДП в роли оппозиции, которая в будущем окажется демагогически благодарной ролью», — заявил Себастьян Хаффнер.

В условиях отсутствия в Западной Германии сильной демократической оппозиции НДП с ее социальной демагогией и националистическими лозунгами будет объединять под своими знаменами всех протестующих. Оппозиционность национал-демократов носит крайне опасный характер еще и потому, что она будет толкать вправо другие партии. В свое время член правления НДП Отто Гесс заявил: «Я смотрю на вещи так: или другие партии постепенно приблизятся к нашей линии и сохранят костяк своих избирателей, или мы будем отнимать у них все больше избирателей».

Итак, НДП в своей деятельности совмещает функции «национальной оппозиции» и проводника националистической идеологии западногерманского империализма. Бывший нацистский журналист, а ныне видный функционер землячества судетских немцев Вальтер Бехер, выступая 5 октября 1963 г. на конгрессе «Союза изгнанных» в Висбадене, заявил: «Мы не должны исходить из того, что федеральное правительство Эрхарда плохо. Оно лучше, чем его слова. У федерального правительства свои задачи, у «Союза из-

гнанных» — свои. Но голос союза должен быть на два тона выше, чем у федерального правительства, с тем чтобы последнее могло на один тон повысить свой голос».

Такое же полюбовное разделение труда ныне существует между лидерами ХДС/ХСС и НДП. Национал-демократы разжигают милитаристские, реваншистские и националистические страсти среди западногерманского населения, давая возможность руководству ХДС повышать свои великогерманские претензии. НДП становится инструментом внешней политики западногерманского империализма и используется для шантажа западных союзников. На сессии Североатлантического пакта (1966 г.) представитель ФРГ воспользовался всеобщим удивлением по поводу успехов НДП на выборах в Гессене, для того чтобы подчеркнуть требование федерального правительства, вызвав при этом фатальную ассоциацию с «духом Версаля».

По мнению западногерманского профессора Вернера Гофмана, «новое состоит в том, что правый радикализм превращается из придатка господствующей политики в движущую силу. К правому радикализму еще будут апеллировать. И кто видит недостатки правого радикализма в том, что у него нет ясной политической программы, тот не понимает, что правому радикализму не нужна программа: он уже везде проводит свою политику»⁴⁴.

Подобное заявление тем более оправдано, что в Западной Германии помимо НДП существует изрядное количество более мелких групп и организаций крайне правого направления, и численность их возрастает. Согласно отчету министерства внутренних дел, в ФРГ уже к началу 1966 года наблюдался подъем крайне правых организаций: общее число их составило 113, из них 11 партий и 10 молодежных объединений. Число их членов возросло с 22 500 (начало 1965 г.) до 28 600 человек (начало 1966 г.), то есть более чем на 25%. В отчете признается, что наряду с НДП возникли новые партии: «Общество действия независимых немцев», «Немецкое сообщество», «Немецкая партия свободы». Причем эти сведения, по признанию авторов отчета, ограничиваются только «такими националистическими группами, по отношению к которым имеются вполне конкретные данные, что их цели и деятельность направлены против конституционного порядка»⁴⁵. С тех пор число неонацистов значительно возросло и их организационное единство окрепло. При этом вперед решительно вырвались национал-демократы.

Отныне НДП, идущая во главе неонацистских сил в Западной Германии, является важным политическим инструментом в руках господствующих классов. Выполняя их социальный заказ, она отравляет сознание западногерманских трудящихся ядом националистических и шовинистических идей. Опасность неонацистских сил не только и не столько в существовании НДП, сколько в том, что эти силы поощряются официальной политикой правящих кругов и опираются на единомышленников или сочувствующих в других партиях.

* * *

В Федеративной республике идет необъявленная мобилизация всех правых сил: экономических, военных, политических и идеологических. Все поставлено на службу великогерманской идее. И в этом едином процессе, направляемом западногерманским капиталом, определенное место и определенная роль отводится «национальному лагерю» и его авангарду — НДП. Правящая партия ХДС/ХСС вначале взяла ее на прицеп и вытащила из вязкого болота неудач. Теперь НДП, вырвавшаяся вперед, стала ускорителем в развитии правых тенденций. Это тем более важно, что сам тягач застрял, попав в полосу длительного прозябания.

В груди боннского «карлика» бьется великодержавное сердце, подгоняющее его в марафонском состязании с мировыми гигантами. Воспоминания о былом пангерманском величии будоражат кровь и туманят разум. Он все еще надеется прийти к финишу если не первым, то в числе лидеров. И ставкой в этих надеждах является мощный военно-экономический организм, искусственно питаемый допингами монополий. Но эти мечты обречены, ибо боннский организм появился на свет с врожденным пороком сердца, которое бьется справа. И оно, агрессивное на старте, подведет его на финише. Чуткое ухо уже сейчас улавливает признаки одышки. И этот роковой порок западногерманского империализма грозит ему летальным исходом.

*НДП: ЛИЦО И ИЗНАНКА**Две стороны одной медали*

На II съезде НДП, который, кстати, был назначен на 17 июня 1966 г. *, произошел скандальный случай. В переполненном помещении «Шварцвальд-халле», где проходили заседания съезда, было душно. Один из делегатов снял свой пиджак и повесил его на спинку свободного стула. При этом отогнулся отворот пиджака, на котором был приколот прямоугольный значок НДП; с внутренней стороны виднелся круглый значок НСДАП со свастикой в центре. Репортер журнала «Шпигель», заметивший это, сделал моментальный снимок. Эта фотография обошла в те дни многие западногерманские и иностранные газеты и наделала немало шума. Слишком символично было совпадение: национал-демократ, сохранивший свою преданность и симпатии национал-социалистскому движению и его былым атрибутам.

Не прошло и нескольких месяцев, как на одном из предвыборных митингов Адольф фон Тадден в пылу демагогического красноречия, ударив себя в грудь, воскликнул: «Мы, национал-социалисты...».

Правда, надо отдать ему должное, он тут же исправился, объяснив собравшимся, что он имел в виду не свое прошлое, а настоящее, взывая к своей национал-демократической пастве. Но нельзя сказать, что эта оговорка очень уж шокировала сидящих в зале. Многие встретили это обращение восторженными аплодисментами. Многое, слишком многое, что связано сегодня с НДП, навевает ассоциации с национал-социалистским прошлым.

---

* День неудавшегося контрреволюционного путча (17 июня 1953 г.). По этому поводу в Западной Германии устраиваются реваншистские сборища, совершаются всевозможные провокации на границе с Германской Демократической Республикой.

Итальянский журналист Игор Ман, посетивший Западную Германию в январе 1967 года, описал затем в газете «Стампа» свои впечатления от поездки в Мюнхен. С этим городом, как известно, связаны многие страницы национал-социалистского движения. В Мюнхене, на Биннерштрассе, был в свое время открыт первый «коричневый дом». Там же устраивали свои сходки, а затем и пивной путч обладатели первых партийных билетов НСДАП. Мюнхенский же суд приговорил Гитлера к пяти годам тюремного заключения, которые он отбывал неподалеку, в местечке Ландсберг, пописывая «Майн кампф». В студенческом квартале Швабинге, в закуской, которая сегодня называется «Итальянская остерия», Гитлер частенько сживал со своими сподвижниками — Герингом, Штрейхером, Гиммлером. Об этом вам не преминет рассказать хозяин заведения. В те времена он был официантом и не раз подносил кровожадному маньяку вегетарианские блюда, к которым тот питал слабость.

До своего избрания в баварский ландтаг сюда нередко хаживал судья Бенно Германсдерфер в компании тогда еще здравствовавшего заведующего бюро пропаганды НДП Отто Гесса. Судья садился, «конечно, случайно» на «то» место и развивал перед Гессом свои далеко идущие планы. Ему 50 лет, он воевал в России и в годы «третьего рейха» активно исповедовал и проповедовал национал-социалистскую идею. Сейчас он лидер баварской НДП. Его приятель, председатель гессенской организации НДП Фасбендер, после выборов в ландтаг земли Гессен 6 ноября 1966 г. торжественно заявил: «Первая битва за прорыв кончилась победоносно». Узнав об этом, Бенно Германсдерфер изобразил улыбку на своем квадратном лице: «В этот прорыв 20 ноября хлынут настоящие баварские патриоты. Будьте спокойны, мы переломим хребет свободным демократам». И, действительно, когда в баварском Байрейте, который слыл в «третьей империи» пристанищем гитлеровского духа, Национал-демократическая партия на втором году своего существования собрала 13,9% голосов, национал-демократы ворвались в баварский ландтаг, выбросив оттуда свободных демократов.

Лидеры НДП отрицают всякую связь с национал-социализмом. Но тень прошлого все время следует за ними. На людях они хотят отделаться от своего прошлого, но в то же время не дают его в обиду. Чтобы их не заподозрили в нацистских замашках, они принимают решение голосовать

на собраниях поднятием левой руки. И все-таки их, как всех преступников, влечет на место старых злодеяний, и они завоевывают больше всего голосов в районах, бывших в свое время оплотом национал-социализма. Они рядятся в тогу демократов и одновременно насмеваются над парламентскими регалиями, не скрывая своего презрения к бундестагу, который они в своей печати часто именуют «боннской говорильней».

Корреспондент шведской «Экспрессен» К. Миханек, посетивший Западную Германию, сообщал 17 ноября 1966 г. о своей беседе с одним из сотрудников министерства внутренних дел ФРГ. Последний заявил: «Самое опасное в Национал-демократической партии Западной Германии — это заверения ее лидеров, что партия не нацистская, что она демократическая и что она сохраняет верность конституции».

Действительно, лидеры НДП достаточно умны, чтобы открыто не афишировать своих неонацистских симпатий. Но не только потому, что опасаются отпугнуть избирателей или навлечь на себя гнев снисходительной к ним боннской Фемиды. Они не делают этого и потому, что Западная Германия 60-х годов далеко не та, что была 40 лет назад. И при всей любви к прошлому нельзя слепо следовать за ним и открыто выражать свои чувства. И лидеры НДП сдерживаются, загоняя поглубже в себя свои авторитарные чувства: «Наше время пока не пришло».

8 января 1967 г., выступая на собрании земельной организации НДП Рейнланд-Пфальц, Отто Гесс призывал партийных функционеров в целях предосторожности не прибегать к откровенным выражениям в старом нацистском духе. Но при этом он с явной угрозой дал понять, что это временная, чисто тактическая уловка: «Хотя мы теперь и не можем говорить открыто, но мы уверены, что еще придет наше время!».

Крайний национализм и антикоммунизм НДП и звериный шовинизм нацистов — это две стороны одной медали великогерманской чеканки. Она украшает грудь слишком многих «истинных» бундесбюргеров, в которую они громко бьют, требуя покончить с «извечной дискриминацией немцев». В своем показном гневе они не перестают требовать для себя новых прав и территорий. И медаль от этих ударов встряхивается и поворачивается то одной, то другой стороной на мощной милитаристской груди сторонников нового «великого рейха».

Смена декораций

Национал-демократы в совершенстве постигли тонкое искусство политической косметики. Они тщательно следят за своим лицом, когда выходят в общество. С помощью румян и белил политической демагогии им удалось навести на себя глянец парламентской благопристойности. Чтобы вращаться в сферах плюралистской демократии и не подвергаться упрекам в антиобщественном поведении, НДП вынуждена делать притворные заявления в лояльности боннскому обществу, дабы быть вхожей в него. Но, для того чтобы повысить свои акции на выборах и привлечь к себе новых поклонников, недовольных и разочарованных бессилием традиционных партий, НДП должна в то же время громко заявлять о своем несогласии с ними и открыто вставать в оппозиционную позу. В этом специфика и сложность положения национал-демократов. И они мечутся между Сциллой буржуазной демократии и Харибдой тоталитарных устремлений. Но временами они теряют свое притворство и не в силах сдержать себя громко обвиняют боннские партии в продажности, американцев — в предательстве, весь мир — в расовой неполноценности. Тут проявляется подлинное нутро НДП и обнаруживается изнанка неонацизма, когда гладкая шкура прилизанного буржуазного демократа, будучи вывернутой наружу, оказывается на деле косматым звериным национализмом, облик которого явно напоминает старшего нацистского собрата.

Искусство политической косметики давалось нелегко. Слишком сильны были прежние привязанности: рецидивы прошлого порока то и дело давали осложнения. Почти весь 1965 год прошел под знаком открыто пронацистских эксцессов внутри НДП. Стремление оправдать преступления «третьего рейха» и ненависть к антифашистским силам стали навязчивой идеей национал-демократов. Атмосферу того периода характеризовали открыто фашистские вылазки. 14 мая 1965 г., выступая на собрании НДП в мюнхенском ресторане «Матезер ам Хазенбергель», активный деятель НДП Ганс Модшидлер заявил: «Эмигранты и борцы сопротивления — предатели родины. В тяжелое время они, предав родину и сотрудничая с врагами Германии, не выполнили своего национального долга. Поэтому их надо отдать под суд».

Делясь воспоминаниями о своем участии в зверствах вермахта, один из членов НДП бахвалился на партийном

собрании 1 марта 1966 г. в мюнхенском ресторане «Лоэнгрин»: «Видя азиатские орды, я говорил: „Братцы, стреляйте до тех пор, пока у вас не начнут плавиться стволы пулеметов“. Тогда мы знали: раз пришли азиатские полчища, то мы воюем за наших матерей и дочерей».

Подобный пафос человеконенавистничества в духе пропаганды Геббельса призван был подготовить новую смену великогерманцев. Эта откровенная пронацистская вакханалия достигла своего апогея 29 августа 1965 г., когда лидеры НДП возложили в Ландсберге венки на могилы фашистов, казненных по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. И Франц-Флориан Винтер, в ту пору заместитель председателя НДП, сделал по этому поводу заявление по телевидению: «Мы здесь почтили память всех тех, кто невинно погиб от насилия в результате произвола и жажды власти. В то время, как таких людей чаще чтят перед всем миром в Дахау и Берген-Бельзене, никто не посещает эти могилы здесь, в Ландсберге, в которых нередко покоятся и совершенно невинные люди. Мы делаем это»¹.

Эти заклинания национал-демократов и откровенные проявления их симпатий к фашизму не могли не вызвать отрицательного резонанса за рубежом. Об НДП заговорили в высших сферах боннского общества и на дипломатических раутах в западноевропейских столицах.

Финансовые воротилы морщились от едких укусов в печати. Подобное не входило в их планы. И они дали НДП косвенное указание избегать явно профашистских высказываний и придать побольше внешнего демократического лоска своим тоталитарным манерам. В апреле 1966 года в журнале «Арбайтгебер» были опубликованы две статьи, в которых монополистические круги давали понять, что они окажут поддержку НДП, но при этом от последней требовали «соблюдать демократические правила игры». Журнал одобрял «явное старание умеренных представителей НДП, направленное на то, чтобы их приняли в ряды демократического общества».

После того как НДП получила совет вести себя более благопристойно, журнал монополистов вздыхал: «... Причем мы не закрываем глаза на то, что это деликатная задача и что, пожалуй, никогда не удастся достигнуть идеального решения». Чтобы облегчить национал-демократам безболезненный переход от их естественного состояния к демократическому притворству, другим партиям рекомендовалось

проявить понимание этой «деликатной задачи» и «мужество для деловых дискуссий» с НДП. О запрещении последней не могло быть и речи. Монополисты прямо брали ее под свою защиту. «Арбайтгебер» подчеркивал: «Мы разбираем вопрос об НДП не потому, что мы считаем ее партией замаскированных фашистов, а именно потому, что мы не думаем этого»².

После такого ясного изложения позиции западногерманских предпринимателей все стало на свои места: НДП начала перестраиваться, а министр внутренних дел Люкке немедленно дал ей зеленый свет. 10 апреля 1966 г. в интервью журналу «Штерн» Пауль Люкке призвал западногерманское население, и прежде всего профсоюзы, не чинить препятствий НДП, не срывать ее собраний и терпеливо дискутировать с неонацистами. Газета крупной буржуазии «Дас Хандельсблатт» писала по этому поводу, что, по-видимому, статьи, опубликованные в «Арбайтгебер», были приняты к сведению руководством НДП с большим удовлетворением.

Уже 3 мая 1966 г. организационный отдел при партийном правлении НДП выпустил циркуляр за № 4/66 «Ко всем организациям НДП», в котором отмечалась благожелательная позиция боннских властей к национал-демократам и предлагалось в срочном порядке принять меры к недопущению откровенно фашистских высказываний. В традиционно нацистском стиле в циркуляре приказывалось: «Все должностные лица и члены нашей партии должны строго следить за защитой интересов и репутации нашей партии... Каждый руководитель собрания, даже самого маленького мероприятия, обязан решительно выступать против соответствующих замечаний, дискуссий, докладов или реплик, если они способны нанести какой-либо вред партии».

Гримеры принялись за дело. Во всех районных организациях НДП были открыты политические курсы актерского искусства, где преподавали опытные режиссеры не менее чем с 12-летним национал-социалистским стажем. И демагогия там стала профилирующим предметом.

По ходу действия неонацистского спектакля происходила смена декораций и суфлеры подсказывали новые реплики. Ко II федеральному спектаклю НДП, состоявшемуся под названием съезда 17—19 июня 1966 г. в Карлсруэ, все роли уже были разучены. Новая вещь, написанная идеологами партии, называлась: «Примечания к манифесту и принципам НДП». От автора здесь шли горячие заверения

в лояльности боннскому фатерлянду: «Мы, национал-демократы, в соответствии с нашим убеждением поддерживаем парламентскую демократию... Она преодолевает сознание верноподданности и создает нерасторжимое единство народа и государства. Поэтому мы, национал-демократы, объявляем себя сторонниками Основного закона Федеративной Республики Германии, так как он создает предпосылки для обеспечения жизненной демократии в Германии».

Сладкоголосые коричневые сирены воспевали жалкие достоинства боннской демократии с единственной целью усыпить ее и без того сомнительную бдительность. Давно известно, что единственное око боннской Фемиды страдает родительским пороком и здорово косит, проявляя непомерное бдение лишь в левом направлении, не обращая внимание на шабаш правых сил. Доверчивым простакам и покровителям правой нечисти не лишне было бы полистать подшивки сорокалетней давности органа берлинских нацистов «Дер Ангрифф». В 1928 году Геббельс излагал на его страницах тактику прихода к власти под прикрытием лицемерных излияний в любви к веймарской демократии: «Мы пойдем в рейхстаг, чтобы в арсеналах оружия демократии снабдить себя ее собственным оружием. Мы станем депутатами рейхстага, чтобы парализовать веймарские взгляды с их же помощью. Если демократия так глупа, что предоставит нам за эту медвежью услугу — свободный проезд и суточные, то это ее дело. Нам подходит любое законное средство, чтобы революционизировать сегодняшнее положение. Муссолини тоже вошел в парламент... Мы придем туда как враги! Как волк врывается в овечье стадо, так придем и мы»³.

Что изменилось за сорок лет? Пожалуй, только фразеология. Тактика осталась прежней. И хозяева монополий тоже рассматривают НДП как хищную щуку в боннском пруду. Журнал «Арбайтгебер» со знанием дела отмечал: «Почти за ночь она (НДП. — В. Л.) стала надеждой национально-консервативных... и, пожалуй, уже превратилась в щуку в пруду с карпами»⁴.

И хотя с трибуны II съезда НДП звучали хорошо отрепетированные похвалы в адрес боннской демократии (руководящие советы «Арбайтгебера» неукоснительно выполнялись), для внимательных слушателей произносились и программные установки в духе «Ангриффа», подправленные соответственно моменту и обстоятельствам, но сохранившие прежнее зерно геббельсовской тактики. «Политическое раз-

витие идет нам навстречу, — уверенно вещал Фриц Тилен. — Мы должны так развить НДП, чтобы она стала чистым резервуаром для тех немцев, которые отвернулись от старых партий. Из этих обеих предпосылок вытекает возможность основательно изменить политическое соотношение сил в Федеративной республике»⁵.

Итак, сказано более осторожно, чем у Геббельса, — «изменить политическое соотношение сил». — но не менее ясно. Задача прежняя и тактика старая: заручившись поддержкой буржуазной демократии, в подходящий момент совершить над ней насилие. И авторитарное чудовище, набираясь сил, с трудом сдерживает свое вождество.

Куда зовут коричневые авгуры

До III съезда НДП часто утверждалось, что НДП не имела программы. Причем неонацистские лидеры в известных случаях не опровергали этого утверждения, а даже способствовали его распространению. Соответствовало ли это истине? Дело в том, что тезис об отсутствии программы у НДП первое время был нужен ей и ее покровителям в совершенно определенной ситуации, когда речь шла о неонацистском характере ее устремлений, когда выдвигались обвинения в том, что НДП — идейная и политическая наследница национал-социализма в новых условиях. Кроме того, для лидеров НДП было крайне важно на первых порах изложить требования и цели партии в туманных выражениях, чтобы утопить свой экстремизм в болоте общих рассуждений. Этим достигалась главная цель: привлечь к себе по возможности больше сторонников.

Но вовсе без программы трудно. И лидеры НДП выработали свой «Манифест» и «Основные принципы». В этих документах были изложены основные взгляды НДП и ее политические требования. Правда, звучали они не всегда достаточно ясно и конкретно. Но именно в этом заключалась главная особенность программных установок национал-демократов на первом этапе. НДП искала пути к своим сторонникам и избирателям. Она экспериментировала, причем в условиях достаточно сложных, и проявляла определенную осмотрительность. На первом этапе НДП не была заинтересована в окончательных и детально разработанных установках. И в этом тоже ее схожесть с фашистским движением. Последнее точно так же предпочитало обходиться

общими туманными декларациями и подменяло четкий социально-политический анализ псевдонародным пафосом и демагогически расплывчатыми призывами.

В доверительных беседах со своими сторонниками национал-демократы не скрывали, что они сознательно выступали против разработки фундаментальной программы. Главное для них — завоевать политическую власть. «Программу мы вам покажем, когда будем у цели», — многозначительно заявляли они.

Правда, на III съезде НДП в Ганновере (ноябрь 1967 г.) была принята программа НДП. Но ее анализ показывает, что национал-демократы несколько не изменили первоначально провозглашенным принципам. Они лишь убрали некоторые сомнительные выражения, вызывавшие слишком большие эмоции у общественности. Кроме того, некоторые программные установки были пересмотрены с учетом их пропагандистского эффекта. За два года можно было убедиться, что дало осечку. Все, что не попадало в мишень, было выброшено, изменено, подправлено. Когда теперь национал-демократов упрекают, приводя в пример их прежние принципы, они с гордым видом заявляют: «У нас новая программа».

Чтобы лучше разобраться в сущности НДП, не следует поддаваться на эту удочку. Прежние программные установки — часть истории НДП, они объясняют ее быстрый рост и первые успехи у избирателей. Но важно также сравнить их с новой программой, чтобы уловить характер изменений и явственнее нащупать стеновой хребет неонацизма. Сравнительный метод покажет нам не только разницу, но и общность обеих программ. Он убедительно продемонстрирует тот факт, что новая программа НДП, принятая на III съезде, несмотря на уточнения и более развернутые тезисы и требования, сохранила свой прежний расплывчатый характер. Здесь слишком часто говорится, что нужно сделать, но совершенно не сказано, как. Здесь нередко одни требования исключают другие, противоречат им или вовсе нереальны. Это сейчас мало трогает неонацистов. Главное: протестовать и требовать, собирая под свои знамена недовольных. А в будущем можно будет опять кое-что подправить и обновить с учетом обстановки.

Для Гитлера и его сообщников изложенные в 25 пунктах программные установки НСДАП тоже были только определенными рамками, их содержание могло и должно было изменяться в соответствии с требованиями момента. Они

лишь провозгласили лозунги на пути национал-социалистского движения, которое громко именовалось «революцией», заранее зная, что на деле эта «революция» будет самой махровой фашистской диктатурой.

Точно так же и НДП по-прежнему сознательно избегает четких программных формул, исходя из тактических соображений. Во-первых, неонацизм прядет свое звериное обличье под маской добропорядочности. Во-вторых, аморфность обтекаемых призывов должна удовлетворить разншерстную массу правых радикалов всех оттенков, собравшихся под знамена НДП. И, наконец, в-третьих, поскольку в сегодняшнем мире соотношение сил давно уже не в пользу монополистического капитала, это в сто крат усложняет намерения и планы западногерманской реакции. Поэтому новоявленным пророкам неонацистского пришествия приходится призывать на помощь всю свою многолетнюю демагогическую выучку, чтобы достаточно ясно, но не переходя границы дозволенного, изложить свои авторитарные великогерманские устремления. Идеологическое и политическое кредо НДП изложено в «Политических принципах НДП», принятых на I партийном съезде в Ганновере, состоявшемся 7—9 мая 1965 г., в «Манифесте НДП», опубликованном в мае 1966 года, и в появившихся в том же году «Примечаниях к манифесту и принципам НДП», а также в «Программе Национал-демократической партии», принятой на III съезде НДП 10—12 ноября 1967 г.

Несмотря на расплывчатость, демагогию и эклектизм программных установок НДП, ее политические цели и требования носят ярко выраженный империалистический характер. Идеологические же основы НДП несут на себе отчетливую печать национализма и антикоммунизма, которые своими корнями уходят в великодержавный шовинизм, расизм и псевдонародный пафос национал-социалистского учения.

Куда же зовут свою паству неонацистские поводыри? Прежде всего они требуют решительного поворота в сторону политики, определяемой, в первую очередь и преимущественно, «национальными интересами». При этом, конечно, имеются в виду интересы западногерманской буржуазии, почувствовавшей свою силу и вкус к новой экспансии. НДП уловила знамение времени: растущее разочарование западногерманского населения безрезультатной и бесперспективной политикой боннских партий, особенно в области внешней политики, и прежде всего в германском вопросе.

«Разочарованные немцы, — отмечал «Шпигель», — реагируют не рационально, а национально. Никем не любимые, они опять любят самих себя. Им опять нравится слушать рассуждения о «немецких добродетелях, самоотверженной преданности до конца, усердии и выполнении долга». Они попадают на удочку широковещательных заявлений партии, которая вновь обещает всем все и не аргументирует, а главным образом протестует»⁶.

Любимый конек НДП — национализм. И она ловко оседлала его. Недаром «Манифест НДП» начинался с апелляции к ущемленному национальному чувству. «Политика, проводившаяся до сих пор, оказалась непригодной для того, чтобы ликвидировать раскол Германии, навязанный державами-победительницами во второй мировой войне»⁷.

Бесполезно было бы ожидать от НДП серьезного анализа причин, приведших к расколу Германии и образованию двух германских государств. Но характерно, что в отличие от других буржуазных партий НДП обвиняет державы-победительницы, в том числе и западные, в «национальном бедствии», противопоставляя им «жертву» — немецкий народ.

В последующем эта идея национальной обособленности и тотального противопоставления жизненных интересов ФРГ всем чужеземным державам нашла свое дальнейшее развитие. «Манифест» заканчивался призывом: «Германия — немцам, Европа — европейцам! Мы провозглашаем немецкую политику, независимую от чужих интересов. Мы обращаемся ко всем немцам, которые полны решимости служить вместе с нами этой цели. Мы обращаемся в особенности к немецкой молодежи и к тем миллионам обманутых избирателей, которые не согласны больше подчиняться монопольным притязаниям боннских партий на единоличную власть и финансирование из налоговых средств. Наш народ не заслужил такого руководства! Мы больше не хотим его! По своим принципиальным взглядам в национальном и социальном вопросах, в вопросе свободы мы представляем собой политическое движение грядущего немецкого единства в европейской Европе»⁸.

В «Программе НДП» 1967 года та же тема обыгрывается таким образом: «Иностранное засилье господствует в разделенной Германии, на территории разделенной Европы... Немцы все еще склоняют голову перед волей победителей, разделивших между собой Германию и Европу... Здоровые силы сопротивления нашего народа, противостоящие

знамению времени, не желающие отречься от самих себя, выступают против иностранного проникновения и обескровливания Центральной Европы. Эти силы должны быть организационно оформлены. Эту задачу поставили перед собой национал-демократы... Для достижения государственного единства Германии необходимо совместно с нашими соседями в Европе добиться, наконец, освобождения территории Европы от иностранных государств, которую они все еще занимают со времени Ялты и Потсдама, сохраняя ее раскол»⁹.

Судя по такого рода заявлениям, НДП не уступает в претенциозности и демагогическом пафосе лучшим образцам национал-социалистских прокламаций. Аналогия становится особенно навязчивой при анализе внешнеполитических требований НДП. Факты показывают, что Национал-демократическая партия выступает в этом отношении как преемница гитлеровской нацистской партии (с учетом изменившихся обстоятельств и требований момента). Сравним следующие выдержки из партийных документов НСДАП и НДП:

«Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение»¹⁰ (пункт I программы НСДАП, 1925 г.)

«Германия претендует на территории, на которых в течение столетий жил немецкий народ» (пункт XI «Основных принципов НДП», 1965 г.). И в примечаниях: «Эта претензия основывается не только на старых правовых понятиях. Она ясно определяется неоспоримыми культурными достижениями, которые немцы свершили в этом районе на благо всей Западной Европы»¹¹.

В новой программе НДП об этом сказано более подробно: «Разграбление древней земли немецкого народа и раздел Германии являются частью насильственного акта. Отказ от какой-либо части немецкой земли является предательством по отношению к интересам немецкого народа и ведет к признанию окончательного раздела Германии. От претензии на Судетскую область не имеет права отказаться никто, никакое правительство и никакая партия. От претензии на Восточную Германию не имеет права отказаться никто, никакое правительство и никакая партия. Военная капитуляция в 1945 году не означает ликвидации Германской империи как субъекта государственного и международного права»¹² (пункты 2, 4, 5, 8 XV раздела тезисов и требований «Программы НДП»).

«Мы требуем равноправия немецкого народа по отношению к другим нациям»¹³ (пункт II программы НСДАП, 1925 г.).

«Мы требуем напряжения всех сил, чтобы пробудить в немецкой нации волю к самоопределению»¹⁴ (пункт XII «Основных принципов НДП», 1965 г.).

«Мы, национал-демократы, хотим пробудить в немецком народе, подвергнувшемся разделу, волю к свободе и самостоятельности.

Мы, национал-демократы, требуем оказания сопротивления злостному духу приспособления, отречения и подчинения...

Никто не смеет ограничивать отстаивание права на самоопределение»¹⁵ («Программа НДП», 1967 г.).

«Вермахт является носителем оружия немецкого народа. Он защищает германскую империю и отечество, сплоченный в духе национал-социализма народ и его жизненное пространство. Корни его силы в славном прошлом, в германской народности, германской земле и германском труде»¹⁶. (пункт первый «Обязанностей германского солдата», 1939 г.).

«Мужественная стойкость германских солдат всех времен должна быть образцом для бундесвера. Служба в армии — почетная служба... До тех пор пока на отцах открыто и безнаказанно ставят клеймо преступников, сыновья не могут быть хорошими солдатами»¹⁷ («Основные принципы НДП», 1965 г.).

«НДП видит во всеобщей воинской и трудовой повинности единственное решение эффективной обороны и ценное средство воспитания граждан.

Готовность взять на себя ответственность, выдающееся умение, безупречный личный пример и неустанная забота, как и раньше, сегодня являются предпосылками для военного руководства...

От солдата требуется выполнение своего долга до самопожертвования»¹⁸ (пункты 6, 7, 17 XIV раздела «Программы НДП», 1967 г.).

Газета западногерманских антифашистов «Ди Тат», сравнив программные установки НДП и НСДАП, пришла к выводу, что «таким образом Национал-демократическая партия выступает в Федеративной Республике Германии с программой, которая похожа на программу гитлеровской партии, как две капли воды».

Главным внешнеполитическим требованием национал-

демократов является «великий германский рейх» в границах 1914 года. Об этом ясно сказано не только в «Основных принципах НДП», но и в других документах партии. Когда читаешь «Примечания к Манифесту и основным принципам НДП», невольно вспоминается стиль гитлеровского «Майн кампф»: «Тот, кто противоправно присоединил германскую территорию, совершил преступление по отношению ко всем немцам. Поэтому задача всего нашего народа состоит в том, чтобы добиваться восстановления нашего единого района поселения... Мы никогда не откажемся от неприкосновенной по международному праву германской территории. Мы страстно будем бороться против всех попыток склонить наш народ к согласию на этот отказ... Грабеж древней территории немецкого народа и раздел Германии представляют собой часть насильственной акции...».

Центральный орган НДП «Дойче нахрихтен» указывал не раз, что имеют в виду национал-демократы, когда говорят о возвращении древних германских территорий: это и «бывшие прусские провинции германского Востока», и Судеты, и Эльзас-Лотарингия, и другие области. Причем за понятием «пруссские восточные провинции» скрываются претензии на земли, входившие в состав рейха еще до 1914 года!

Подобные архиреваншистские аппетиты не случайны. Они вполне импонируют обитателям дворца Шаумбурга: на фоне неонацистских домогательств собственная реваншистская наглость выглядит вполне умеренной и допустимой.

Если в своих программных установках НДП еще проявляет определенную расплывчатость и из тактических соображений не ставит некоторые точки над «i», то в выступлениях ее лидеров агрессивность, реваншистские призывы звучат открыто. Так, неонацистский издатель и публицист Гейнц фон Арндт, выступая 6 августа 1965 г. в Мюнхене, заявил: «Мы не хотим какого-то расплывчатого права на родину, которое снова бы разрешило людям жить в Чехословакии. Мы выставляем в Европе территориальные требования и желаем иметь систему собственной чеканки. Друзья, мы победим, если мы сами сохраним верность друг другу!». А Вильгельм Плейер, член правления НДП, выступил 12 ноября 1966 г. в роли неонацистского прорицателя и очередного апологета теории «жизненного пространства»: «Наступит время, когда мы покинем катастрофически перенаселенную и лишившуюся своего экономического чуда Западную Германию, чтобы найти для себя жизненное пространство»¹⁹.

А что господин Плейер имеет в виду под «жизненным пространством», он сообщил западногерманским слушателям и телезрителям еще раньше. 11 октября 1965 г. в интервью западногерманскому телевидению он четко обрисовал территориальный идеал НДП, контуры которого полностью совпадали с великогерманским рейхом: «Центром рейха был Эгер (Плейер имеет в виду чехословацкий город Хеб. — *Ред.*). Если взять карту Центральной Европы и провести окружность, приняв за центр Эгер, то мы увидим, что этот город находится как раз на полпути между Триром и Ратибором (польский город Рацебуж), между Штеттином (польский город Щецин) и Боценом (речь идет о Больцано, Италия) между Куксхафеном и Марбургом на Драве (Марибор, Югославия), между Мюльхаузенем в Эльзасе (Мюлуз, Франция) и Шнейдемюлем в Западной Пруссии (Пила, Польша), за которым особенно далеко простираются немецкие земли. Точно так же сюда входит Саарбрюккен и Оппельн (Ополе, Польша), Гамбург и Филлах в Каринтии (Австрия), Цюрих и Позен (Познань, Польша)»²⁰.

А лидер неонацистов Адольф фон Тадден в своем выступлении на III съезде разразился критикой в адрес недостаточно ретивых великогерманцев: «На нас одних падает ответственность, если мы позволяем лишать себя сознания того, что мы являемся одной нацией. Мы виновны, если удалось изобрести «австрийскую нацию» и тем самым оправдать то, что южные тирольцы предоставлены собственной судьбе. То, что делают наши итальянские союзники по НАТО в Южном Тироле, стало возможным только из-за того, что наш народ больше не проявляет готовности отстаивать понятие о едином немецком народе и тем самым изменяет своей родине, демонстрируя всем наш национальный позор и выставя себя на посмешище всему миру»²¹.

НДП не может пожаловаться на отсутствие аппетита у своих правофланговых. Поистине с великогерманским размахом притязают они на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Франции, Италии и Швейцарии.

История современности знала немало таких искателей легкой наживы и «жизненного пространства» за счет других. Каждый раз это кончалось полнейшим крахом. Вряд ли история сделает исключение и для коричневых авгуров, собирающих «национальный табор» для нового великогерманского похода. Любителям подобных экспедиций не мешало бы вспомнить слова западногерманского писателя Голо Манна: «Мы были недовольны нашим прекрасным обшир-

ным рейхом в 1914 году и получили границы 1937 года. Мы были недовольны границами 1937 года и получили границы 1945 года. Где же окажутся границы Германии следующий раз?»²².

Любят ли неонацисты американцев?

Вопрос этот вполне оправдан. Дело в том, что, поставив на националистическую карту в своей политической игре, национал-демократы должны были сделать ход в пик западным союзникам. Как уже отмечалось, в «Манифесте НДП» особо подчеркивалось, что немцы не должны бороться за чуждые им интересы. Та же самая идея выражена и в новой программе НДП. В период предвыборной борьбы лозунг был еще более категоричен: «Американцы, убирайтесь домой!». И на многих это действовало. Опросы показали, что в Гессене и Баварии НДП получила немало голосов благодаря тому, что она кичилась своим антиамериканизмом.

И это в Западной Германии, чьи политические столпы со времен первых послевоенных американских подачек не устают заявлять о своих тесных неразрывных узах с заокеанскими монополиями! Антиамериканизм национал-демократов шокирует одних и импонирует другим. Но в обоих случаях — это своеобразная реклама для партии, которая заинтересована в том, чтобы о ней говорили.

Чем вызваны антипатии НДП к американцам? Прежде всего тем, что, проповедуя крайний национализм в идеологии и политике, НДП логически является сторонницей автаркии и защитницей национальных интересов западногерманской буржуазии. Среди последней наряду с проамериканскими группировками есть и такие, кто несет прямые убытки от американских конкурентов.

Американский капитал ведет усиленное наступление на Западную Германию. По неполным данным, капиталовложения США в Западной Германии выросли в 1966 году почти до 3 млрд. долл. На 1967 год ожидался дальнейший рост капиталовложений примерно на 8—10%, в связи с чем американские инвестиции на территории Федеративной республики составили приблизительно 3,3 млрд. долл. Это тем более примечательно, что западногерманская промышленность ограничивает свою инвестиционную деятельность. По расчетам Института экономических исследований, в 1967 году

приблизительно 16% капиталовложений перерабатывающей промышленности были предоставлены американскими предприятиями²³.

Наряду с американским капиталом в ФРГ довольно прочные позиции захватили монополии других стран. Так, по данным «Франкфуртер альгемайне», 17% всех иностранных капиталовложений в ФРГ принадлежит голландским монополиям, 16 — Швейцарии, 10 — Англии, 7% — Франции. Но на первом месте, конечно, идут США — 34%²⁴. В 1967 году на территории ФРГ действовало более 1200 американских предприятий. Американский капитал захватил прочные позиции в таких отраслях экономики ФРГ, как электроника, автомобильная промышленность, нефтепереработка и др. По данным Немецкого промышленного института в Кёльне, доля американского капитала в производстве электронных машин и предметов точной механики в ФРГ составляла в начале 1967 года 85—90%. Доля автомобильных концернов США («Дженерал моторз», «Форд» и др.) в соответствующих отраслях Западной Германии составляла 30—40%. Нефтеперерабатывающая промышленность на 35% находилась в руках американских монополий, химическая — на 20%.

Проникновение иностранного, прежде всего американского, капитала в экономику обогащает те западногерманские монополии, которые связаны с иностранным капиталом, но в то же время разоряет или же сужает сферу действия других западногерманских фирм. НДП учитывала интересы именно тех кругов отечественной буржуазии, которые ущемлены иностранным капиталом, когда провозглашала в «Принципах нашей политики»: «Хозяйственная и торговая политика должна поэтому при разумном учете наших потребностей в экспорте обеспечить полную возможность развития отечественным производительным силам. Мы протестуем против засилья иностранного капитала и против распродажи наших основных отраслей промышленности мировым концернам»²⁵.

Эта же линия выдерживается и в новой программе НДП: «Для обеспечения свободы в своей политической деятельности государство должно защищать свою экономику от проникновения в нее иностранного капитала, от продажи предприятий мировым концернам и ввоза товаров, подрывающего основы собственной экономики»²⁶.

Подобная позиция НДП обеспечивает ей также голоса значительной части средней и мелкой буржуазии, которая

всегда ощущала для себя угрозу со стороны крупных монополий, тем более иностранных. Было бы излишним подчеркивать, что с наступлением кризисных явлений в западногерманской экономике усилились противоречия между империалистическими державами и между отдельными монополистическими группировками. Западногерманский журнал «Штерн» писал 16 апреля 1967 г., что производственные мощности ФРГ загружены лишь примерно на 75%. А в августе журнал «Шпигель» отмечал: «Федеральный министр экономики Шиллер в последние недели вынужден был вновь и вновь вслушиваться в отчаянные вопли потрясенных кризисом отраслей экономики ФРГ». Ясно, что в таких условиях антипатии к иностранным предприятиям на территории ФРГ возрастают: в них видят дополнительные вериги на ногах западногерманских монополий.

НДП ловко использовала антиамериканские настроения в период финансовых затруднений при составлении очередного бюджета ФРГ в конце 1966 — начале 1967 года. Учитывая широкую дискуссию среди общественности по вопросу об огромных расходах на вооружение, НДП заявила на выборах в Баварии: «10 млрд. марок не хватает для жилищного строительства — но миллиарды затрачиваются на хлам американского оружия!».

Играя на антиамериканских настроениях среди определенных кругов западногерманского населения, НДП умело использует также стародавние антипатии военных лет. На страницах неонацистской печати постоянно освещается тема «вины» западных держав, которые не пошли на заключение сепаратного договора с третьим рейхом в 1944—1945 годах. Отводя вину от фашистских палачей, неонацисты выдвигают встречные обвинения против держав-победительниц, которые-де принесли страдания немецкому народу и навязали раскол стране. Выступая на собраниях НДП, ораторы часто оперируют такими обвинениями в адрес западных держав — участниц антигитлеровской коалиции: «Военные преступники, которые придумали блокаду голодом, имеют на своей совести 800 тыс. людей». Наконец, НДП включает Дрезден, разрушенный англо-американской авиацией, в оплату счета за Освенцим.

Апеллируя к антиамериканским настроениям последних лет войны, НДП подогревает их обвинениями в «предательстве» западногерманских интересов. Ораторы НДП заявляют при этом: «Наши союзники по НАТО ничего не сделали, чтобы преодолеть раскол страны», «Американцы сговари-

ваются с русскими за наш счет», «Где были западные державы 13 августа 1961 г.?» и т. п.

В погоне за голосами избирателей НДП использует также широкое недовольство среди части населения проникновением американского влияния во все области культурной и духовной жизни ФРГ. В «Принципах нашей политики» НДП с гневом обрушивалась на тех, кто не исповедует веру ханжеской добропорядочности западногерманских филистеров: «При попустительстве всех ответственных инстанций наша молодежь вне семьи попадает сегодня в объятия торговцев сексом и под разлагающее влияние развращенного окружающего мира», — возмущаются национал-демократы, и в словах их сквозит довоенная тоска по добродетельным де-вущкам нордического типа.

«Наша страна американизирована. Культурная, духовная и нравственная безопасность нашего народа под угрозой», — заявляют авторы новой программы. А фон Тадден, выступая на III съезде НДП, заражал весь зал возмущением: «Мы говорим о бедственном положении нации, так как на наш народ обрушилась волна преступности и секса, пришедшая из США, где она была порождена диким Западом...».

Каждый факт разгула американской солдатни, расквартированной в западногерманских городах, НДП стремится обыграть. И наливаются кровью глаза западногерманского обывателя, который слышит о насильниках джонни и бобби, покушающихся на девственность белокурых брунгильд. И он отдает свой голос партии, которая вместе с ним страдает от «национального унижения» и призывает к псевдонародному ограниченному образу мышления националиста михеля.

Играя на антиамериканизме известной части западногерманских избирателей, НДП охотно называет себя «европейской». Но европеизм крайне националистической НДП шит белыми нитками. Его назначение — привлечь на сторону неонацистов приверженцев «самостоятельной Европы», в которой бы Западная Германия задавала тон. А, как известно, эта идея особенно мила великогерманскому сердцу промышленных и финансовых магнатов. И НДП заявляла в «Принципах нашей программы»: «Господство чуждых нам великих держав должна вновь заменить свободная воля европейских народов».

При чтении новой программы НДП прямо-таки претит от «европеизма», в котором национал-демократы клянутся

с подозрительным усердием: «Европа должна быть равноправна и независима от иностранных блоков... Народы Европы достаточно сильны, чтобы отстаивать свою самостоятельность и создать свои оборонительные силы, которые должны сохранить мир»²⁷.

Подобные заверения — очередной демагогический реверанс в сторону тех, кто в ФРГ недоволен диктатом американского партнера по НАТО. В этом сквозит явное желание потрафить тем, кто за «Европу, в которой мы будем первыми». Но кого может обмануть подобный «европеизм»?

В 1942 году Иозеф Геббельс тоже рядился в тогу истинного европейца: «Ясно, что наши противники ни за что не потерпят, чтобы наш континент в своих самых элементарных жизненных вопросах пришел к совместному образу действий. Мы знаем, что наша страна может жить и процветать лишь на здоровом европейском континенте». А за чей счет, Геббельс, естественно, не договаривал.

И сегодняшние неонаци — европейцы постольку, поскольку они полны надежд и решимости прибрать к рукам ту самую Европу, за которую они выступают.

На собрании НДП, которое проходило 11 ноября 1965 г. в мюнхенском ресторане «Хаккеркеллер», член правления НДП Эмиль Майер-Дорн призвал присутствовавших оказать денежную поддержку партии: «Сдавайте ваши деньги нам, чтобы Германия скорее стала тем, чем она уже однажды была в единой свободной Европе». Нетрудно догадаться: жертвования нужны, дабы снарядить неонацистского коня в великогерманский поход на европейскую Трою.

Европеизм НДП, так же как и ее антиамериканизм, — лишь демагогическая дань соображениям чисто тактического порядка. Истинное нутро неонацистов — крайний национализм и антикоммунизм. Когда Адольфа фон Таддена и Отто Гесса спросили, являются ли они сторонниками вывода американских войск из Западной Германии, они сказали: «Для этого необходимо соглашение четырех держав». И чтобы их антиамериканизм не приняли вдруг за чистую монету, они поспешно добавили: «Естественно, американцы смогут уйти лишь тогда, когда Европа будет иметь свои оборонительные силы. А при нынешнем положении Европы нельзя помышлять об уходе американцев»²⁸. Так оборачивается на поверку разговор о том, что НДП «не хочет бороться за чуждые интересы».

Очередной прием демагогии национал-демократов состоит в том, что они не объясняют разницу между чужими и

собственными интересами. И если речь идет о борьбе против коммунизма и против социалистических стран, то для НДП это борьба за «собственные интересы». Причем все равно — пришлось ли бы ей для этого вступить в союз с чертом, дьяволом или американцами. Это подтвердил в начале 1967 года Отто Гесс в интервью корреспонденту «Ди Вельт». На вопрос, будет ли, по его мнению, война против СССР на стороне США войной за чужие интересы, Гесс без колебаний отрезал: «Конечно, нет»²⁹.

Итак, любят ли неонацисты американцев? Почти с полной уверенностью можно сказать, что нет. Слишком многое у американцев вызывает антипатию национал-демократов: их участие в антигитлеровской коалиции; их отказ от сепаратного договора с фашистской Германией; их нынешнее присутствие на территории ФРГ, как напоминание об ущемленном западногерманском суверенитете; их вызывающее поведение как оккупантов и снисходительное покровительство на мировой арене. Но прежде всего потому, что неонацисты любят только самих себя, свой фатерлянд, который «превыше всего», и свои великогерманские интересы.

„Каждому свое“

«Суум квике» — «каждому свое» было выбито по латыни на орденах прусской военщины. «Йедем дас зайне» литыми чугунными буквами украшало вход в Бухенвальд. Национал-демократы также взяли на вооружение этот лозунг в качестве принципа своей социальной программы.

У НДП, как и у ее предшественницы НСДАП, демагогия достигает непревзойденного уровня именно в области социальной. Представления национал-демократов о государстве, несмотря на все их разглагольствования о демократии, мало чем отличаются от нацистских воззрений.

В пункте первом «Принципов нашей политики» говорилось: «Германии нужен такой государственный и общественный строй, который создает общность между естественным авторитетом подлинной демократии и личной свободой гражданина, общность, воздающую в области социальной справедливости **каждому свое**. Германии нужно такое государство, которое основывается на принципе: **«больше быть, чем казаться»**³⁰, а центральный орган НДП «Дойче нахрихтен» писал 17 февраля 1967 г.: «Прусское государство с

его аппаратом власти исчезло, но неизменной остается прусская государственная идея».

Разве не напоминает все это недавние времена? Стоит хотя бы вспомнить предвыборную речь Геббельса, с которой он выступил в апреле 1932 года и где он прославлял прусское государство как образец для нацистского рейха: «Если в народе каждый отдельный гражданин разделяет принцип: «В моем государстве действует правило «каждому свое», в моем государстве царит социальная справедливость и порядочность», — тогда каждый, не нуждаясь для этого ни в какой пропаганде, с искренней радостью признает себя сторонником этого государства... В старой Пруссии руководствовались мудростью... „больше быть, чем казаться!“»³¹.

Из новой программы НДП изъяты подобные выражения. Но что касается содержания, то там полностью сохранен пресловутый дух нацистских принципов. В этом убеждает элементарный сравнительный анализ.

В области внутренней политики пропаганда НДП делает главную ставку, точно так же как в 30-е годы гитлеровская партия на средние классы и мелкую буржуазию. По мере усиления концентрации монополистического капитала и ожесточения капиталистической конкуренции в промышленности и сельском хозяйстве, все новые тяготы ложатся на плечи сотен тысяч ремесленников, крестьян, торговцев и мелких хозяйчиков. И по примеру НСДАП Национал-демократическая партия расточает обещания, которые могут привлечь на ее сторону представителей мелкой буржуазии и некоторые слои трудящихся. Однако НДП не берет на себя конкретных обязательств. В пункте втором «Принципов нашей политики» говорилось: «Крестьянство, среднее сословие, квалифицированные рабочие и смелые независимые предприниматели — основные носители здорового народного хозяйства. Их следует сохранять, поддерживать, защищать против чуждых интересов и несправедливых притязаний крупных предпринимателей»³².

В пунктах 14 и 15 пятого раздела «Программы НДП» также особо отмечается важная роль среднего сословия: «Продукция промышленности, принадлежащей среднему сословию, является важной составной частью нашего народного хозяйства... Сохранение и укрепление самостоятельного среднего сословия является также предпосылкой для борьбы с деградацией общества для сохранения здоровых народных начал»³³. И далее идет требование о снижении налогов с ремесленников и всех средних слоев населения.

НДП специально обращалась к мелким торговцам, обещая им поддержку против «капиталистов из универсальных магазинов»: «Национал-демократическая партия требует ограничения безмерной, антисоциальной и разорительной конкуренции в результате безграничного распространения универмагов, торговопосылочных фирм, учетных контор и т. д. в ущерб самостоятельной, производительной розничной торговле»³⁴.

Обещания национал-социалистов среднему сословию выглядели аналогично: «Мы требуем немедленно муниципализировать крупные универмаги и сдать их в наем по дешевым ценам мелким ремесленникам, а также строго учитывать интересы всех мелких ремесленников при поставках государству, землям или общинам»³⁵.

Подобные требования и обещания настолько же утопичны в условиях рыночного хозяйства и капиталистической конкуренции, насколько и демагогичны. Так же как национал-социалисты обманули среднее сословие, предоставив всю полноту экономической власти крупным монополиям, точно так же и национал-демократы лишь демагогии ради становятся в афронт крупным предпринимателям. Свои выпады против них неонацисты ограничивают лишь предвыборными выкриками. А более внимательному наблюдателю уже сейчас ясно: НДП полностью на стороне централизованного государственно-монополистического хозяйства. В «Примечаниях к Манифесту и принципам НДП» она сама не скрывала этого: «НДП считает крупную промышленность, располагающую большим капиталом, необходимой основой такого народного хозяйства, которое рассчитано на максимальную производительность»³⁶.

Изменилась ли позиция НДП в этом вопросе? Нисколько. В новой программе говорится: «НДП считает необходимым для нашей экономики наличие крупной промышленности с большим капиталом. Поэтому НДП будет поддерживать любые стремления, направленные на объединение предприятий...»³⁷ (пункт 6 раздела V).

В истинных симпатиях НДП вряд ли можно было сомневаться уже после похвальных слов в ее адрес, раздавшихся со страниц центрального органа крупных монополистов «Арбайтгебер». Уж там-то знают настоящую цену социальной демагогии политических партий и давно научились читать их программы между строк. А себе в убыток отцы гешефта еще никого не хвалили и не поддерживали. Хорошо зная суть неонацизма, они видят в его принципе «каждому

свое» призыв к социальной умеренности трудящихся. Ибо НДП осуждает тех, «кто хочет работать все меньше, а получать все больше».

Монополисты видят в НДП яростного противника классовой борьбы и профсоюзов — боевых организаций западно-германского рабочего класса. Ведь национал-демократы ставят своей задачей «защищать собственность» — святую основу капиталистического общества — и выступают в то же время против «беззастенчивого материализма» рабочего класса.

В пункте третьем «Принципов нашей политики» провозглашалось: «Не беззастенчивый материализм, а признание и оплата по труду, защита собственности и гарантия рабочего места должны быть основными принципами здорового экономического и социального порядка»³⁸.

В «Программе НДП», принятой на III съезде, содержится аналогичное заявление о том, что «НДП — организованный протест против вредного влияния материализма». Что же касается вопроса о производственных отношениях, он излагается в пункте 2 раздела V следующим образом: «Целью экономической политики НДП является синтез свободы предпринимательства и социального долга. Поэтому НДП выступает за свободное и социально обусловленное предпринимательство»³⁹.

Но основное классовое кредо неонацисты излагали следующим образом: «Общественно-политическим феноменом нашего времени является преодоление классовой борьбы и включение рабочего в общество в качестве равноправного и уважаемого члена. В это дело немецкое рабочее движение сделало решающий вклад. Сегодняшние профсоюзы, чью социально-политическую задачу никто не отрицает, угрожают этой позиции рабочего в нашем обществе, когда они, не признавая нового бесклассового продуктивного сообщества свободных людей и своих собственных профсоюзных задач, все еще слепо исповедуют обветшалую идеологию второй половины прошлого столетия»⁴⁰.

Ганновский съезд полностью сохранил эту слепую ненависть неонацистов к классовой борьбе и выделил ее в новой программе партии в качестве одной из основных целей: «Окончательное преодоление классовой борьбы и создание трудового сообщества всех созидателей являются нашей задачей в промышленном массовом обществе. Профсоюзы и союзы предпринимателей должны в первую очередь добиваться осуществления этих задач. Они должны, наконец,

преодолеть устаревшие сословные и классовые представления минувшего века»⁴¹.

Итак, профсоюзы в представлении НДП должны воспитывать у западногерманских трудящихся умеренность и воздержанность в их требованиях, бережливость и экономию на производстве. Вместо классовой борьбы они должны пробуждать у рабочих «радость к труду». В этом проявляется еще одна важная социально-экономическая функция неонацизма, обеспечивающая ему поддержку монополистических воротил Западной Германии. Для них НДП служит тараном против рабочего класса и его профсоюзных организаций. Классовая ненависть к трудящимся и классовое сотрудничество с буржуазией — вот подлинная подоплека социальной демагогии национал-демократов. Это еще раз подтвердил на II съезде НДП Фриц Тилен: «Объединение немецких профсоюзов, где до сих пор еще большинство составляют сторонники настоящей классовой борьбы, призывает своих членов к открытому террору».

Чтобы вызвать среди населения недоверие к профсоюзам, которые до сих пор выступают против чрезвычайных законов, НДП идет на самую наглую ложь и фальсификацию. «Профсоюзы пытались сотрудничать с Гитлером!» — надрывалась «Дойче нахрихтен». «Профсоюзы — красное государство в государстве!» — вторила ей неонацистская газета «Дойче вохен-цайтунг».

Для того чтобы дискредитировать профсоюзы, неонацисты лицемерно объявили их главными виновниками всех трудностей в западногерманской экономике. «Дойче вохен-цайтунг» разразилась целой серией клеветнических статей. Заголовки кричали: «Профсоюзы становятся капиталистами!», «Рабочие активисты превращаются в директоров банков!», «Профсоюз проводит свою собственную внешнюю политику!».

В ответ на призыв профсоюза металлистов в Шлезвиг-Гольштейне бдительно следить за происками НДП «Дойче нахрихтен» подняла невероятный шум и выплеснула на свои страницы избитые обвинения западногерманских монополистов против профсоюзов: «Вот свидетельство того, что только леворадикальная сторона разлагает наш свободный демократический порядок и позорно пренебрегает демократическими правами нашего основного закона».

НДП в роли защитницы демократии! Смешно подумать, но этим демагогическим вывертам лидеры НДП обязаны многолетней школе Йозефа Геббельса.

Стоит ли после этого удивляться, что министр внутренних дел Пауль Люкке в ответ на разнузданную кампанию травли против профсоюзов и других демократов, поднятую в неонацистских газетах «Дойче нахрихтен» и «Дойче национал-цайтунг унд зольдатен-цайтунг», заявил: «Содержание их статей всегда остается в пределах дозволенного».

Правда, может быть, произнося эти слова, господин министр видел перед глазами ноябрьский номер газеты «Дойче национал-цайтунг унд зольдатен-цайтунг», которая призывала избирателей перед выборами в ландтаг Баварии: «Пусть 20 ноября каждый пойдет на выборы. Дело идет о нашем любимом немецком отечестве, о нашей любимой баварской родине. И пусть каждый действует по принципу: «Бейте левых, где только можно!». Дело заключается в том, чтобы у баварских устоев Федеративной республики, в баварской сердцевине немецкого духа дать бой антидемократическим силам, проявляющим к другим нетерпимость».

«Бейте левых, где только можно!» — этот лозунг германских ультра уже звучал в 1918 году в дни кровавой расправы над Баварской советской республикой. Затем его взяли на вооружение гитлеровские штурмовики. И теперь из их арсенала он перекочевал в идеологический багаж неонацистов. Что ж! Все в полном соответствии с логикой НДП: Каждому свое! Рабочим — демагогию и террор! Предпринимателям — процветание и новые дивиденды.

Идеология расизма и ненависти

Внешнеполитические и социально-экономические требования национал-демократов мы уже слышали. Как показал анализ, они представляют собой современное издание национал-социалистской программы, дополненное и исправленное в соответствии с новыми условиями и требованиями момента.

Что же предлагает НДП в области идеологии? Здесь тоже все высокопарно и запутано до невероятности. Главный идеолог НДП Эрнст Анрих выступил на II съезде партии в Карлсруэ с основным докладом на тему «Человек — народ — государство и демократия», который в официальных кругах НДП был назван «духовной базой молодой партии», на которой зиждется национал-демократическая политика. Доклад этот — сгусток предрассудков, страстей и злобы. В этом отношении Анрих, который в свое время по рекомен-

дании Гитлера занял кафедру новейшей истории имперского университета в Страсбурге, недалеко ушел от национал-социалистского идеолога Альфреда Розенберга, изложившего свои бредовые мысли в книге «Миф XX века». Сопоставление тезисов обоих «теоретиков» дает возможность проанализировать не только нищету философии национал-демократов, но и духовное родство обоих, с позволения сказать, «движений».

Розенберг утверждал в 1934 году: «История рас... является одновременно историей мира и мистикой души; с другой стороны, история религии крови является всемирной историей о возникновении и гибели народов...». И далее: «Нигде самобытное нордическое отрицание всего волшебного не проявляется яснее и величественнее, чем в религиозных ценностях Греции, все еще недостаточно принимаемых во внимание»⁴².

А вот что вещал на сей счет делегатам съезда ученый муж Эрнст Анрих: «Становится видно, как пришли в движение группы рас в результате их роста и больших геологических потрясений, как расы сталкивались друг с другом, боролись друг против друга, сливались друг с другом и затем вновь отделялись друг от друга на определенных пространствах и как через некоторое время после такого распада вдруг снова начинала расти (лучше всего это видно на примере развития греческой истории) совершенно определенная и определяющая сила»⁴³.

Квинтэссенция нацистского расизма у Розенберга выглядит следующим образом: «Из этого принципиального мировоззрения возникает затем и вся новая система мышления и государства, исходящая из основного положения, что... народы со здоровой кровью не знают индивидуализма в качестве масштаба». И далее: «Это расовое господство требует определенного типа людей. А настоящая органическая свобода возможна лишь среди такого типа людей. Свобода души, как и свобода личности, постоянно является формой, форма всегда ограничена пластически. Это ограничение обусловливается расой»⁴⁴.

Анрих в других выражениях, но не менее убежденно, чем его предшественник, рекламирует расизм и преклонение перед тоталитарным государством: «Основной порядок и человечество, как общность, возникли не совсем в одних и тех же районах, а в разновидностях и в низших видах общности, в расах с различными физическими и духовными способностями проявления и распространения... Есть такая выявля-

ющая точка зрения, имеющая право голоса и действия, что народ — это больше, чем число живущих в настоящее время людей, больше также, чем сумма ушедших поколений, — это государство... Государство выше человека и числа живущих в настоящее время людей, его суверенитет выше этих людей, ибо оно представляет народ как единое целое»⁴⁵.

Согласно представлениям Анриха, человек не является независимым существом, он с момента своего появления на свет подчинен государству. Государство всесильно и представляет собой «форму деятельности народа и первобытную форму жизни». Только государство (ни человек, ни нация) обладает суверенитетом. Поэтому, делает вывод Анрих, государство выше человека, оно тотально и абсолютно.

В ответ на обвинения в либеральной печати в расистских замашках Анрих выступил со своими разъяснениями на страницах специального выпуска «Дойче нахрихтен» от 24 февраля 1967 г. Здесь Анрих пытался разъяснить свои взгляды оппонентам, обвиняющим его в проповеди теории чистой расы, и вот что из этого получилось: «Народ, вполне понятно, не обязательно имеет чистую расу. Ибо мы не видим в настоящем и в далеком прошлом народа, чистого в расовом отношении. Но ведь, с другой стороны, вполне очевидно, что смешение не должно быть безграничным. Мы можем везде проследить, что в любом народе сравнительно определенная пропорция смешения является законом, который управляет этим организмом. Именно в этом заключено, как нам кажется, все своеобразие внутреннего строения каждого народа. Если пропорция изменяется в сторону увеличения, наступает распад, который всегда проявляется в том, что из земли вырывают некий таинственный корень: исчезает могущество культуры».

Итак, вместо исправления Анрих лишь далее развил свои расистские взгляды. Если проанализировать последующие пассажи Анриха, а также резолюцию I съезда НДП по вопросам культурной политики, то становится ясно: неонацисты требуют сохранения расовой чистоты. И в будущем они потребуют охраны «немецкого народа от иностранного засилья», лишения гражданских прав всех лиц, кто не может доказать своей чистокровной принадлежности к германской расе, введения «четкой регламентации бракосочетаний немецких граждан».

Разбирать подробнее расистские бредни неонацистов было бы излишне. Их человеконенавистническая сущность

очевидна. Снова, как в 30-х годах, националистически настроенного филистера потчуют идеологической мешаниной, густо приправленной арийским самомнением. Отсюда совсем недалеко до упоительной веры в предназначение свыше, в особую миссию, которая возложена самой историей, судьбой или богом (по вкусу) на нынешних потомков древних германцев. А если уж подобное мировоззрение заполнит голову германского филистера, то, как показал опыт, ее могут повернуть в любом направлении. Все это хорошо знают последователи Альфреда Розенберга. И хотя проповедь расизма в наши дни дело небезопасное, они не могут остановиться. Слишком велик соблазн и слишком заманчивы перспективы.

Расистские теории идеологов НДП находят практическое воплощение в нынешней действительности ФРГ. Учитывая болезненную реакцию мировой демократической общественности на любые проявления антисемитизма, неонацисты отрицают свои антипатии к евреям. В подтверждение этого лидеры НДП в своих интервью заявляют, что членом партии может быть и еврей, если он «чувствует свою принадлежность к немецкому народу» и разделяет программу партии. Лидеры НДП дали указания низовым организациям избегать в дискуссиях вопроса об отношении национал-демократов к евреям. Решение это было принято вскоре после того, как печать обратила внимание на явный антисемитизм некоторых ораторов НДП. Предпринимаются и иные маневры для обмана общественного мнения. Корреспонденты английской газеты «Таймс» присутствовали на одном из собраний НДП в Байрете в ноябре 1966 года, где выступал с пламенной речью молодой демагог, который процитировал выдержку из работ Мартина Бубера, еврейского мудреца, дав понять, что автор был евреем.

Насколько демагогичны подобные трюки, доказывают многочисленные антисемитские инциденты в Западной Германии, когда оскверняются еврейские кладбища, малюются свастики на домах, где проживают евреи. Печатный орган профсоюза горняков «Айн хайт» отмечал, что с 1960 по 1966 год, только по официальным данным ведомства по охране конституции, зарегистрировано 2872 уголовных преступления, носивших правоэкстремистский и расистский характер. Нередко среди задержанных преступников оказывались члены Национал-демократической партии.

Итак, руководство НДП на словах отрицательно относится к антисемитизму. Но в то же время на страницах ее

центрального органа «Дойче нахрихтен» можно прочесть следующие утверждения: «Гейне — еврей, а так как лирика более, чем какой-либо другой поэтический жанр, выражает характер нации и душу народа, значит Гейне не может быть величайшим немецким лириком ни после Гёте, ни рядом с ним»⁴⁶. Иными словами, еврей не может быть настоящим немцем. А значит, он не может быть допущен и в НДП, куда его только что приглашали для отвода глаз скептической общественности. А что до оценки Гейне на страницах «Дойче нахрихтен», то она мало чем отличается от того, что отпускал в адрес великого немецкого поэта «Фелькишер беобахтер».

Еще более характерно отношение национал-демократов к вопросу о преступлениях нацистов против еврейского населения. Те же корреспонденты «Таймс» сообщали, что один из работников НДП в беседе с ними в запальчивости заявил: «Ни один еврей не погиб в газовых камерах на немецкой земле». Он пытался даже убедить собеседников, что газовые камеры были сооружены американцами после войны с целью «очернить Германию в глазах всего мира»⁴⁷.

Нагло попирая все факты и издеваясь над исторической правдой, национал-демократы договариваются до того, что приписывают вину за развязывание второй мировой войны евреям. Профессор Рубин, выступая 28 ноября 1965 г. в Ганновере по случаю первой годовщины НДП, заявил: «Следует отметить безусловную ненависть к немцам если и не всего еврейского народа, то, по крайней мере, его функционеров, стоявших у рычагов власти. Руководствуясь прежними эмоциями, хотя и другими расчетами, те же самые еврейские круги в 1933, 1939 и 1941 годах пошли на неуместное объявление войны Германии, что было даже преступно, если учесть, что они тем самым выступили в роли подручных Гитлера, оказав ему услугу. Правый радикализм сионистов, быть может, в большей мере несет сознательную вину за преступления гитлеровского времени, чем весь немецкий народ»⁴⁸.

В Западной Германии сейчас осталось около 25 тыс. евреев. НДП пока оставляет их в покое, предпочитая не связываться с этой довольно щекотливой после 1945 года темой. Тем более что для расистских упражнений есть сейчас более выгодная мишень. Это иностранные рабочие, главным образом итальянцы, испанцы, греки и турки, которые годами работают в Западной Германии. Число их к концу 1966 года составляло 1 300 000 человек.

На одном из предвыборных собраний вблизи Нюрнберга Адольф фон Тадден заявил под громкие аплодисменты слушателей: «Иностранные рабочие для нас то же самое, чем были евреи для нацистов». НДП разжигает ненависть к иностранным рабочим, которые, по словам ее лидеров, «отбивают у немцев кусок хлеба». Враждебность национал-демократов к этим рабочим находит большое отражение в неонацистской пропаганде. При этом НДП одним ударом убивает двух зайцев: она делает беспроигрышную ставку на глубоко укоренившуюся в филистерстве националистическую надменность с расистским душком и одновременно пытается ловко перевести социальный протест трудящихся против растущей капиталистической эксплуатации в русло махрового национализма.

В третьем пункте «Принципов нашей политики» НДП без всяких обиняков заявляла: «Немецкий рабочий имеет преимущественное право на обеспечение рабочего места по сравнению с иностранной рабочей силой». Такой расистский призыв находит отклик не только в душе деклассированных элементов, но всякого, кто отравлен ядом националистического самомнения. «Сегодня коллеги — завтра штрейкбрехеры. Рабочие — иностранцы среди нас — они получают премии и социальные блага, за которые немецкие рабочие заплатили тяжелым трудом в течение многих лет и десятилетий. Этого не должно быть!»⁴⁹ — с демагогическим пафосом требует НДП, лицемерно рядясь в тогу защитницы интересов западногерманских рабочих. «Лучше работать на два часа в неделю больше, чем терпеть рабочих, прибывших из других стран!» — надрываются ораторы НДП на митингах, требуя удаления из промышленности ФРГ рабочих-иностранцев.

Те же требования раздавались и в выступлениях делегатов III съезда НДП в Ганновере. В новой программе записано: «Немецкий рабочий в нашем народном хозяйстве должен иметь преимущественное право на обеспечение рабочего места по сравнению с иностранными рабочими»⁵⁰ (пункт I раздела IX).

Иностранный рабочий вполне сознательно характеризуется как неполноценный в профессиональном отношении работник, который в силу этого стоит на социальной лестнице гораздо ниже своего западногерманского коллеги, но в то же время чистый заработок которого намного выше, чем доходы каждого члена западногерманской семьи. Неонацистская пропаганда спекулирует на том факте, что ино-

странные рабочие приезжают, как правило, в ФРГ в одиночку и большую часть своего заработка высылают семье. «Из нас выкачивают валюту. Наши марки уплывают за границу!» — истерически надрывается печать НДП и родственные ей издания.

В условиях серьезного дефицита в бюджете ФРГ в последние годы этот демагогический тезис служит прикрытием истинных причин валютного голода, в частности непомерных военных расходов, и в то же время разжигает ненависть к иностранным рабочим. Так, в современных условиях ФРГ применяется неонацистский метод расистской травли. Нет нужды дополнительно говорить о том, что, как только возрастают экономические трудности в стране и увеличивается угроза безработицы, вражда к иностранным рабочим вспыхивает с новой силой. Не случайно западногерманская печать неоднократно отмечала, что неонацисты, действуя по образцу гитлеровской партии, стремятся воспользоваться кризисом в угольной промышленности для вербовки в качестве своих сторонников потерявших работу шахтеров и служащих шахт. И псевдонациональная НДП, широко рекламирующая озабоченность судьбами западногерманских трудящихся, пожинает новые плоды своей социальной и расистской демагогии.

Национал-демократы, используя недовольство иностранными рабочими среди определенных кругов западногерманского населения, протаскивают милую великогерманскому сердцу теорию «расы господ». Выступая 5 марта 1965 г. на предвыборном митинге в Ной-Изенбурге, кандидат от НДП в Гессене Войчель заявил: «В 1943 году у нас было 5 млн. человек, согнанных на принудительные работы. Но несмотря на затемнение, с нашими женами и дочерьми ничего не случилось. Сегодня этих господ называют гастарбайтер»*, и наши женщины едва могут себе позволить без опаски пройти по ярко освещенным улицам. В 1943 году все-таки знали, что с этим сбродом нужно обращаться так, как того заслуживает сброд». И возмущенные правоверные, верящие в дело правых, взывают к «здоровому чувству крови» истинных великогерманцев: «Чистота нашего народа подвергается самой серьезной опасности из-за присутствия сотен тысяч чужеземных рабочих, студентов и солдат»⁵¹. Стоит ли удивляться после этого, что, как

---

* Гастарбайтер — иностранный рабочий (букв. перевод — гостящий рабочий).

показал опрос, 67% бундесбюргеров настроены против иностранных рабочих.

Другим примером совмещения расистской травли и социальной демагогии в пропаганде НДП является ее отношение к вопросу о взаимоотношениях ФРГ с развивающимися странами. Отдавая дань политико-экономической концепции автаркии и играя на переборах в экономическом развитии ФРГ, национал-демократы требуют прекратить займы и иную помощь развивающимся странам. В пятом пункте «Принципов нашей политики» сказано: «По чужой воле мы платим в дальние страны миллиарды, которые не служат ни немецким, ни европейским интересам. Напротив, настоятельными задачами нашего собственного развития пренебрегают. Помощь развивающимся странам должна состоять в первую очередь в обучении и технической помощи и быть полезной для достижения целей немецкой и европейской политики».

НДП не отрицает вообще необходимость связей с развивающимися странами. Верная экспансионистским устремлениям, она заинтересована в проникновении в эти страны, но требует добиваться большой цели ценой малой крови. В своей же ежедневной пропаганде, рассчитанной на обывателя, НДП сознательно смещает акценты. И демагогический протест против «выбрасывания денег на ветер» звучит особенно громко: «Миллиарды в джунгли? Необходимо покончить с этим». «16,76 млрд. марок без будущего. Для строительства квартир нет денег, но миллиарды гонят за границу!».

В новой программе партии ее лидеры идут еще дальше в своей демагогии, требуя увеличения дотации вузам за счет сокращения помощи развивающимся странам: «Ассигнования на необходимое расширение сети немецких университетов и вузов должны быть выделены за счет значительного сокращения помощи, как валютной, так и военной, за счет сокращения закупок оружия и помощи развивающимся странам из средств федерального бюджета» (пункт 7 раздела IV).

Это требования, которые затрагивают «человека с улицы». Это обращение к раздраженному чувству мещанина. И выборы в землях показали: подобные призывы достигают цели.

А чтобы придать своим социально-политическим лозунгам эмоциональную окраску и крепче задеть бундесбюргера за живое, в огонь демагогических страстей подлива-

лось масло расовой надменности. На сегодняшнем книжном рынке и киноэкране Западной Германии появилось немало книг и фильмов, воспевающих превосходство белой расы над народами Африки и Азии. В 1966 году на западногерманские экраны был выпущен кинофильм «Прощай, Африка!», снятый итальянскими расистами Якопетти и Просперо. Причем во время съемок (разумеется, за плату) наемники расстреливали африканских борцов за независимость в Конго, чтобы можно было на близком расстоянии и при самом идеальном освещении заснять предсмертные судороги.

Западногерманский журналист Рольф Зеелигер писал об этом фильме: «Еще хуже, чем красочное расписывание зверств, та тенденция расистской травли, которая усиливается контрастами. С одной стороны, черные, которые после ухода и изгнания белых вновь превращаются в людоедов, громят рай, оставленный им белыми хозяевами, и после золотого века колониализма строят свое черное господство террора. С другой стороны, бастионом и «чудом» в этом аду прославляется Южно-Африканский Союз, остров идиллии, на котором резвятся белокожие арийские девушки. И когда скоростная кинокамера замедляет их грациозные прыжки на морском пляже, кажется, что они парят как златокудрые ангелы: белая невинность, вера и красота, в увы, таком черном мире».

Показательно, что в Англии кинофильм «Прощай, Африка!» не был допущен на экраны, а в Западной Германии Комитет по оценке кинофильмов счел его достойным поощрения и присудил ему оценку «ценный». Впрочем, систему оценок, как заметила по этому поводу «Зюддойче цайтунг», изобрел еще 32 года назад Геббельс.

Расистские настроения подогреваются не только с киноэкрана. Власть предержащие не забывают поддерживать живучие в Западной Германии колонизаторские традиции нацистского прошлого. 7 октября 1967 г. в Штутгарте состоялся десятый федеральный слет «немецких африканских бойцов» — бывших офицеров и солдат «африканского корпуса» гитлеровского вермахта. Этому милитаристскому сборищу предшествовала торжественная церемония, состоявшаяся на кладбище в Херрлингене, где похоронен нацистский фельдмаршал Роммель, командовавший «африканским корпусом». На церемонии вместе с бывшими офицерами и генералами вермахта присутствовала официальная делегация офицеров бундесвера.

Так рядом, рука об руку, шествует по Западной Германии социальная демагогия и идеология расизма и неоколониализма. Они порождены не НДП. Последняя — лишь наиболее рьяная их почитательница и пропагандистка. Но она никогда не взялась бы за это дело, рискованное даже по понятиям боннской конституции, если бы не чувствовала одобрительных похлопываний по плечу столпов боннского общества. Вдохновляемая ими, черпая полной пригоршней из богатых пропагандистских арсеналов Геббельса, НДП вновь возносит арийскую расу господ, суля ей лучшую участь, чем та, которая была ей уготована 1945 годом.

Приют разочарованных и недовольных

В своем докладе на II съезде НДП Фриц Тилен заявил: «Наша задача — построить Национал-демократическую партию таким образом, чтобы она превратилась в благопристойный приют для немцев, отворачивающихся от старых партий».

Для достижения этой цели НДП не останавливается ни перед чем. В этом ей помогают объективные факторы экономического, политического и идеологического развития ФРГ: всевластие монополий, агрессивный внешнеполитический и антидемократический внутренний курс, разжигание антикоммунизма и национализма — все, что создает питательную среду для культивации неонацистских настроений.

Дополнительными стимуляторами явились, в частности, экономические перебои последних лет, что привело к неустойчивому положению на рынке рабочей силы и вновь усилило угрозу безработицы и настроения неуверенности в завтрашнем дне. Сюда же относятся и недовольство широких масс населения внешнеполитической изоляцией ФРГ и бесперспективностью проводившейся до сих пор политики в вопросе нормализации отношений между обоими германскими государствами.

Так национал-демократическая партия стала выполнять одну из своих главных функций в государственно-монополистической системе ФРГ: она оказалась центром притяжения для всех, кто не умел или не желал перестроиться после 1945 года.

Партия неонацистов быстро росла. 28 ноября 1964 г. (день основания НДП) она насчитывала 473 члена, которые в основном были выходцами из Немецкой имперской

партии. В этом отношении у НДП было не такое «трудное» начало, как у НСДАП. Ей не пришлось переживать мучительный период эмбрионального развития, начиная с жалкой кучки охочих до дискуссии завсегдаев мюнхенской пивной: сказались перешедшие в наследство от национал-социализма организационные и идеологические навыки. НДП быстро пошла в гору. Небольшая остановка была лишь в самом начале — до середины января 1965 года, пока численность партии не достигла 1000 членов. Но, набрав как следует воздуха в легкие, национал-демократы начали быстрый подъем. В 1965 году ежемесячно НДП увеличивала свою численность в среднем на 1000 человек и пришла к декабрю, насчитывая в своих рядах уже 14 тыс. членов.

Ко II съезду в рядах неонацистов находилось 19 160 человек. Успехи на выборах в Гессене и Баварии привели к тому, что к концу 1966 года НДП насчитывала уже около 25 тыс. членов. Последовавшие затем распри в руководстве и выход Тилена и его сторонников из партии сказались на ее численном составе. Но даже эти неблагоприятные для НДП события не остановили роста ее рядов. И хотя министерство внутренних дел ФРГ пыталось занизить численность национал-демократов, однако фон Тадден твердо поставил точку над «i»: «Нас не 23 тысячи, как говорят в Бонне, а на 10 тысяч больше, и мы продолжаем неуклонно расти». А в октябре 1967 года прозвучало самоуверенное: «В ближайшее время число членов НДП достигнет 50 тысяч».

Уже к концу 1966 года НДП имела прочную сеть на всей Западной Германии — земельные организации во всех 10 землях. НДП не забыла и о Западном Берлине. В общей сложности существовало 66 окружных организаций, 429 — районных и 600 местных. Наиболее сильными являлись отделения партии в Баварии, Шлезвиг-Гольштейне и Нижней Саксонии.

При вербовке членов НДП использует самую безудержную демагогию — демагогию во всех видах, адресованную всем категориям населения. Национал-демократы посылают своих представителей во всякого рода союзы изгнанных и в традиционные милитаристские союзы. Она апеллирует ко всем, протестует, требует. Причем эти требования и протесты не содержат конкретных конструктивных предложений. Но они эффективны в своем воздействии на массы, ибо являются направленной пропагандой со строго определенным целевым назначением. Листовки НДП всегда предель-

но лаконичны и сжаты по форме. Эти листовки и предвыборные плакаты задевают каждого, к кому адресованы, так как психологически они откликаются на то недовольство, которое сидит в каждом бундесбюргере.

Из кого состоит НДП? Прежде всего, это недовольные со стажем, приверженцы тоталитарной системы, сохранившие верность «третьему рейху». К началу 1967 года из 25 тысяч членов НДП, даже по данным министерства внутренних дел ФРГ, чья «объективность» и «незаинтересованность» в подобных вопросах весьма сомнительны, 2 тысячи составляли «старые члены партии», то есть члены нацистской партии, вступившие в нее до 1933 года. Всего же в НДП около 20% членов составляют выходцы из НСДАП — идеологически закаленное ядро, убежденные сторонники рейха и фюрера. К ним присоединились около 500 бывших членов запрещенных праворадикальных организаций, около 3500 бывших членов Немецкой имперской партии, 4000—5000 бывших членов других, частично прекративших свое существование праворадикальных группировок. В начале 1967 года более 35% всех членов НДП были выходцами из ее предшественниц: НСДАП, СИП, Немецкой имперской партии⁵². Как мы увидим далее, доля бывших нацистов среди руководящего звена партии практически значительно выше.

Итак, основу новой партии составили люди, идеологически и политически преданные крайне правому, открыто националистическому движению. Но, пожалуй, гораздо более серьезным является тот факт, что НДП сумела завербовать основную массу своих членов — 65%, или 15 тыс. человек (на начало 1967 г.), из таких кругов населения, которые до сих пор не входили в орбиту влияния организованного «правого радикализма». Кто эти люди?

К НДП присоединились те, кто разочаровался в нынешнем направлении развития боннского общества, те, кто временно мирился с «излишествами» боннской демократии, надеялся на свершение великогерманских мечтаний методами атлантизма и европеизма, но сразу же затосковал по сильной руке, как только почувствовал непрочность «экономического чуда» и подвешенность в воздухе всей внешнеполитической доктрины ФРГ. Себастьян Хоффнер сказал как-то об этих людях: «Все представители старшего поколения неонацистов очень хорошо чувствовали себя во времена третьего рейха — почти так же хорошо, как при кайзере Вильгельме. А те, кто помоложе?.. Но ведь они дети своих

родителей. Веймарскую республику эти люди никогда не признавали своим государством. В их глазах это был сви-нарник. Боннскую республику они до сих пор признавали, цитируя, правда, при этом Томаса Манна — со словами «до поры, до времени» в душе. А сейчас они обнаружили в ней недостатки».

Помимо этих твердолобых в НДП вступают и жертвы ухищренной неонацистской демагогии. Обманутые, они примкнули к ней в знак протеста против неудовлетворяющей их боннской системы: таких особенно много среди неопытной молодежи, а также среди политически отсталых слоев населения. Существует и еще одна категория членов НДП: неудачники, потерпевшие фиаско в политической или общественной жизни. Они ищут рецептов, которые бы могли легко решить все проблемы, и находят готовые схемы у неонацистов. Опасность этой прослойки состоит в том, что она без колебаний и раздумий последует куда угодно за новым фюрером, если он пообещает им «сладкую жизнь» в новом рейхе.

Каков социальный состав НДП? Для окончательных выводов в этом отношении время еще не наступило. Сама НДП находится в процессе развития, и ей менее, чем какой-либо другой партии, свойственна стабильность социальной базы. К этому следует добавить несовершенство социальной характеристики членов НДП и заведомое искажение ее общественного лица как самими лидерами партии, так и буржуазными социологами.

Однако уже первый предварительный анализ приоткрывает некоторые закономерности. По данным западногерманского писателя Вернера Смойдзина, подробно изучавшего НДП, эта партия в начале 1967 года выглядела следующим образом. Около $\frac{2}{3}$ всех членов партии являлись представителями среднего сословия: торговцы, ремесленники, сельские хозяева, служащие и чиновники, 13% — рабочие, 5% — научные работники. Пенсионеры составляли также примерно 5%. Женщин, в основном домохозяйек, не имеющих профессии, в НДП 10%. Все это позволяет сделать вывод, что в НДП преобладают представители мелкой буржуазии, так называемые средние слои населения, которые в свое время составили основу нацистской партии.

Более полная картина социальной базы НДП вырисовывается после анализа состава избирателей этой партии. Результаты выборов и прежде всего растущее влияние национал-демократов сказываются и на ее составе: НДП

сумела привлечь в последнее время определенное число рабочих и ведет активную пропагандистскую работу среди студенчества и молодежи.

Последнее обстоятельство самым непосредственным образом влияет на возрастной состав НДП. Средний возраст национал-демократов непрерывно меняется. Причем здесь прослеживается вполне определенная закономерность: прогрессирующее омоложение партии. В первые месяцы существования НДП в ней преобладали люди старшего поколения. Еще до конца 1965 года удельный вес членов партии в возрасте от 45 до 60 лет был на 10% выше, чем доля этого возрастного состава граждан ФРГ (27%) среди населения страны. В то же время прослойка членов партии в возрасте моложе 30 лет (от 18 до 30 лет) была на 10% ниже доли такой же возрастной категории граждан (28%) среди всего населения ФРГ. В 1965 году большую часть членов партии составляли люди в возрасте между 45—59 годами.

Лидерами НДП была поставлена задача омолодить партию. Это было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, для того чтобы обеспечить дальнейшую жизнеспособность партии и перспективу ее развития. Во-вторых, чтобы тем самым противостоять усилившимся обвинениям в адрес НДП, как нового издания НСДАП. В-третьих, молодежь, как менее опытная в жизненном и политическом отношении категория населения, легче всего могла стать добычей демагогии неонацистов. И, наконец, благодаря притоку молодых членов партии, лидеры национал-демократов надеялись придать своей партии особую привлекательность и импульсивность в общественной и политической жизни.

И надо сказать, что руководству НДП удалось добиться в этом отношении немало. «Мы с каждым месяцем омоложиваемся», — заявил в ноябре 1966 года Отто Гесс. По его словам, к этому моменту более половины членов партии составляли люди в возрасте до 40 лет. Приблизительно те же данные встречаются и в других материалах. Западно-германский историк и публицист Фред Рихардс отмечал, что в ноябре 1966 года доля членов партии 1928 года рождения и моложе составляла даже 51,6% состава членов партии, а доля молодежи в возрасте между 18 и 27 годами составляла 24,2%. К концу 1966 года большую часть членов НДП составляли уже люди в возрасте от 30 до 44 лет. С тех пор в НДП вступило много новых членов партии, и среди них значительную часть составляет молодежь, особенно студенты. Пока еще нет новых данных для анализа,

но, судя по сообщениям в печати, удельный вес молодежи в НДП возрастает.

То, что в НДП все-таки значительную долю составляют люди в возрасте 45—59 лет, вполне понятно. Именно этого возраста достиг сейчас бывший костяк гитлеровского периода — активисты нацистской партии, фашистские чиновники и среднее офицерское звено. Это соответствует намерению лидеров партии построить НДП таким образом, чтобы ее руководящее ядро составили старые кадры, подготовленные организационно и проверенные в идеологическом отношении. Остальную массу, по возможности, должны составлять молодые. Это означает, что за неонацистами следует и часть того поколения; которое выросло и сформировалось уже после 1945 года. Вот почему возрастной состав НДП и все более ярко вырисовывающаяся тенденция к омоложению партии представляют важную и серьезную проблему. Неонацизм зарится на молодежь. И в этом его особая общественная опасность.

Неонацистская элита: кто есть кто

Вопрос о руководящем звене национал-демократической партии заслуживает особого внимания. Во-первых, от этих людей в решающей степени зависит политическое направление и идеологическое содержание всей работы партии. Во-вторых, для неонацизма, как и всего правого радикализма, вопрос о взаимоотношении массы рядовых членов и руководящего звена имеет особое значение.

Для всякого праворадикального движения характерно пренебрежительное отношение к демократическим принципам (в частности, к мнению и решениям большинства) и предпочтительное отношение к элите, за которой признается решающая и определяющая роль. Лидеры НДП, отдавая дань демагогии, предпочитают не касаться этого вопроса, но на деле всецело придерживаются нацистской практики тщательного подбора старых проверенных кадров в качестве партийных руководителей на всех уровнях. Образцом здесь были и остаются активисты гитлеровской партии, прошедшие послевоенную школу правого радикализма. Так, федеральное правление НДП к началу 1967 года почти на 67% состояло из бывших членов НСДАП⁵³.

«Я утверждаю, — подчеркивал в этой связи В. Смойзин, — что в НДП, как ни в одной из других немецких пар-

тий, в партийных правлениях, имеет место засилье бывших членов НСДАП. Если же иметь в виду, что НДП все время удается в значительной мере привлекать в свои ряды новых членов, что около $\frac{2}{3}$ ее членов не состояло ни в НСДАП, ни в других праворадикальных объединениях, то доля бывших членов НСДАП, Социалистской имперской партии и Немецкой имперской партии в руководстве НДП становится еще весомее... И в правлениях окружных и районных организаций НДП дело обстоит таким же образом... Около половины членов районных правлений и почти $\frac{2}{3}$ окружных функционеров — выходцы из НСДАП, СИП или НИП. Если же посмотреть, кто занимает наиболее влиятельные посты в партийных организациях, то станет совершенно ясно, что НДП в настоящее время все еще полностью находится в руках бывших функционеров все тех же трех партий...»⁵⁴.

Итак, старые нацисты крепко держат в своих руках рулевое колесо НДП. Что представляют из себя эти люди? Некоторые из них, в том числе бывший лидер партии Фриц Тилен и нынешний — Адольф фон Тадден, уже известны. О других следует сказать несколько подробнее. Причем это не просто рядовые нацисты со стажем. В свое время они внесли активный вклад в создание «третьего рейха» и служили фюреру не за страх, а за совесть. Итак...

Вильгельм Гутман, нынешний заместитель председателя НДП, член нацистской партии с 1 марта 1932 г. С 1933 по 1945 год был бургомистром в Тингене. Затем подвизался в руководстве различных праворадикальных союзов, пока не всплыл на поверхность в неонацистской НДП.

Эмиль Майер-Дорн, член правления НДП. Вступил в НСДАП 1 июля 1930 г. Руководил политической школой фашистской партии в Швабии, был гаувартом в организации «Крафт дурх фрайде». Во время войны имел звание оберштабсфронтфюрера организации «Тодт».

Фриц Май, председатель НДП земли Рейнланд-Пфальц. Член фашистской партии с 1933 года (членский билет № 1507543) и член СС (членский билет № 81090). В 1938 году закончил юнкерскую школу СС в Бад-Тельце. В годы войны командовал 10-м танковым батальоном. С 30 января 1944 г. штурмбаннфюрер СС. Гиммлер вручил ему «почетный кортик» и «кольцо с черепом». Был награжден «Золотым германским крестом» и «Железным крестом I степени».

Эрнст Анрих, выступающий в НДП в роли главного идеолога. В 1930 году уже известен как приверженец национал-

социализма. С 31 октября по 1 ноября 1930 г. в Галле-на-Заале состоялось совещание нацистского немецкого студенческого союза, на котором Анрих был введен в состав руководства. В 1941 году, будучи профессором Страсбургского университета, являлся фюрером в нацистском союзе доцентов окружного руководства Бадена. Уже тогда распространял нацистскую и милитаристскую идеологию, в частности в таких публикациях, как «Три очерка о национал-социалистском мировоззрении», «Угроза Европе со стороны Франции».

Хорст-Гюнтер Швеймер, представитель земельного правления НДП Гамбурга. В 1932 году вступил в НСДАП (членский билет № 1049803) и СС (членский билет № 43838). Закончив в 1935 году юнкерскую школу в Бад-Тельце, 20 апреля 1936 г. стал унтерштурмфюрером СС. Швеймер дослужился до звания гауптштурмфюрера СС, был награжден «почетной шпагой» рейхсфюрера СС и во время своей службы в СС входил в состав войск личной охраны Гитлера. В 1938 году стал оберштурмфюрером в штабе рейхсфюрера СС. Швеймер был советником миссии I класса в бюро рейхсминистра иностранных дел Риббентропа, где имел возможность познакомиться с нынешним канцлером Кизингером, занимавшим в то время ответственные посты в нацистском МИДе.

Кстати, неонацисты широко используют последнее обстоятельство в своей пропаганде, чтобы подчеркнуть, что принадлежность в прошлом к гитлеровской партии не является исключительной монополией членов НДП и в не меньшей степени присуща другим боннским партиям. Так, Отто Гесс в ноябре 1966 года в ответ на критику «правого радикализма» с издевкой заявил, что такой член ХДС, как Кизингер, несмотря «на свою принадлежность в прошлом к НСДАП», был все же выдвинут на пост федерального канцлера. Поэтому, когда лидерам НДП указывают на чрезмерное засилье бывших активистов НСДАП в руководящем звене НДП, Адольф фон Тадден с невозмутимостью прусского барона заявляет: «Пожалуйста, посмотрите, что делается в других партиях».

Подобная демагогия неонацистов тем более опасна, что она строится с учетом реальной обстановки в ФРГ. Лидеры НДП не новички в политике. И многие из них сохраняют не только деловые, но и приятельские отношения с коллегами по прежней службе в годы «третьего рейха», причем нынешнее членство в ХДС, СвДП или СДПГ тому не помеха.

В конце концов, никто из них не собирается целиком зачеркивать свое прошлое. И в глубине души им льстит его «великогерманское величие».

Саморазоблачающая печать и публицистика

Французский журналист Ив Моро рассказал на страницах «Юманите» о своем посещении штаб-квартиры неонацистской партии в Дюссельдорфе (Хюттен-штрассе, 6). На вопрос, не могут ли ему порекомендовать какие-нибудь книги о современном положении Западной Германии, там охотно ответили: «Разумеется. Садитесь, пожалуйста... А, история... Она никогда не была до такой степени фальсифицирована, как после 1945 года, причем это делалось в ущерб немецкому народу. От Нюрнбергского суда до наших дней — сплошное нагромождение лжи. Какая систематическая клевета на целую нацию!».

Иву Моро протянули толстую переплетенную книгу, на обложке которой были фотографии Деница, Кейтеля и Редера. «Прочитайте книгу Генриха Хертле «Невиновность Германии. Наши солдаты перед Нюрнбергским процессом». Большинство зверств, в которых обвиняют немецкий народ, было выдуманно от начала и до конца...».

В Западной Германии в витринах книжных магазинов выставлено множество подобных произведений, претендующих на исторический анализ. История в них извращена настолько, что военные преступники изображаются в качестве жертв. И это не единичные произведения. На выпуске подобной литературы специализируются десятки авторов и издательств, многие из которых стоят на открытых неонацистских позициях. Кто эти люди?

К примеру, тот же Генрих Хертле. Он является постоянным сотрудником газеты «Дойче нахрихтен». В свое время Хертле был секретарем Альфреда Розенберга и опубликовал во времена нацизма несколько фашистских и антисемитских произведений. В 1944 году в издательстве «Митос» вышла его книга «Идеологические основы большевизма, марксизма, ленинизма, сталинизма» с предисловием Альфреда Розенберга.

В 1955 году эта книга была снова переиздана в гамбургском издательстве «Хольстен» под заголовком «Марксизм-ленинизм-сталинизм — идеологическое наступление с Востока». Автор лишь из ложной скромности заменил свое имя

на псевдоним Гельмут Штейнберг и на всякий случай опустил предисловие Розенберга. Но его уважение к бывшему шефу отнюдь не убавилось: Хертле был редактором опубликованной в 1955 году в издательстве «Плессе-ферлаг» в Гёттингене книги Розенберга «Идеалы и идолы национал-социалистской революции. Последние записки».

А Хертле лишь один из многих, кто вновь обрел потерянный в 1945 году фатерлянд под мощным крылом «правого радикализма».

Из года в год увеличивается количество и тираж неонацистской, милитаристской и националистической литературы, издающейся в ФРГ, содержанием которой является восхваление прошлого, оправдание нацистских преступлений, клевета на движение Сопrotивления и обвинение в предательстве антифашистов, нанесших якобы «удар кинжалом в спину». Эти идеи открыто провозглашены в программе НДП.

В IX пункте «Принципов нашей программы» говорилось: «Через 20 лет после окончания войны мы требуем покончить с односторонними процессами во имя преодоления прошлого, в то время как в других странах остаются безнаказанными бесчисленные военные преступления против немецких мужчин, женщин и детей. Интересы внутреннего умиротворения Германии и Европы требуют равного права для всех и подведения черты путем всеобщей амнистии».

В X пункте «Принципов нашей программы» говорилось: «Во имя будущего Германии нужна правдивая историческая концепция. Мы против прославления измены родине и утверждения, что Германия одна виновна во всех несчастиях мира. Они ведут к моральному самоуничтожению нашей нации. Поэтому мы требуем покончить с ложью о единоличной вине немцев, при помощи которой из нашего народа продолжают выжимать миллионные суммы»⁵⁵.

Изменилось ли что-нибудь в этом вопросе после принятия новой программы НДП? Только словесная оболочка. Судите сами: «Многие поколения немцев участвовали в формировании Центральной Европы, переживая вместе с ней все превратности судьбы; они не могут сегодня отречься от нее, иначе они будут преданы забвению. Мы выступаем против того, чтобы постоянно обвинять старшее поколение и в то же время побуждать молодежь отказываться от истории Германии... В течение десятилетий готовность к подчинению и признание коллективной вины парализовали немецкую политику... Мы отвергаем версию о том, что Гер-

мания одна несет вину за мировые войны или же что на нее падает главная ответственность за них. Борьба с этой ложью является задачей всего народа. Исследование причин войны должно поставить перед собой цель выявить историческую правду, а не служить пропаганде против нашего народа и его достоинства»⁵⁶.

Если попытаться коротко сформулировать историческую концепцию национал-демократов, то она выглядит следующим образом: Гитлер вовсе не собирался начинать войну. Его вынудили к этому враги немецкой нации бесчисленными угрозами и попранием «жизненных немецких интересов». Война велась в целях установления «нового порядка» в Европе, в интересах защиты западной культуры от угрозы большевизма. Война велась «в рыцарских формах». Никаких массовых истреблений гражданского населения не было. Все это «фальсификация» и выдумки международной прессы. Десятки тысяч советских людей, насильственно угнанных в фашистское рабство, по словам национал-демократов, работали в Германии в условиях, вполне приемлемых для жизни. Концентрационные лагеря были в основном плодом воображения досужих пропагандистов. Данные о погибших в лагерях смерти слишком преувеличены и намного ниже тех потерь, которые понесли немецкие беженцы при эвакуации с Востока на Запад. И вообще нельзя вину Гитлера возлагать на «доблестные немецкие войска», которые проявили невиданную выдержку и стойкость.

В «Примечаниях к Манифесту НДП» говорилось: «Молодежь должна понять, что... фронтовые солдаты... самоотверженно совершали сверхчеловеческое, за что поэтому они заслуживают уважения, даже если в то же самое время во имя Германии совершались преступления...»⁵⁷. Сказано предельно ясно: во имя фатерлянда можно простить любые зверства и преступления.

А в новую программу НДП ее лидеры сочли даже нужным включить следующее требование: «Военнослужащие бывших войск СС имеют право на такое же обеспечение и правовое положение, как и остальные военнослужащие бывшего вермахта»⁵⁸ (пункт 15 раздела XIV).

Фальсификация вопроса о виновниках войны, как это видно из вышесказанного, является центральной темой в политической пропаганде НДП. Национал-демократы, как и нацисты после первой мировой войны, повторяют басни о «доблести» и «сверхчеловеческих подвигах» фронтовых солдат. Согласно этим рассказам, поражение германского

империализма в первой мировой войне не было закономерным. Вина за поражение сваливалась на «подрывную работу красных в тылу». Виноватыми оказывались, согласно нацистской терминологии, «ноябрьские преступники». Фашисты неустанно повторяли массам, что войну можно было бы выиграть, если бы не «предательство в тылу», если бы не было «удара ножом в спину». А теперь печать неонацистов утверждает, что причиной поражения вермахта во второй мировой войне были «предатели в главной ставке Гитлера». «Если бы не было этого предательства, Германия выиграла бы войну».

Эти утверждения звучат, на первый взгляд, примитивно и наивно. Но если учесть, что ежедневно в сотнях тысяч экземпляров книг, газет и журналов повторяется одна и та же ложь, а в остальной печати почти обходится молчанием вопрос об отношении к результатам политики нацизма и не признаются итоги войны, то воздействие такой пропаганды на массы весьма значительно.

Начав с фальсификации вопроса о виновниках войны, НДП приходит к утверждению о неправомочности Потсдамских соглашений. Так, «Дойче нахрихтен» утверждала, что Потсдамские соглашения являются не международным правовым договором, а лишь «административным соглашением». Поэтому они обязательны лишь для участвовавших в этом совещании, но не для третьих государств. «Германия..., следовательно, не связана потсдамской договоренностью»⁵⁹.

Неонацисты стремятся превратить Потсдамские соглашения в мишень для атак и выставить их в виде очередного Версальского договора, якобы несправедливо навязанного победителями. Тем самым они бьют по болезненному национальному самолюбию и раздувают самый неприкрытый и откровенный шовинизм. Выполнению этой задачи служит не только публицистика, но и многочисленная неонацистская печать. Даже согласно официальным данным, на газетном и журнальном рынке наблюдается непрерывный рост праворадикальных изданий. «Число праворадикальных газет и журналов составляло в 1961 году общей сложностью 46 изданий, — сообщала пресс-служба ФРГ. — Их общий тираж составлял 160 тыс. экземпляров. Это примерно на 30 тыс. больше, чем в 1959 году. В качестве издателей книг и брошюр с праворадикальными тенденциями были отмечены 12 издательств и 6 организаций изгнанных, которые выпускали приблизительно 100 названий». Через год число

праворадикальных организаций возросло с 86 до 112, а тиражи газет — с 160 тыс. до 192 тыс. экземпляров⁶⁰.

В отчете министерства внутренних дел ФРГ за 1967 год указывалось, что «общий тираж праворадикальных периодических изданий в 1966 году увеличился по сравнению с 1965 годом на 45 900 экземпляров и достиг 272 900. Этот рост был обеспечен в основном за счет органа НДП — газеты «Дойче нахрихтен», а также газеты «Дойче националь-цайтунг унд зольдатен-цайтунг»⁶¹.

Выросли также тиражи таких праворадикальных изданий, как «Дойче студентен-анцайгер», «Дойче хохшулерер-цайтунг», журнала «Нойес Ойропа», и многочисленных газетенок, издаваемых «изгнанными» (общий тираж достигает более 300 тыс. экземпляров). Таким образом, более 1 млн. бундесбюргеров подвергаются регулярной психологической обработке в духе самого махрового национализма и неонацизма.

Что представляют собой основные периодические издания неонацистских кругов ФРГ?

«Дойче нахрихтен» — официальный орган НДП. С 1 января 1965 г. выходит в качестве еженедельной газеты вместо газеты «Рейхсруф», центрального органа Немецкой имперской партии. Ответственным за газету является Адольф фон Тадден. Издает ее Вальдемар Шютц, член правления НДП.

Вальдемар Шютц заслуживает того, чтобы о нем было сказано более подробно: 1911 года рождения; в 1929 году вступил в гитлерюгенд, в 1936 году — в члены НСДАП; в 1937—1938 годах учился в школе СС в Фюгельзанге; в 1945 году был в чине гауптштурмфюрера СС; с образованием Немецкой имперской партии вступил в нее и возглавил партийное издательство, которое затем перешло к НДП; Шютц является владельцем издательств «Плессеферлаг» и «Националь-ферлаг»; наряду с «Дойче нахрихтен» издает «Дойче студентен-анцайгер» и «Дойче вохен-цайтунг»; Шютц выпускает книги неонацистского писателя Эриха Керна, бывшего нацистского дипломата Петера Кляйста и др.; один из основателей неонацистского журнала «Национ Ойропа».

Тираж «Дойче нахрихтен» непрерывно растет. В начале 1965 года газета выходила раз в неделю в количестве 12 тыс. экземпляров. К началу 1967 года тираж ее возрос до 45 тыс. Из этого количества примерно 22 тыс. направлялись заказчикам, 2400 экземпляров посылались за ру-

беж, и остаток шел в розничную продажу. «Дойче нахрихтен» излагает официальную линию НДП и проводит идеологическую обработку неонацистского актива в крайне националистическом и авторитарном духе.

В этом ей активно помогает «Дойче националь-цайтунг унд зольдатен-цайтунг» (под этим названием выходит с января 1963 г.). Небезынтересно отметить, что газета отрицает свою формальную связь с НДП и пытается даже создать видимость несогласия с ней по некоторым вопросам. Но анализ материалов, помещенных в ней, а также общее направление газеты не оставляют сомнений в том, что это издание находится в руках и на службе неонацистов. «Дойче зольдатен-цайтунг» начала выходить в Мюнхене с 1951 года. В числе ее основателей были бывшие нацисты и эсэсовцы, например Гельмут Дамерау и Иоахим Руофф; одно время главным редактором был бывший гауптштурмфюрер СС Эрих Кернмайр. О своем влиянии на газету неоднократно открыто говорил бывший статс-секретарь министерства Геббельса Вернер Науман.

Даже по признанию министерства внутренних дел ФРГ, «Дойче националь-цайтунг унд зольдатен-цайтунг» прославляет милитаризм и солдатскую доблесть, распространяет антисемитские взгляды. Газета ставит под сомнение факт уничтожения 6 млн. евреев и существование газовых камер в концлагере Дахау. Она призывает прекратить преследования немецких военных преступников и требует наказания преступлений противной стороны. «По внешнеполитическим вопросам, — отмечалось в отчете, — лейтмотивом являются «пангерманские» идеи издателя. Газета призывает к восстановлению великогерманского рейха с включением всех территорий, захваченных третьим рейхом...». Газета «требует создания немецких национальных ядерных сил».

Итальянская газета «Стампа» сообщила в январе 1967 года о беседе своего корреспондента с директором и владельцем газеты Герхардом Фреем. Фрей сказал ему, что «нельзя продолжать попира́ть права германского народа» и что поэтому... необходимо выполнять Мюнхенское соглашение. В ответ на возражение корреспондента, что это соглашение теперь недействительно, потому что оно было навязано силой оружия, Фрей заявил: «Я не помню ни одного международного соглашения, которое не было бы результатом насилия, если так можно выразиться. Версальский договор, который многие считают несправедливым,

потому что он был навязан силой, тем не менее все еще действует. В связи с этим действительным является и Мюнхенское соглашение!».

«Стампа» так комментировала это заявление: «Вот что понимает Герхард Фрей под правом людей. Это те самые права германского народа, за которые борется его газета. Он отрицает, что является сторонником НДП, но его доводы — те же самые, какие приводила Германия в Мюнхене в 1938 году».

В мае 1966 года объединение западногерманских профсоюзов опубликовало документацию о газете «Дойче националь-цайтунг унд зольдате́н-цайтунг». В документации подчеркивалось, что «Дойче националь-цайтунг» выражает взгляды правозэкстремистских и националистических кругов, хотя и пытается маскировать их «демократическими» фразами. Газета отрицает свое идейное родство с неонацистской НДП, но результаты опроса показывают, что большая часть ее читателей являются членами или сторонниками этой партии.

Расхождения между издателем этой газеты Герхардом Фреем и руководством НДП носят чисто личный характер (известны, например, попытки Фрея основать свою собственную неонацистскую партию) и ни в коей мере не сказываются на идеологическом и политическом направлении газеты. Примером того, насколько искусственно преувеличиваются противоречия между Фреем и НДП, может служить редакционная статья «Дойче националь-цайтунг» от 20 мая 1966 г., в которой Фрей выступает в защиту НДП от нападок профсоюзов и требует для НДП равных прав и возможностей наряду с другими боннскими партиями.

Тиражи газеты постоянно растут. Если в 1959 году выходило 9 тыс. экземпляров газеты, то в начале 1965 года она издавалась уже тиражом в 86 тыс., а к началу 1967 года ее тираж вырос до 125 тыс. экземпляров.

Известно, что «Дойче зольдате́н-цайтунг» была основана на американские деньги в целях поднятия боевого духа послевоенного поколения западных немцев, которые нужны были американскому и западногерманскому империализму в качестве пушечного мяса. Впоследствии газета не раз получала значительные дотации из государственного бюджета.

Сам Герхард Фрей не был причастен к национал-социализму (в 1945 г. ему было 15 лет). Однако он ревностно защищает «великое прошлое» «третьего рейха» и особенно его «доблестный вермахт». Эти симпатии самым непосред-

ственным образом проявляются при выборе сотрудников газеты, значительную часть которых составляют активные нацисты и эсэсовцы (это твердая традиция газеты со дня ее основания).

Так, на пост ответственного секретаря газеты был взят старый национал-социалист Карл Магес, который был видным функционером НСДАП в Саарпфальце и нацистским интендантом радиостанций в Саарбрюккене и Вене. В качестве корреспондента газеты выступал известный нацист Теодор Сусек, приговоренный в Австрии к смертной казни за нацистские преступления (затем он был помилован, после чего основал неофашистское движение).

Под псевдонимом «Хорст Бушман» в газете помещает материалы другой крупный неонацист Хорст Штраусс, бывший заместитель председателя неонацистской организации «Трудовое сообщество национальных союзов молодежи в Австрии». После ее запрета он бежал в Южную Африку, откуда регулярно шлет свои статьи. Южнотирольский террорист Райнер Мауритц, осужденный в 1962 году за хранение взрывчатых веществ, тоже пописывает в газете под псевдонимом «Иоханнес Штайнер».

Этот список можно было бы продолжить. Но и он достаточно наглядно характеризует лицо газеты, которую Фрей громко именуется «голосом совести». Если к этому добавить, что газета регулярно публикует сообщения и объявления крайне правых группировок и неонацистских организаций, то ее симпатии вполне очевидны. Они принадлежат тем, кто, раздувая националистические и реваншистские страсти, надеется вновь поднять акции неонацизма на западногерманской политической бирже.

„Святая святых“ — деньги

В мае 1967 года вышел из печати пятый номер западногерманского экономического журнала «Капитал», который посвятил свою обложку и целый раздел теме «Финансы НДП». Сам факт выпуска подобного номера журнала западногерманских промышленников достаточно красноречив и любопытен, чтобы на него обратить внимание.

В оглавлении номера сказано: «НДП — дешевая партия. И ей дешево достаются деньги: 29 тыс. членов платят достаточно. Она живет за счет небольших пожертвований. Промышленность ничего не хочет знать о правых».

Так ли это на самом деле? Анализ западногерманских и зарубежных сообщений относительно источников финансирования НДП позволяет сделать вывод, что журнал «Капитал» сказал не всю правду, а только часть ее, причем не самую существенную, и сознательно сместил акценты в этом весьма важном вопросе.

На состоявшихся в 1965 году выборах в бундестаг НДП израсходовала на пропаганду 1,5 млн. марок (точнее 1 517 758 марок). По боннским расценкам, это не очень много — «дешевые выборы». Для сравнения укажем, что даже по официальным данным, СДПГ затратила на выборы 29 млн. марок, ХДС — 33,5 млн. марок, СвДП — 17,2 млн. марок (как отмечает журнал «Капитал», на самом деле затраты были в 2—3 раза выше)⁶².

Однако 1,5 млн. марок — тоже сумма немалая, тем более что доходы НДП со времени ее создания и до 31 декабря 1965 г. составили менее 332 тыс. марок. Причем эта сумма образовалась из членских взносов (24%), вступительных взносов (3%), пожертвований (33%) и доходов от изданий (40%). Из этих 332 тыс. марок 77,1% пошли на выборы. Остальные деньги, по данным журнала «Капитал», поступили из районных и земельных организаций. Конкретно источники не уточняются.

Такая «небрежность» в бухгалтерии доходов не случайна. Налицо резкая разница между зафиксированными доходами партии и превышающими их в несколько раз расходами. Итак, откуда и как лидеры НДП финансируют деятельность своей партии и ее мероприятия?

Первую официальную статью ее доходов составляют членские взносы. Действительно, НДП может похвастаться почти образцовой финансовой дисциплиной своих членов. 92,5% членов НДП достаточно регулярно платят взносы. Но это не так уж много: в 1966 году они составили 176 570 марок, то есть $\frac{1}{3}$ партийного бюджета⁶³.

Помимо ежемесячных взносов партия требует от своих членов и сторонников дополнительных жертв. Нередко это в полном смысле настоящая «жертва крови». Перед коммунальными выборами в Гамбурге 80 из 500 членов городской организации НДП сдали кровь и вырученные деньги (каждый по 145 марок) внесли в партийную кассу.

Существует немало и других способов пополнения бюджета НДП: издаются специальные сертификаты вспомоществования стоимостью в 10, 20, 50 и 100 марок, в землях вводятся особые обложения на всех членов партии. В Ба-

варии и Гессене НДП использовала в своих целях даже увлечение нумизматикой: были выпущены серебряные монеты достоинством в 15 марок каждая (при себестоимости в 5 марок). По этому поводу фон Тадден разослал даже специальное указание, согласно которому «от каждой проданной монеты районной организации причитается 2 марки, а 13 марок — правлению партии». Но нумизматы не оправдали надежд НДП. Только на чеканку монет ушло 9718 марок 50 пфеннигов, а выручка составила всего 11 100 марок. Несколько больше принесла торговля партийными значками: по 2 марки за штуку (себестоимость 38 пфеннигов) — всего значков было продано до мая 1967 года на сумму в 38 200 марок.

Однако все это крохи. И НДП направила свои основные усилия на получение частных пожертвований. Копируя свою идейную предшественницу НСДАП, НДП, в отличие от других партий, ввела платный вход на свои мероприятия. Фон Тадден заявил, что они из «чисто принципиальных» соображений взимают 1—2 марки за вход с каждого посетителя. На некоторых примерах можно понять, что подобное нововведение, помимо престижных соображений, имело вполне реальный финансовый эффект.

7 октября 1966 г. в малом зале «Рейн-Майн-халле» в Висбадене проходило собрание НДП: 1200 участников, вход — 2 марки. 8 октября 1966 г. в «Штадт-халле» в Бад-Годесберге: 1300 участников, вход — 1 марка. 15 октября 1966 г. в Дармштадте: 850 участников, вход — 1 марка. 18 октября 1966 г. в Ганау: 400 участников, вход — 2 марки. В Нюрнберге в «Майстерзингер-халле»: 3500 присутствовавших, вход — 1 марка. В Мюнхенском цирке «Кроне Бау» накануне выборов в бундестаг в 1965 году было 4 тыс. присутствовавших, вход — 1 марка. 10 ноября 1966 г. в «Швабингерброй» в Мюнхене: 2500 участников — вход 1 марка.

Но лидеры НДП не ограничиваются взиманием платы за вход. На самих мероприятиях, собраниях, митингах они проводят сборы пожертвований. Специальные уполномоченные по сбору денег ходят между рядов с шапками, тарелками, бокалами для шампанского и ведрами из пластика и собирают деньги. На втором съезде НДП присутствовало 1196 делегатов и 3 тыс. гостей. Было собрано 9623 марки 44 пфеннига.

И хотя речь идет, казалось бы, о добровольных пожертвованиях и энтузиазме, однако руководство НДП разработало «Десять железных законов по подготовке и проведе-

нию собраний». Согласно этим законам, ораторы НДП «должны требовать не жалкой лепты, а настоящей жертвы». Без таких жертв «в истории никогда не достигалось ничего значительного». В шестой заповеди говорилось: «Нам нужны деньги. Легче всего и больше всего их можно получить во время всяких собраний». И далее следовало точное указание по сбору денег:

«Сбор денег должен осуществляться в перерыве сразу же после окончания речи. Это означает: начинать в ту же самую секунду, как только оратор смолк. Чем больше сборщиков, тем быстрее можно охватить всех присутствующих, прежде чем они встанут. Все столы или же ряды стульев, которые подлежат обходу, должны быть самым точным образом распределены между сборщиками! Быть внимательными и не спать! Сколько раз присутствовавшие сообщали, что сборщик проходил мимо них как раз в тот момент, когда они вытаскивали портмоне. Итак, успех кроется в тщательной подготовке! Ответственный должен иметь наготове подходящую посудину для сбора денег. Ни в коем случае не брать старые шляпы. Лучше всего глубокие тарелки. Если какой-нибудь друг готов пожертвовать ассигнацию и это заранее известно, начинайте собирать с него, чтобы другие знали, что разрешено вносить и крупные суммы»⁶⁴.

Так НДП поставила себе на службу прошлый опыт национал-социалистов, точную организацию митингов и знание психологии обывателя, который если уж готов пожертвовать свои кровные марки новоиспеченному фюреру, то так, чтобы об этой жертве всем было известно: поэтому нужны тарелки, на которых все видно, а не старые бездонные шляпы. Кстати, это исключает также возможность для некоторых жестом Рокфеллера небрежно бросить несколько жалких пфеннигов.

Кроме небольших пожертвований на собраниях, поступают и более крупные по 5 тыс. и даже 10 тыс. марок от друзей НДП из промышленных кругов. Таковых особенно много в Руре. Фон Тадден уверенно заявлял: «У нас немало друзей и меценатов в экономике. Они скоро докажут свою дружбу также и денежной помощью».

Федеральное ведомство по охране конституции отрицает какие-либо дотации в бюджет НДП от промышленников или же из-за границы. Да и сами монополисты стараются не особенно афишировать свои симпатии к НДП: слишком болезненны ассоциации с недавним прошлым, когда германские концерны стали донорами фашистского чудовища.

Ведь недаром на Нюрнбергском процессе против концерна Флика и директоров концерна «ИГ Фарбениндустри» даже американский главный обвинитель Т. Тэйлор не мог пройти мимо преступной роли германских империалистов. В своей обвинительной речи он сказал: «На плечах этих обеих групп (крупные промышленники и генералы. — В. Л.) Гитлер пришел к власти, а от власти — к захватнической войне.., и если не вынести вину этих обвиняемых на белый свет и не наказать их, то они представят собой в будущем для всего мира гораздо большую опасность, чем Гитлер, если бы он остался в живых»⁶⁵.

И западногерманские монополии предпочитают сегодня поддерживать неонацистов втихую, без огласки. Первое время монополисты внимательно присматривались к НДП. Слишком много было до этого праворадикальных партий, претендовавших на роль новой НСДАП. Но организационное убожество и идейная слабохарактерность не позволили им вырваться из замкнутого круга напыщенной претенциозности и собственного ничтожества. Успехи НДП на выборах и ее быстрый рост подняли акции национал-демократов среди монополистических кругов. И, как уже отмечалось, журнал западногерманских предпринимателей «Арбайтгебер» в апреле 1966 года дал понять своим подписчикам, что монополистический капитал заинтересован в успешном развитии НДП.

Сигналы о денежной помощи бедствующим неонацистам были услышаны. Рудольф-Аугуст Откер, владелец огромного концерна, охватывающего почти 100 крупных предприятий с миллиардными оборотами, встретился с тогдашним председателем НДП Тиленом. Встречу организовал 27 ноября 1966 г. на своей квартире Карл Вальради принц цу Зальм, женатый на бывшей жене Откера. Сам принц цу Зальм до марта 1967 года был председателем НДП земли Северный Рейн — Вестфалия. Кроме того, Откер, которому принадлежат фабрики по изготовлению пудинга, производству шампанского и пивоваренные заводы, а также парходные общества и санатории, частные банки и страховые общества, в своем гамбургском доме «Ди Бост» встречался с гамбургским председателем НДП Хорстом Гюнтером Швеймером.

Значительные суммы НДП получает от фирмы «Дойче Шелл АГ», за которой стоит всемогущий Герман Абс.

В печати в числе лиц, поддерживающих неонацистов, называлось также имя фабриканта Карла Ундерберга, чей

зять — крупный землевладелец Шмитц-Винненталь — состоит в НДП.

В начале 1967 года в члены НДП вступил Зигфрид Корнелиус барон Хейл цу Херрнсхайм, президент фирмы «АДАК» и крупный землевладелец.

Бывший летчик-истребитель, князь Бентхайм, владеющий замком в Бургштайнфурте, тоже неоднократно встречался с национал-демократами и вносил в их кассу значительные пожертвования.

Это только те встречи, сведения о которых просочились в печать. А кто может сказать, сколько было таких, которые, подобно дюссельдорфским встречам Гитлера с Тиссенем, Фликом, Круппом и другими монополистами, проходили втайне от постороннего взгляда? Не здесь ли следует искать источники тех огромных сумм, которые оказались в личном распоряжении лидеров НДП накануне выборов. Это не только 1,5 млн. марок в сентябре 1965 года. Только по официальным данным, НДП израсходовала на выборы в ландтаги Гессен и Бавария в ноябре 1966 года более 900 тыс. марок. Но, по сведениям западногерманской и зарубежной печати, затраты на предвыборные плакаты, листовки, аренду залов для митингов и собраний намного должны были превышать эту сумму.

Английский корреспондент газеты «Пипл» Комер Кларк, находясь в ФРГ, попытался выяснить источники финансирования НДП. По его словам, существуют три основных источника пополнения казны национал-демократов. Первый — это награбленные богатства, спрятанные гитлеровцами в Альпах в последние дни войны. Об этом, кстати, неоднократно появлялись сообщения в зарубежной печати. Второй — огромные суммы денег, поступающие в виде пожертвований от бывших нацистов, укрывшихся в Северной и Южной Америке. Третий — взносы сторонников неонацизма внутри самой Западной Германии.

Генеральный прокурор Гессена Фриц Бауэр сказал в беседе с К. Кларком: «За последние три года на международных рынках в Женеве и Амстердаме от анонимного продавца поступают большие партии драгоценных металлов и камней. Наше расследование подтверждает без всякого сомнения, что это часть спрятанных гитлеровцами сокровищ и что деньги от их продажи идут в казну НДП».

О втором источнике средств НДП Фриц Бауэр рассказал следующее: «В Северной и Южной Америке есть влиятельные группы богатых нацистов. У многих большой биз-

нес. Они заключают торговую сделку с какой-либо фирмой в ФРГ, которую контролируют такие же сторонники нацистов. Предъявляется счет, во много раз превосходящий стоимость купленных товаров, и разница передается в руки НДП».

Существует немало и других обстоятельств, подтверждающих наличие за рубежом большого круга лиц, симпатизирующих национал-демократам. Уже упоминалось, что 2300 экземпляров «Дойче нахрихтен» направляется зарубежным подписчикам. В ряде стран, в том числе в Австрии и ЮАР, созданы филиалы НДП, оказывающие финансовую поддержку западногерманским коллегам. Недаром Адольф фон Тадден так часто ездит в ЮАР, где проживают члены его семьи, получая при этом неплохие «дивиденды» от своих родственных связей.

Отто Гесс, с которым встретился Кларк, цинично заявил в беседе с ним: «В конце войны люди, находившиеся у власти, спрятали богатства для борьбы против большевистской опасности. Они, как и их семьи, видят в НДП продолжателя борьбы. Эти богатства были предназначены для нас, так же как имущество отца переходит в руки его потомства. Мы намерены использовать эти богатства для борьбы против общего врага — большевизма».

Фон Тадден сказал корреспонденту «Пипл»: «Мы уверены, что в ближайшем будущем наша партия будет иметь не менее сорока членов в бундестаге. После этого помощь монополий значительно возрастет». И пояснил: «Как только партия сможет раздавать посты, число наших друзей значительно возрастет и многим не нужно будет скрывать своих симпатий к нам».

Английская «Пипл» внесла достаточную ясность в проблему, поднятую западногерманским «Капиталом». Последний пытался нарисовать образ бедной падчерицы, скромно перебивающейся на свои собственные средства. Затея не новая и с двойной подкладкой: для внешнего мира пускалась пыль в глаза: неонацизм, мол, в ФРГ обречен на полуголодное существование, а промышленники не подадут ему ни гроша. А посвященным в тайны финансовой кухни журнал давал понять: посмотрите, как бедствуют национал-демократы, вынужденные побираться с протянутой шляпой среди преуспевающих бундесбюргеров. И это как раз те люди, которые более всего радуют за «национальные интересы» и желают великого будущего новому рейху.

Финансирование любого предприятия — «святая святых»

капиталистического общества, тем более когда речь идет о денежной поддержке движения. Доброжелатели НДП скрывают свои симпатии и свои тайные субсидии, вскармливая новое националистическое чудовище. Но тайное становится явным. И новым тиссенам и фликам не уйти от ответственности.

* * *

Национал-демократы отрешиваются от всякого родства с национал-социалистами. Когда весной 1966 года в печати усилились голоса о том, что НДП стала «резервуаром коричневого сброда», Фриц Тилен устроил в Бонне пресс-конференцию, на которой с деланным возмущением восклицал: «Мы не позволим загнать нас в коричневый угол... Наша задача не состоит в том, чтобы создать враждебную государству организацию. В НДП нет форменной одежды и не будет».

Чего стоят подобные высказывания, видно на примере программы и практической деятельности национал-демократов. Ведь и свою деятельность в рядах НСДАП многие из них не считают компрометирующей. Бывший член НСДАП, ныне состоящий в НДП, городской советник из Байрейта Адольф Вольф заявил во всеуслышание: «Я не был наци, но я старался быть хорошим национал-социалистом»⁶⁶. Так и сегодня лидеры НДП заявляют: «Мы не неонаци. Мы вполне благопристойные национал-демократы». И тут же провозглашают требования, суть которых — перепев старых национал-социалистских лозунгов на новый лад.

Мало кто сейчас верит в этот маскарад. Но особенно тревожным является тот факт, что за НДП голосовали сотни тысяч бундесбюргеров, хотя, как писала лондонская «Таймс», они знали, «что многие люди считают партию нацистской».

Лидер баварских национал-демократов Бенно Германсдерфер заявил, что НДП отделяет от нацизма «расстояние в световые годы», на что журнал «Шпигель» едко заметил: «Но ведь немцев всегда тянуло к звездам. Проблема не в НДП. Проблема в тех немцах, которые за нее голосуют»⁶⁷.

„НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ“ НЕИСПРАВИМЫХ И ОБМАНУТЫХ

В погоне за голосами

Во время выборов в бундестаг в 1965 году национал-демократы набрали 2,1% голосов. И в Бонне сразу же начали доказывать, что шансы неонацистов почти равны нулю. Однако если учесть, что в 1928 году Гитлер на выборах в рейхстаг собрал тоже около 2% голосов, а через пять лет уже стал рейхсканцлером, то подобные цифры уже звучат не так безобидно, как в этом хотят уверить встревоженную общественность высокие обитатели Шаумбурга.

Никто, конечно, не усматривает полной аналогии между 1928 и 1965 годами. Совершенно ясно, что сейчас и время не то, и обстановка другая. Но обреченный историей империализм в своей агонии неизбежно делает ставку на крайнюю форму власти — диктатуру. Ленинская мысль о том, что «политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции», не в последнюю очередь подтверждается сегодняшним развитием событий в Западной Германии, крайне правые силы которой намереваются набросить петлю чрезвычайных законов на худосочную шею боннской демократии.

А что касается исторических аналогий, то при всей их относительности настораживает вполне определенная тенденция в развитии успехов НДП на выборах. На коммунальных выборах летом 1965 года НДП получила по всей стране 1,6% голосов. В сентябре 1965 года на выборах в бундестаг она собрала 2,1% голосов. Во время выборов в ландтаг Гессен 6 ноября 1966 г. национал-демократы получили 7,9%, а 20 ноября в Баварии — 7,4% голосов. В Гессене за НДП проголосовало 224 674 человека (это на 150 453 человека больше, чем за год до этого во время выборов в бундестаг). В Баварии за НДП проголосовало 390 296 человек. Если учесть, что в Баварии каждый избира-

тель имеет два голоса — один за кандидата и один за партийный список, то НДП получила соответственно 780 572 голоса (во время выборов в бундестаг здесь было подано за нее 149 975 голосов). Всего в Гессене и Баварии в ноябре 1966 года НДП набрала больше голосов, чем во всей ФРГ в сентябре 1965 года, и почти столько же, сколько НСДАП в 1928 году во всем рейхе.

23 апреля 1967 г. состоялись выборы в ландтаги земель Шлезвиг-Гольштейн и Рейнланд-Пфальц. НДП набрала соответственно 5,8 и 6,9% голосов. 4 июня 1967 г. на выборах в ландтаг земли Нижняя Саксония 7% избирателей отдали свои голоса НДП, в ландтаг Бремена — 8,8%, а 28 апреля 1968 г. в Баден-Вюртемберге — 9,8%.

Так на практике выглядят эти «жалкие пара процентов», как их пренебрежительно именовали в 1965 и 1966 годах официальные представители боннских властей. Шаг за шагом НДП завоевывает себе позиции, готовя плацдарм для решающего натиска на бундестаг.

Национал-демократы весьма тщательно готовятся к выборам. Они проводят предварительную оценку своих шансов. Там, где лидеры НДП не рассчитывают на успех, они не выставляют своих кандидатов. Но где есть реальные шансы преодолеть 5-процентный барьер, там национал-демократы наносят концентрированный удар.

Какова предвыборная тактика, агитация и пропаганда неонацистов? Прежде чем приступить к предвыборной кампании, лидеры НДП провели обширные социологические исследования и тщательно изучили психологические аспекты предвыборной борьбы. Они полностью заменили предвыборные атрибуты и плакаты, бывшие у Немецкой имперской партии (эмблемы имперских орлов и черно-бело-красные цвета).

НДП сделала ставку на красный, белый и голубой цвета, оптически — более броские и привлекательные, психологически — оказывавшие на избирателей более притягательное влияние. Но при этом национал-демократы сознательно разработали свои эмблемы таким образом, чтобы посредством их апеллировать к национал-социалистским эмоциям избирателей старшего возраста (красные плакаты имели тот же белый круг, что и знамя национал-социалистов, только вместо черной свастики внутри значились голубые буквы «NPD»).

НДП в этом отношении копирует методы национал-социалистов. Когда НСДАП начинала предвыборную борьбу,

она не случайно выбрала ярко-красный цвет для своих плакатов. Гитлер писал об этом в «Майн кампф»: «Мы выбрали красный цвет наших плакатов после точных и тщательных расчетов, чтобы тем самым раздражить левых». И далее он описывал пропагандистский эффект собраний НСДАП: «И тогда наши собрания были переполнены уже за три четверти часа до начала. Они напоминали бочки с порохом, которые могли взлететь на воздух каждое мгновение».

Примерно так же проходят митинги и собрания национал-демократов. «Зюддойче цайтунг» описывала одно из предвыборных собраний НДП в Мюнхене таким образом: «Сумятица на собрании НДП: бурные сцены разыгрались на одном из предвыборных собраний национал-демократической партии в Швабингерброй. Когда кандидат в ландтаг Йохем Котциас заявил, что не существует коллективной вины немецкого народа, возникла драка между несколькими участниками собрания и здоровенными парнями из охраны зала. Одного мюнхенского журналиста кулаками и пинками выгнали из зала. Чтобы прекратить безобразия, вынуждена была вмешаться полиция, которая еще до начала митинга закрыла вход в переполненный зал»¹.

Конечно, сегодня красные плакаты НДП уже не имеют того воздействия, что в 30-х годах, но своим фатальным сходством они напоминают пропагандистские трюки нацистов. И хотя сегодня нет штурмовиков и эсэсовцев в их форменной одежде, собрания НДП отличаются той же атмосферой демагогии, политической непримиримости и жестокости к инакомыслящим.

НДП выдвинула весьма изощренные предвыборные лозунги. Основными из них были:

«Можно снова выбирать — выбирайте НДП!».

«Выбирайте то, чем Вы являетесь сами, — выбирайте германское!».

«Мы пробьемся: НДП!».

Эти лозунги хотя, на первый взгляд, и звучат общо, даже, может быть, несколько банально, но в условиях предвыборной лихорадки, в обстановке националистического угара каждый из них приобрел дополнительное звучание, придавшее ему особый смысл.

Так, например, первый лозунг «Можно снова выбирать!» полностью отвечал претенциозной пропаганде НДП, утверждавшей, что существовавшие до нее в ФРГ партии мало чем отличались одна от другой и у избирателя не было по

существом никакой альтернативы. И только с появлением НДП у бундесбюргера якобы, наконец, появилась действительная возможность выбрать «истинно немецкую» партию. При всей демагогичности этот лозунг в известной мере отражал действительное положение вещей (согласительская линия лидеров СДПГ фактически ликвидировала принципиальное отличие политики социал-демократов от курса буржуазных партий ХДС и СвДП). Кроме того, лозунг отвещал глубококому недовольству значительной части населения бесперспективной политикой боннских партий.

Второй лозунг «Выбирайте то, чем Вы являетесь сами, — выбирайте германское!» — классическая апелляция к националистически настроенным избирателям. В эту категорию входили все правые националисты, в том числе и из среды прежних сторонников ХДС, СДПГ и СвДП. Согласно проведенным опросам, 37% избирателей, проголосовавших в Баварии за НДП, ранее голосовали за другие партии: 17% — за СДПГ, 11 — за ХДС и 9% — за СвДП².

Третий — «Мы пробьемся!» — психологически рассчитан на тех сторонников НДП, которые хотели услышать от нее уверенные заявления в будущем успехе. Кроме того, этот лозунг привлекал ту часть избирателей, которым всегда импонирует уверенный тон предводителя и которому они готовы вручить свою судьбу. Кстати, этот лозунг имел особое звучание и дополнительную притягательную силу после каждого нового успеха НДП на выборах.

Помимо основных выдвигались также лозунги, апеллировавшие к отдельным группам населения. Среди них были откровенно провокационные, рассчитанные на антикоммунистические и антидемократические настроения в определенных слоях населения: «Красная Бавария была бы шагом на пути к красной Германии». К торговцам, например, апеллировали таким образом: «Кандидаты НДП своей национальной немецкой позицией гарантируют политику честной торговли». Были и такие: «НДП — надежда разочарованных!».

Затем шли так называемые лозунги-протесты: «Долой преодоление прошлого!», «Долой интеграцию и американизм!», «Долой засилье иностранного капитала!», «Долой односторонние процессы!», «Долой ложь о единоличной вине немцев!» и т. д.

На собраниях НДП выступали наиболее подготовленные ораторы, список которых утверждался правлением партии. Утверждались также тезисы выступлений. Осенью 1966 го-

да 250 ораторов со специальным удостоверением на право произнесения речей и утвержденным вариантом доклада разъезжали по Гессену и Баварии. Причем НДП оплачивала им, как правило, только бензин (15 пфеннигов за 1 км) и номер в гостинице (20 марок). Все остальное шло за их собственный счет. Среди ораторов было немало бывших активистов НСДАП, таких как Отто Гесс, Вильгельм Гутман, Эмиль Майер-Дорн, Вильгельм Майнберг, эсэсовский писатель Эрих Кернмайер, пронацистский писатель Вильгельм Плейер и многие другие.

Уже рассказывалось о том, какие средства затрачивала НДП на предвыборную борьбу, какое огромное количество пропагандистской литературы (плакаты, листовки, спецвыпуски газет и т. д.) издавалось накануне выборов. При этом деньги распределялись далеко не равным образом. Имея сильные позиции в Верхнем Гессене и Средней Франконии, НДП именно там концентрировала свои усилия. Только в Гессене было расклеено 80 тыс., а в Баварии — 135 тыс. плакатов «Мы пробьемся!». За 30 тыс. марок Адольф фон Тадден организовал предвыборный спецвыпуск «Дойче нахрихтен» тиражом в 4 млн. экземпляров. И в последний вечер перед выборами, когда остальные партии, согласно достигнутой между ними договоренности, уже прекратили предвыборную борьбу, НДП выпустила 2 млн. листовок (на это было затрачено 11 050 марок). Из них 50 тыс. было распространено в Средней Франконии. Туда же было направлено 750 тыс. экземпляров спецвыпуска «Дойче нахрихтен» (это на 1 млн. избирателей!). Окружная организация национал-демократов Средней Франконии только из своих средств потратила на выборы 81 346 марок, столько же, сколько шесть других баварских окружных организаций. Эти деньги и усилия были затрачены не напрасно: в Средней Франконии НДП набрала более 10% голосов и тем самым обеспечила себе место в баварском ландтаге.

Во многих местах в целях финансирования выборов члены партии облагались специальным налогом. Впервые эта система была введена во время коммунальных выборов в Гамбурге, когда каждый член НДП внес дополнительно в партийную кассу 5 марок.

Во время выборов весь партийный аппарат работал напряженно: 2200 функционеров действовали в земельных, окружных, районных и местных организациях. Причем все организации должны были помогать той, где проходили выборы. Было установлено своеобразное шефство. Так, нацио-

нал-демократы из Кёльна помогали своим коллегам в гессенском Вайльбурге, НДП из Ганау помогала майнцской организации.

НДП пошла на все ради победы. Были использованы политические промахи боннских партий, определенные трудности в экономике ФРГ. Сделала свое дело ухищренная демагогия. Сыграли свою роль и причины эмоционального характера: национал-демократы, как никто другой, учли склонность многих избирателей повиноваться эмоциям при голосовании.

Но главным стержнем всей пропагандистской работы НДП на выборах был ярко выраженный крайний национализм. Сделав на него ставку, национал-демократы в этом отношении далеко обошли своих соперников. Именно это имел в виду Отто Гесс, когда он заявил после ноябрьских выборов 1966 года: «Я смотрю на вещи так: или другие партии постепенно приблизятся к нашей линии и сохранят костяк своих избирателей, или мы будем отнимать у них все больше голосов».

Устами Гесса глаголили боннские ультра. Их кумир Франц-Йозеф Штраус уже в ночь после баварских выборов изрек: «За ХСС было бы подано еще больше голосов, если бы мы придерживались национального курса»³.

Итак, НДП работает на крайне правых. На фоне ее успехов легче доказывать никчемность рудиментов боннской демократии и необходимость твердого националистического курса. Разжигая уязвленное великогерманское самолюбие бундесбюргеров и их непомерное националистическое высокомерие, Штраус надсаживал свою грудь: «Разве мы илоты, которым приходится выбирать между двумя работорговцами (между США и Францией.— В. Л.)?».

В ночь после баварских выборов он снова подбросил поленьев в огонь националистических страстей: «Мы — глупцы мира. Между нами и знаменитым ротным шутотом существует только одно различие. Ротный шут приносит пиво и получает за это завтрак. Мы приносим пиво и платим за завтрак».

Так какая же филистерская душа не вскипит гневом после таких горьких слов? И видя горящие глаза возмущенных бундесбюргеров, готовых ринуться в очередной крестовый поход за «великую Германию», Штраус со свойственной ему прямотой и скромностью заявил: «В качестве кандидата на пост канцлера я бы уже в первом туре голосования получил абсолютное большинство. Но я же не хочу

этого». Но бюргеры должны знать, что, если им окончательно надоест «боннская говорильня», у них есть верный человек, на которого могут положиться все «истинные немцы». А тем, кто еще не уверен в необходимости завинтить потуже националистические гайки и в то же время опасается растущего влияния НДП, Штраус уверенно обещает: «Если мы придадим нашей политике определенный национальный аспект, то эта партия вскоре исчезнет».

Великогерманцы могут радоваться. У них есть альтернатива. Если их не будут устраивать неонацистские правофланговые в лице НДП, то есть надежный барабанщик реванша и солдатской доблести. И он всегда готов повести их на новые ратные дела во имя «великой Германии».

Есть и еще один важный аспект участия НДП в выборах. Наряду с ее отчаянной пропагандой и крайне шумной реакцией на любую критику со стороны левых демократических сил, успехи НДП на выборах содействовали необыкновенно быстрому росту ее известности среди населения ФРГ. Опросы общественного мнения показали, что до выборов в бундестаг 1965 года НДП была известна лишь 25% взрослого населения ФРГ. Таким образом, только каждый четвертый знал о существовании этой партии. После выборов в бундестаг 1965 года доля тех, кто знал что-либо о национал-демократах, выросла до 40%. В январе 1966 года их уже было 50%, а в сентябре 1966 года — 85%. Не располагая данными более поздних опросов, можно, однако, с уверенностью сказать, что успехи НДП в Гессене и Баварии в ноябре 1966 года, а затем и в других землях ФРГ заставили услышать об этой партии практически все взрослое население Западной Германии. В данном случае известность была только на руку НДП: те, кто не знал о ее существовании, не могли быть ее сторонниками. Теперь каждый вновь посвященный — ее потенциальный поклонник.

География побед

Самое поразительное в результатах выборов последних лет — это то, что правая нечисть переживает подъем именно в тех местах, где она была сильна с давних пор. Там, где раньше праздновали триумф великогерманские националисты и нацисты, теперь поднимают голову национал-демократы.

Об этом красноречиво свидетельствуют следующие сополо-

ставления, приведенные журналом «Шпигель». В Нюрнберге немецкие националисты получили в 1924 году на выборах в рейхстаг $\frac{1}{3}$, а в НСДАП через шесть лет — $\frac{1}{4}$ всех голосов. На ноябрьских выборах 1966 года за НДП голосовало 13,1% избирателей, то есть в среднем на 5,7% больше, чем по всей Баварии. В районах Ансбаха, Эрлангена и Герсбрука в 1924 году от 40 до 70% избирателей голосовали за правые партии, в 1930 году за нацистов — от 20 до 40%. Сейчас НДП получила в районе Ансбаха 15,9%, а в Лейтерсхаузене — 19,5% голосов. В Байрейте НСДАП получила в 1930 году почти 40%, а НДП теперь — 13,9% голосов. В Кульмбахе, где варят самое крепкое в мире пиво, 38,1% голосовало за нацистов, а теперь 11,2 — за национал-демократов.

В Северном Гессене уже в конце прошлого столетия процветали националистические идеалы. Оттуда антисемитские последователи из «Бауэрн-ферайна» марбургского библиотекаря Бекеля попали в рейхстаг. В 1924 году «Дойч-национале фолькспартай» и «Фелькишер блок» (своего рода избирательный союз запрещенной тогда НСДАП и «Дойч-фелькише фрайхйтспартай») получили в Вальдеке 53%, в районе Герсфельд — 37,4, а в районе Дилль — даже 48,5% голосов. Нынешние результаты НДП: Вальдек — 11,3%, Герсфельд и Дилль — до 10,7% голосов.

«Шпигель» писал по этому поводу в ноябре 1966 года: «Если исторические параллели верны и для других районов, то можно предвидеть, что в результате следующих выборов в ландтаги — в апреле 1967 года в Шлезвиг-Гольштейне и Рейнланд-Пфальце и в июне 1967 года в Нижней Саксонии — НДП войдет в три других земельных парламента». Выборы полностью подтвердили справедливость данных предсказаний.

Что касается влияния НДП в различных землях ФРГ, то в начале 1967 года из каждых 100 избирателей НДП приходилось: 6 — на Шлезвиг-Гольштейн, 7 — на Гамбург и Бремен, 8 — на Рейнланд-Пфальц, 9 — на Гессен, 10 — на Северный Рейн — Вестфалию, 13 — на Нижнюю Саксонию, 17 — на Баден-Вюртемберг и 29 — на Баварию.

Более полная картина распределения сторонников НДП по землям создается при сравнении этих цифр с соответствующей долей населения в каждой из земель (см. таблицу на стр. 172; в %).

Большинство историков и социологов, занимавшихся в ФРГ проблемой НДП, считают, что среди избирателей-еван-

	Население	Сторонники НДП
Гамбург и Бремен	4	7
Шлезвиг-Гольштейн	4	6
Нижняя Саксония	12	13
Сев. Рейн — Вестфалия	28	10
Гессен	9	9
Рейнланд-Пфальц	8	8
Баден-Вюртемберг	14	17
Бавария	17	29

Источник: «Die Zeit», 20. Jan. 1967.

гелистов она получает значительно больше голосов, чем среди католиков. И здесь проявляется определенная аналогия с нацистским движением, которое встречало меньше поддержки со стороны католиков, чем протестантов, за что Гитлер впоследствии весьма резко ополчился против католической церкви.

В то время как доля протестантов составляет 52%, а католиков — 43% общего числа населения страны, доля протестантов, голосующих за НДП, составляет 63%, а доля католиков — всего 28%. Так, во время выборов в Гессене и Баварии национал-демократы встретили слабую поддержку со стороны католиков. Но как в Гессене (абсолютное большинство СДПГ), так и в Баварии (абсолютное большинство ХДС) за НДП толпами шли протестантские избиратели.

Во время гессенских выборов в избирательных кругах с преобладающим католическим населением — Фульда, Хюфельд-Лаутербах, Лимбург, Бергиштрассе-Вест — процент голосов, полученных НДП, был значительно ниже среднего уровня по всему Гессену. В Баварии НДП добилась наибольших успехов в протестантской Средней Франконии. Во франконском Ансбахе (76,3% населения — протестанты) 15,9% избирателей голосовали за НДП, а во франконском Альценау (87,9% населения — католики) — лишь 6,2%, хотя и этот результат надо признать достаточно высоким. Именно поэтому некоторые исследователи этого вопроса признают, что НДП, применяя ухищренную тактику, мо-

жет оказать влияние и на значительные слои католического населения. В подтверждение этого тезиса можно было бы привести письма читателей-католиков, опубликованные в журнале «Манн ин дер цайт», которые высказываются в поддержку НДП.

За НДП наиболее охотно голосуют избиратели в населенных пунктах с числом жителей менее 5 тыс., а также свыше 100 тыс. человек. Так, в Гессене НДП смогла собрать свыше 20% голосов в 130 небольших сельских общинах. То же самое показали результаты выборов в Баварии. Больше среднего числа полученных голосов НДП набрала в таких крупных городах, как Дормштадт, Висбаден, Мюнхен и Нюрнберг.

Весьма показательно, что, по единодушной оценке всех исследователей проблемы неонацизма в Западной Германии, большую часть сторонников НДП составляют представители мелкой и средней буржуазии. К этому же выводу приходят авторы официального отчета министерства внутренних дел, в котором говорится: «Мелкобуржуазные и буржуазные слои, как и прежде, являются стержнем НДП. Они составляют около $\frac{2}{3}$ ее сторонников». За НДП охотно голосуют мелкие торговцы и мелкие предприниматели, мелкие и средние служащие и чиновники, школьные учителя, адвокаты, юристы и т. п. Как писала по этому поводу профсоюзная газета «Вельт дер арбайт», «уже с первого взгляда бросаются в глаза определенные параллели».

Среди рабочих национал-демократы имеют меньшую поддержку. В то время как в стране каждый второй человек (48—49%) рабочий, среди избирателей НДП рабочие составляют, по одним данным, 42%, по другим — 44%. Среди членов партии рабочие составляют всего 13%. Но нельзя в то же время не отметить, что национал-демократам удалось все же увлечь за собой некоторую часть трудящихся. И это весьма настораживающее обстоятельство, если вспомнить, насколько эффективно действовали в этом отношении национал-социалисты, тем более что НДП, как показывает первая таблица, в течение года усилила свое влияние на рабочих. Это же подтверждает и кельнский социолог Эрвин Шойх, который заявил: «Вначале рабочие не часто голосуют за НДП, потому что они поверхностно знакомы с партией и ее лозунгами. Но как только создается определенная степень ясности в отношении НДП (так было после пропагандистского похода в Средней Франконии), она становится привлекательной для рабочих не меньше, чем для других

профессиональных групп». Правда, в избирательных округах с большим процентом рабочего населения НДП удалось наскрести лишь небольшое число голосов. Так, во франконском Мильтенберге (49,6% населения — рабочие) они получили только 5,6% голосов. Тем не менее бросается в глаза, что 12,9% избирателей в округе Герсбрук, в центральной части Франконии, в котором 44,4% населения составляют рабочие, голосовали за НДП.

Учитывая известную слабость своих позиций среди рабочих, национал-демократы применяют особо ухищренные методы демагогии, с тем чтобы привлечь на свою сторону трудящиеся массы. Информационный бюллетень министерства внутренних дел ФРГ «Иннере зихерхайт» в номере за 20 декабря 1967 г. указывал, что в течение второй половины 1967 года агитация НДП была нацелена прежде всего на рабочих. Лидеры НДП выдвинули тезис, что только национальная политика может гарантировать занятость рабочей силы.

Важным показателем, дополняющим картину социального состава сторонников НДП, является уровень их образования и размеры доходов. Образование сторонников НДП в среднем значительно выше, чем средний уровень образования населения: если полное среднее образование имеют лишь 20% населения, то среди сторонников НДП людей с таким образованием 32%.

Среди малооплачиваемых граждан (зарабатывающих менее 800 марок в месяц) НДП может рассчитывать лишь на 9% голосов, тогда как среди так же оплачиваемых граждан, но имеющих полное среднее или высшее образование, она может рассчитывать на 37% голосов. В группе населения с доходом от 800 до 1200 марок в месяц НДП могут быть отданы 10% голосов избирателей независимо от уровня образования. Иначе обстоит дело в группе населения с доходом свыше 1200 марок в месяц: НДП может рассчитывать повсеместно на 11% голосов избирателей, а среди представителей этой же группы, имеющих полное среднее или высшее образование, процент сторонников НДП повышается до 26.

У мужчин НДП пользуется большей поддержкой, чем у женщин: в процентном отношении это составляет соответственно 71 и 29%.

Почти не вызывает сомнения тот факт, что НДП пользуется активной поддержкой переселенцев и беженцев. Правда, некоторые последователи считают, что эта категория

лиц среди сторонников НДП лишь незначительно превышает ее процентную долю среди населения: переселенцы и беженцы, составляя 23% общего числа населения, отдали НДП 27% голосов. Однако эта разница не так уж незначительна и, кроме того, нередко бывала еще больше. Так, в Гессене национал-демократы часто побеждали за счет Общегерманской партии, которая вышла из состава Общегерманского блока. В Баварии, в частности в Кауфбейрене, один из районов которого, Нойгамблонце, заселен переселенцами, Общегерманская партия получила в 1962 году на выборах в ландтаг 20,1% голосов, а в 1966 году — лишь 2,7%, зато НДП — 14,9%.

Министерство внутренних дел ФРГ в свое время было вынуждено признать активную поддержку НДП со стороны переселенцев. Это явление тем более закономерно, что НДП сама активно опирается на этих людей. Так, анализ списка кандидатов, выдвинутых НДП на баварских выборах, показал, что среди ее 204 кандидатов было 135 переселенцев и беженцев, членов различных реваншистских землячеств.

Ставка на мелкобуржуазную стихию

Мелкобуржуазная стихия больше всего по душе неонацистам. Здесь черпают они свою силу, здесь они себя чувствуют в своей тарелке. Мелкая буржуазия в силу экономических и социальных причин более всего предрасположена к национализму и консерватизму. Ее традиционная реакционность и глубокая антипатия к демократическим принципам общеизвестны. Мелкий буржуа, как огня, боится революционности рабочего класса, организованности и могущества его профессиональных союзов. В то же время он чувствует постоянное давление со стороны крупнокапиталистических предприятий, которые представляют растущую угрозу для его жизненных основ. Мелкий собственник видит свое спасение из этих тисков в ультранационалистическом, консервативном образе мышления и ищет пристанища у тех, кто провозглашает святость частной собственности и незыблемость мелкотоварного производства. Они ищут гарантий от пугающей их классовой борьбы пролетариата и жаждут ограничения всевластия монополий.

Национал-демократы обещают и то, и другое. В «Принципах нашей политики» НДП выступала против «беззащитного материализма» в «защиту собственности». Она тре-

бовала: «Наше сельское хозяйство... должно сохранить свою здоровую структуру мелких, средних и крупных предприятий». Поэтому мелкий буржуа все с большим интересом поглядывает в сторону НДП и все охотнее отдает за национал-демократов свой голос на выборах.

Наиболее убедительно это проявляется на примере крестьянства. НДП уже давно и на всех перекрестках кричит о своей привязанности к сельской идиллии, объявляет себя лучшим другом западногерманских крестьян. Она не жалеет комплиментов и широковещательных обещаний в их адрес. В «Принципах нашей политики» НДП посвятила крестьянству весь IV пункт своей программы: «Для сохранения своей политической независимости Германии необходимо здоровое сельское хозяйство. Оно обеспечивает продовольственную базу. Предпосылкой к этому является соразмерная с заработной платой и доходами промышленности оценка всех сельскохозяйственных работ. Поэтому сельское хозяйство в нашем промышленном обществе нуждается в обеспечении своего существования путем гарантии доходов. Для этого необходимо регулирование рынка продуктов питания, которое осуществляется сознающими свою ответственность рыночными союзами и защищает равным образом производителей и потребителей»⁴.

В новой программе НДП, принятой в ноябре 1967 года, звучат те же требования: «Наши крестьяне и сельские хозяева спасли наш народ от голода во время войны, а после войны — от голодной смерти. Без здорового сельского хозяйства наш народ будет инструментом политики и интересов иностранных государств.

Наше сельское хозяйство понесло большой ущерб из-за неправильной политики цен и организации экспорта. Большинство крестьян... испытывает нужду, имеет задолженность. Мы, члены НДП, осуждаем эту антисоциальную и несправедливую политику. Она ведет к тому, что наш народ подпадает под еще большую зависимость, она подрывает развитие структуры нашего народа»⁵.

Эти требования, сформулированные по всем законам магии, но со знанием экономических и психологических факторов, которые определяют жизнь сельского населения, бьют по больным местам. И, как показали опросы общественного мнения, НДП находит все большую опору среди крестьянства. Если в декабре 1965 — начале 1966 года национал-демократы имели 6% сторонников среди крестьян, то к ноябрю — декабрю 1966 года их число уже составило

13%. И есть все основания предполагать, что в дальнейшем НДП добьется еще большего влияния среди сельского населения.

Точно так же, как в свое время национал-социалистская партия, НДП использует широкий набор демагогических заявлений по аграрному вопросу, дабы привлечь в свои ряды новых сторонников из крестьянской среды. НДП создает видимость, будто она выступает за цены, способные покрыть расходы по производству продуктов, за меры по ликвидации задолженности и снижение платы по процентам, а также в защиту интересов западногерманского сельского хозяйства в рамках «общего рынка», за полную компенсацию уменьшения доходов западногерманского сельского хозяйства в результате снижения цен на зерно. НДП пытается выставить себя в роли защитницы интересов около 800 тыс. владельцев подсобных хозяйств.

Если нацисты в свое время называли крестьян «источником крови нации», то НДП сегодня внушает крестьянам, будто им выпала задача государственной важности, ибо, как сказано в резолюции, принятой II съездом НДП, «без здорового сельского хозяйства наш народ всего лишь игрушка в интересах политики иностранных держав». Неонацисты заигрывают с руководством крестьянских союзов, в частности с президентом крестьянского союза Эдмундом Ревинкелем.

В конце декабря 1966 года в гостях у Ревинкеля побывали Фриц Тилен, Адольф фон Тадден и три агронома, входящие в состав аграрной комиссии НДП. Как сообщала печать, «беседа протекала в очень хорошей атмосфере и продолжалась около 90 минут». Ревинкель выразил лидерам неонацистов недовольство политикой правительства в отношении крестьян. «С тех пор как фракции бундестага попытались сократить на 289 млн. марок миллиардную сумму помощи крестьянам, — писал «Шпигель», — Бонн так же потерял доверие сельского населения, как когда-то Веймарская республика, в финансовые ведомства которой крестьяне подкладывали бомбы»⁶. На сокращение сельскохозяйственного бюджета крестьянский союз ответил объявлением политической борьбы. В знак протеста Ревинкель отказался участвовать в ежегодной сельскохозяйственной выставке «Зеленая неделя» в Западном Берлине.

Сократившаяся платежеспособность Бонна обнажила нарушившиеся отношения между консервативно настроенным крестьянством и современным промышленным общест-

вом. Налицо несоответствие между ростом промышленной и выпуском сельскохозяйственной продукции: технический прогресс в сельском хозяйстве тормозится, оно развивается почти в 2 раза медленнее промышленности (1950—1967 гг.); в сельском хозяйстве масса мелких хозяйств (в 1949 г. из 1 947,6 тыс. западногерманских крестьян, у которых было более чем по 0,5 га полезной площади, свыше 1,56 млн. обрабатывали площадь размером не более 10 га). Как отмечал «Шпигель», несколько сот тысяч семей с годовым доходом в 3 тыс. марок и меньше, рабочий день которых начинался в пять часов утра и заканчивался не раньше семи часов вечера, не испытывали особого удовольствия от работы на своем клочке земли. Как показали опросы, более 80% немецких крестьянок ни разу в своей жизни не бывали в отпуске. Данные, полученные в Гессене и Северном Рейне — Вестфалии, опровергли давно уже бытовавшее мнение, будто в сельской местности живут здоровые люди. Ни в одной другой профессиональной группе заболевания, связанные с общим износом организма, не встречаются столь часто, как у тех, кто работает в поле, в лесу и на пастбищах. Сыновья крестьян составляют относительно самый крупный контингент признанных негодными к службе в армии.

Робкие попытки правительства с помощью «зеленого» и других планов оздоровить сельское хозяйство не дали эффективных результатов. Задолженность крестьян увеличилась до 21 млрд. марок. Не были устранены диспропорции: доходы от сельского хозяйства были в 1966 году на 35% меньше доходов в сфере промышленности.

Но самый болезненный процесс, который проходит в деревне, заключается в постоянном разорении крестьянских хозяйств. С 1949 года 500 тыс. крестьян покинули свои дворы. По данным Вестфальского крестьянского союза в Мюнстере, с 1949 по 1966 год включительно число крестьянских хозяйств в Западной Германии уменьшилось с 1,94 млн. до 1,42 млн. Это — результат капиталистической «интенсификации» в деревне: разорившиеся хозяйства поглощаются крупными капиталистическими предприятиями.

Из оставшихся 1,42 млн. хозяйств примерно 500 тыс. составляют подсобные хозяйства, где, как и прежде, гнут спину крестьянки. А если учесть, что часть членов крестьянских семей уходит на заработки, то получается, что почти 900 тыс. хозяйств работают с недогрузкой и, следовательно, нерентабельны. Но именно такие хозяйства составляют поч-

ти $\frac{2}{3}$ всех сельскохозяйственных предприятий в ФРГ. «Поэтому, — писал «Шпигель», — сельское население замкнулось в своем собственном кругу и считает, что это за его счет немцы в послевоенный период улучшили свое благосостояние и экспорт».

НДП играет на этих настроениях и обещает недовольным свое покровительство, гарантированные доходы и увеличение производства. При этом НДП, конечно, умалчивает, что в условиях государственно-монополистической власти такие обещания являются пустой фразой. Но демагогия делает свое дело, и Ревинкель заявляет: «Никого не удивит, если теперь многие крестьяне будут возлагать надежды на национал-демократическую партию. Безусловно, несколько сот тысяч крестьян будут голосовать за новую партию».

Сам Ревинкель достаточно информирован о реальном лице НДП. Но он выступает в ее поддержку, ибо сам является убежденным и последовательным сторонником националистического и консервативного курса. Ревинкель признает, что в прошлом голосовал за Немецкую партию, а теперь будет голосовать за НДП, если она приблизится к Немецкой национальной или национал-либеральной партии. Тем самым Ревинкель призывает НДП получше замаскироваться под «национал-консервативную партию», а он обещает ей голоса избирателей-крестьян. В то же время Ревинкель использует свои симпатии к НДП как шантаж в отношении правительства. Свое отношение к государству и партиям президент Крестьянского союза ставит в зависимость от размера финансовой помощи. Так, крестьяне из Люнебургской пустоши жалуются, что Бонн до сих пор слишком мало сделал для регулирования вод реки Аллера, которая каждый год выходит из берегов. Поэтому Ревинкель предсказывал: «Все фермеры в нашем округе, которые пострадали от наводнения, будут голосовать за НДП».

С тех пор как Ревинкель принял у себя лидеров НДП, «Дойче нахрихтен» посвящает ему хвалебные комментарии. Адольф фон Тадден 7 февраля 1967 г. в Ганновере в присутствии общественности поблагодарил президента Крестьянского союза за его поддержку такими словами: «Высказывания Ревинкеля очень положительно сказались на работе НДП».

Адольф фон Тадден зря хвалить не любит. Он знает, что широкие слои крестьянства, недовольные аграрной политикой правящих кругов ФРГ, могут помочь неонацистам захватить скамьи в бундестаге.

НДП прорвалась в назармы

Когда капитан Вольфанг Росс был избран депутатом баварского ландтага от НДП, министр обороны ФРГ Шредер выразил ему «благодарность и признание». Подполковник Рихард Стефан произнес по этому случаю торжественную речь перед строем батальона, где служил Росс. И в лестной характеристике подполковника своему подчиненному были слова о том, что капитан выполнил свой солдатский долг перед фатерляндом и теперь так же верно будет исполнять свои обязанности депутата в земельном парламенте. После торжественных проводов весь батальон по сему поводу получил увольнительную. А вечером того же дня подполковник Стефан в честь капитана Росса устроил дома банкет. Обо всем этом с трогательными деталями общала 27 января сего года небезызвестная «Дойче нахрихтен».

Подобное единодушие военного министра и национал-демократов в оценках общего питомца — свидетельство сердечного согласия бундесвера и неонаци. Оно было, есть и будет. Потому что и для тех, и для других общий враг находится слева. Потому что и те, и другие намерены служить «великой Германии» — той, чьи границы лежат в прошлом, чьи ядерные мечты витают в будущем, чья мания единоличного величия туманит разум в настоящем.

НДП всегда любила бундесвер. И он неизменно отвечал ей взаимностью. Официальное бракосочетание пока не состоялось лишь из-за временных условностей несовершенного западногерманского общества. Бундесвер — любимец и баловень в Федеративной республике. НДП же, зачатая в пороке прежних симпатий и привязанностей, слишком напоминает скандальных предков. Ее снисходительно треплют по щечке боннские бонны, но близкое родство с ней афишировать не торопятся. Всякому овощу — свое время. Вот одобряют вскоре в бундестаге чрезвычайные законы, устраняют устаревшие условности в виде демократии и права, тогда — другое дело. Тогда не придется больше командующему бундесвером генералу Ульриху де Мэзеру унижаться и отрицать взаимную привязанность бундесвера и НДП. А ведь именно из-за этих условностей вынужден был он заявить в январе 1967 года, что членами НДП состоят менее 1,5% солдат бундесвера. Каково это было слышать капитану Россу и его однополченцам-однопартийцам? Но если бундесвер, как выходец из «высшего» общества, был несколько шоки-

рован и не горел желанием раньше срока афишировать свою связь с НДП, то последняя отнюдь не стыдилась своих симпатий. Еще накануне выступления генерала де Мэзьера заместитель председателя НДП Вильгельм Гутман заявил, открыв забрало, что в их рядах 1200 военнослужащих рангом вплоть до полковника действительной службы.

А в феврале 1967 года опрос членов партии показал: на 1000 членов НДП приходится 620 бывших фронтовиков и 183 солдата действительной службы или запаса бундесвера⁷. Это уже далеко не 1,5%! Картину еще больше прояснил западногерманский журнал «Дойчес панорама», который взглянул на проблему с другой стороны: «60% всех молодых офицеров бундесвера интересуются НДП, и это совсем не вызывает беспокойства некоторых людей, занимающих решающие посты. Им это намного приятнее, чем если бы эти молодые люди вступили в профсоюзы».

Еще бы! В профсоюзах при всех превеликих стараниях социал-демократических боссов еще не искоренена «опасная крамола» классовой солидарности и вредного демократического вольнодумства. Недаром им так не нравится чрезвычайное законодательство. А бундесверу от него прямая выгода: и почет, и власть, и беспрекословное подчинение.

Минувшие выборы в ландтаги шести земель наделали немало переполоху в мире. НДП, оказавшаяся из молодых да ранних, приобрела скандальную известность благодаря своей излишне броской популярности. Некоторые из боннских нянек выразили недовольство: можно, мол, было бы быть и поскромнее, особенно учитывая неприглядное родительское прошлое и нынешнюю репутацию своего федеративного заведения. В печати был дан отбой: реклама поутихла, и НДП попыталась выставить безобидной падчерицей с грубоватыми манерами. Вопрос о ее связях с бундесвером деликатно старались обходить молчанием. Но шила в мешке не утаишь. И вскоре встревоженная общественность установила: опасный флирт продолжается. Газета «Штутгартер цайтунг» сообщила в июле 1967 года, что руководство Национал-демократической партии, опираясь на 30 тыс. своих членов и ежемесячное увеличение ее рядов на 700—800 человек, рассчитывает на новые успехи и дальнейший рост НДП. Причем рост партии, по мнению фон Таддена, «будет осуществляться прежде всего за счет вербовочной работы среди солдат и офицеров бундесвера, где эта работа уже с успехом проводится»⁸.

Итак, НДП не собирается замалчивать свое влечение к

твердой бундесверовской руке, опираясь на которую, она рассчитывает войти полновластной хозяйкой в боннское общество.

Чем же объяснить подобные успехи НДП в среде военно-служащих? Ее особой притягательностью или вполне определенными симпатиями со стороны солдафонов? Кого она прельщает: старых вояк, уцелевших под Сталинградом, или новую смену из НАТОвских казарм?

Спросите об этом капитана Росса. И он охотно расскажет, что не имеет к Гитлеру никакого отношения. Правда, его папа был гауптштурмфюрером эсэсовской дивизии «Дас рейх». Но он сам родился в феврале 1935 года и в период рейха ничем себя не проявил. Однако военные традиции почитает и, не стесняясь, апеллирует к своим согражданам: «Вспомните таких людей, как Бисмарк или Фридрих Великий, они и сегодня могут нам еще многое сказать».

Сам он кроме названных «великих немцев» чтит генералов фон Манштейна и Гудериана, которые во главе огромных армий двинулись на Советский Союз, а после поражения нашли убежище в Федеративной республике, где объявили себя в своих мемуарах «непобежденными на поле битвы».

Капитан Росс живет не только прошлым. Он блюдет преемственность традиций. В своей квартире в Роте под Нюрнбергом он занимается коллекционированием оружия и рекламирует солдатскую верноподданность неонацистов: «НДП считает военную службу почетной обязанностью во имя отечества. Моя первейшая задача — восстановить честь германского солдата»⁹.

Эта честь, по его мнению, поругана. Но не зверствами гитлеровского вермахта, которые он называет «человеческими слабостями», а «болтовней об исключительной вине немцев». С этим, заявляет Росс, необходимо покончить и не позволять шантажировать себя. Человека, который может реабилитировать поруганное прошлое и вновь возвеличить арийцев, он тоже знает: это Франц-Йозеф Штраус, который импонирует ему и его партии.

Капитан Росс открыто излагает свои взгляды. У него не возникает коллизий между его служебным положением в бундесвере и партийной работой в НДП. Задачи аналогичны и взаимосвязаны. И там, и здесь он выступает как хранитель исторических и военных традиций, как поборник поруганной солдатской чести и офицерского престижа, как

сторонник былого и будущего величия милитаристских союзов.

Капитан Росс, будучи активистом НДП, чувствует себя как рыба в воде среди остальных офицеров — членов партии и беспартийных. Их роднит общее прошлое — прошлое их отцов, их классовое происхождение и единая идеология, идеология реванша, милитаризма и великодержавного национализма. Западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» сообщала, что нынешний боннский генералитет, состоящий на 16% из представителей дворянства, происходит из одной из самых реакционных социальных группировок немецкой буржуазии — офицерской касты. Он представляет собой социально замкнутую группу без всякой демократической традиции, которая всегда предпочитала самовластные формы господства демократическим принципам.

Бундесвер рожден от вермахта и воспитывается по родительским заветам. Хула в адрес отцов возмущает отпрысков. По сему поводу старший лейтенант саперного батальона в Дегерндорфе Хоспах заявил на страницах журнала «Ди бундесвер»: «Нельзя больше выплескивать с водой и ребенка. Пора прекратить осуждение всего того, что совершили до 1945 года немецкие солдаты. Методы подготовки вермахта все же породили самых лучших солдат второй мировой войны»¹⁰.

Хоспах не оригинал. Он лишь следует указаниям своих военачальников. Таких, например, как генерал в отставке Шпейдель, который призывал на слете ветеранов гитлеровского вермахта в Штутгарте: «Если мы просим бундесвер равняться на старых солдат, то я обращаюсь с просьбой и предупреждением и к вам, мои дорогие друзья, закаленные бойцы двух мировых войн, позаботьтесь о нашем молодом бундесвере!».

Ветераны не заставляют просить себя дважды. В бундесвере выделены специальные офицеры и унтер-офицеры, ответственные за работу с молодежью. На эту должность могут претендовать лишь убежденные арийцы, которые умеют ценить великое прошлое и опыт гитлеровского воинства. В их обязанности входит воспитание молодых солдат в духе непримиримой вражды к Советскому Союзу, ГДР и другим социалистическим странам, в духе милитаризма, реваншизма и великодержавного шовинизма.

Бундесвер — армия реванша. И старший лейтенант 53-го мотопехотного батальона Бемишке не делал из этого секре-

та, когда на инструктаже личного состава выдвинул вполне определенную задачу: «Старые границы Германии должны быть восстановлены. Германии принадлежит Мемельская область и Померания». «Дранг нах Остен» — нестареющий мотив бундесвера. Его репетируют сегодня те, кто раньше распевал эти же песни в гитлеровском вермахте.

Офицеры, занимающиеся работой с молодежью, укрепляют связи с традиционными милитаристскими молодежными союзами. На туристских базах проводятся военно-политические курсы. Журнал «Штерн» сообщал о том, как в гостях у личного состава 150-го дивизиона ракетной артиллерии побывал неонацистский молодежный союз «Штойбен». Инструкторы бундесвера показали мальчишкам, как надо «подбивать советские танки. В качестве обозначенной цели при этом служил старый английский танк».

Когда мальчишки подрастут, их приведут в казарму, где воспитание на традициях прошлого продолжится. Едва ли сейчас можно найти казарму бундесвера, в которой по стенам в качестве примера не вывешивались бы портреты генералов и военных преступников нацистского вермахта, отмеченных за злодеяния высокими наградами. Что это — самодеятельность старых служаков? Ничего подобного. Прямое указание, содержащееся в § 4 «Примечаний по вопросам подготовки бундесвера 3/65»¹¹.

Нацистские знамена украшают в наши дни музей авиабазы Ютерзен. Около 1000 казарм бундесвера названы именами кайзеровских и гитлеровских генералов. Туда уже в первые годы существования бундесвера нашли путь свыше двух тысяч бывших офицеров войск СС чином до оберштурмбаннфюрера. И это после объявления войск СС преступной организацией согласно приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. Газета бывших эсэсовцев «Дер фрайвиллиге», рекламируя заслуги гитлеровцев, заявляла еще в 1960 году: «Дай бог, чтобы соединения НАТО показали себя в опасности так же, как и европейские соединения войск СС».

Гитлеровский вермахт, который вел тотальную войну и потерпел тотальное поражение, был и остается примером и стимулом для бундесвера. Военный журнал «Веркунде» вещал в 1959 году (выпуск 2): «Армия, существующая без фанатичной веры и без стимула примеров прошлого, отказывается тем самым от силы, помогающей преодолевать трудности и сформировать войска, на которых... руководство государства может положиться».

Бундесверу фанатичной веры не занимать. Стимул примеров прошлого действует безотказно. Это прекрасно поняла НДП, сделавшая ставку на цитадель милитаризма и рваншизма. И бундесвер отплатил за доверие сторицей: на выборах 1966 и 1967 годов гарнизонные города стали оплотом неонацистов. Во время избирательной кампании офицерство оказало пропагандистскую, организационную и финансовую помощь своим единомышленникам.

В школе службы тыла бундесвера в Гамбурге член НДП майор Вебер проводил активную пропагандистскую кампанию в период выборов. Майор Георг Пемлер из Мюнхена был избран 20 ноября 1966 г. депутатом от НДП в окружной совет Верхней Баварии. В Ноймюнстере обер-лейтенант Вальтер Крейкенбом из размещенного в этом городе танкового батальона привел всю свою роту на предвыборное собрание НДП. Газета «Ди вельт» сообщила 12 декабря 1966 г., что во время выборов в Гессене и Баварии НДП «получила существенную поддержку» со стороны молодых офицеров и унтер-офицеров. Особую сенсацию вызвало заявление уже упоминавшегося капитана Росса, который руководил предвыборной кампанией в Миттельфранкене. По его словам, многие в бундесвере вносили солидные денежные пожертвования в фонд НДП: «Я собирал деньги, строго соблюдая военные принципы, и получал при этом пожертвования в размере от 10 до 1000 марок. Никто не отказывался помогать»¹².

Анализ результатов выборов во всех гарнизонных городах VI военного округа (Бавария) показал, что НДП получила там вдвое больше голосов, чем в среднем по своей стране. В письме гауптфельдфебеля Вольфганга Мюллера, которое цитировалось в журнале «Шпигель», говорилось: «Внимательно рассмотрев результаты выборов в Баварии, вы могли заметить, что НДП получила очень много голосов в районах, где живут солдаты. Многие солдаты выставили свои кандидатуры для этой партии. Делали они это, видно, не даром. Как молодые, так и пожилые солдаты надеются, что в лице этой партии они найдут подлинную политическую родину, которой они до сих пор не имели. Мы, солдаты, хотим, чтобы, наконец, нашлась партия, которая могла бы пробудить национальное самосознание в каждом немце и помочь солдатам занять свое настоящее место в своем государстве»¹³.

Итак, как поется в одной из песенок бундесвера: « Да, мы были хозяевами мира и, черт возьми, хотим остаться

ими!». НДП нашла доступ в казармы. Западногерманское офицерство не очень поощряет партийные контакты своих питомцев. На сей раз оно сделало исключение и закрыло глаза на подобные связи с НДП. В конце концов сегодняшние генералы не прочь вспомнить грехи молодости, когда они сводничали своим первым крестникам — вермахту и НСДАП. Свадьбу тогда отгрохали на всю Европу. Черт только дернул в то время начать свадебный поход на Восток. Брак оказался роковым и недолговечным — едва не кончился трагически для всего семейства. Но кое-кто выкарабкался из этой передрыги и теперь за прошлые заслуги выступает в роли идейных и строевых наставников. У стариков всегда была слабость поучать молодых. Жаль только, когда собственная наука не идет впрок и прежние пагубные страсти мутят разум. Старый дух, однако, плохой советчик при современном оружии. И в Бонне не следует забывать, что рецидивы особо опасных заболеваний связаны обычно со смертельным исходом.

На прицеле — молодежь

Воскресным ноябрьским утром 1966 года в Гейдельберге было необычнолюдно. Узкие улочки старого города были заполнены студентами. Журналистам, оказавшимся в тот день в Гейдельберге случайно, объяснили, что состоится парад студенческих корпораций. Несколько сот студентов четким шагом шли по мостовым. Шагали отрешенно, самозабвенно, всем своим видом показывая презрение ко всему миру, который сейчас не в одной шеренге с ними. Маршировали в традиционной форме: черные высокие сапоги, светлые брюки и перчатки, расшитые золотом куртки, шелковые ленты через плечо и вельветовые шапочки. Гейдельбергские мещане, совершавшие воскресный променад, завидев колонну, останавливались. Внимательно следили за строем. Придирчивые взгляды теплели, и на лица выползала одобрительная ухмылка: «А неплохо, черт побери, маршируют парни».

Гулкое эхо каменных улиц разносило чеканный шаг, и под грохот сапог сами собой вспоминались давно слышанные стихи:

Мы идем и печатаем шаг,
Пыль Европы у нас под ногами.
Ветер битвы свистит в ушах,
Кровь и ненависть, кровь и пламя...

На щеках у парней, марширующих по Гейдельбергу, свежие темно-красные рубцы. Это следы «пытток кровью», которой они подвергают себя в подвалах старинных замков. Более сотни студенческих корпораций, родившихся из пепла «третьего рейха», продолжают следовать традициям давних времен. Уродливый шрам от удара саблей был отличительной меткой надменных прусских офицеров. Позже им кичились фашистские «аристократы», маршировавшие по оккупированной Европе. А сегодня болезненная ностальгия по «великой Германии» гонит их отпрысков в студенческие корпорации, где клянутся в верности «великим идеалам прошлого»...

По данным печати, около 15% студентов ФРГ являются сторонниками неонацистской Национал-демократической партии¹⁴, и ее влияние среди студенчества продолжает расти. Это — не просто молодеческая бравада шрамами, это — более опасная болезнь, симптомы которой хорошо известны.

Уже отмечалось, что особая опасность неонацизма состоит в том, что под его влиянием находится определенная часть западногерманской молодежи. Треть членов НДП — люди моложе 30 лет. А лица в возрасте до 44 лет составляют 53% всех членов партии. Если сравнить состав избирателей в сентябре 1965 года и ноябре 1966 года, то можно установить, что он изменился в сторону увеличения среди избирателей НДП тех, чей возраст между 21 и 35 годами: среди сторонников НДП наблюдается процесс омоложения¹⁵.

В Западной Германии существуют многочисленные молодежные союзы и организации, проповедующие национал-социалистскую идеологию. Это «Союз молодежи, верной родине», «Викингюгенд», «Круг друзей национальной молодежи», «Викингер югендбунд адлер» и др. Продолжает действовать формально запрещенный в 1962 году «Союз отечественной молодежи». На митинге этого «нелегального» союза в Ганновере Хаген Мериг, в свое время легальный «группенфюрер», заявил: «Мы не отказались от нашего пути... Народ страстно желает рейха. У нас есть право на родину от Мааса до Мемеля, от Эча до Бельта».

Чтобы привлечь в свои ряды молодежь, неонацисты спекулируют на ее глубоком разочаровании, отсутствии притягательных идей «общества сытых», на ущемленном национальном чувстве. Злоупотребляя естественным стремлением молодых к решительным действиям, к эмоциональному восприятию действительности, неонацизм предлагает им пест-

рый набор демагогических лозунгов, пронизанных показной заботой о величии Германии. При этом лидеры НДП широко используют богатый арсенал геббельсовской пропаганды и демагогии. Это особенно ярко видно на примере манифеста и программы НДП, где провозглашены многие требования, отражающие недовольство населения нынешней политикой правящих партий, но ни слова не говорится о путях выполнения этих требований.

Рост влияния неонацистов на молодежь объясняется прежде всего тем, что все молодое поколение ФРГ воспитывается в атмосфере антикоммунизма, милитаризма и реваншизма. Психологическая и идеологическая обработка начинается уже со школьной скамьи, затем продолжается при получении специального образования, в высших учебных заведениях, в бундесвере и, наконец, на производстве и в повседневной жизни.

Особая роль в системе антикоммунистического воспитания отводится школе, где с первого класса ребенку прививают неприязнь, страх, а затем и ненависть ко всему коммунистическому. А начинается все с извращенной подачи «учебного» материала о жизни людей в Советском Союзе и других социалистических странах. Вот, например, как «объективно» рисует Белоруссию «Учебник по географии» для четвертого класса, изданный в Штутгарте: «Во внутренней части Белоруссии живет самый маленький народ восточных славян, втиснутый между великорусами, украинцами, поляками и литовцами. Белорусы живут в бедной стране, покрытой лесами и болотами. Столица — Минск расположена в песчаной местности. Слабо заселены также труднопроходимые припятские болота». И это все о сегодняшней Белоруссии. Здесь тщательно подобран каждый эпитет, чтобы нарисовать мрачную безрадостную картину крайне отсталой страны. Наряду с подобными «географическими» описаниями в этом учебнике немало грубых политических выпадов и клеветы в адрес Советского Союза и других социалистических стран.

В общеобразовательных школах ФРГ введен специальный предмет «Востоковедение», который используется для насаждения реваншистских идей. Карты и атласы, которыми пользуются в школах, изображают Германию в границах 1937 года. В учебниках истории период 1933—1945 годов полон фальсификаций; преступления национал-социализма замалчиваются. Учебное пособие «Судьба немецкого Востока», допущенное для изучения истории в школе, убеждает

учащихся, что поражение 1945 года «временно приостановило тысячелетнюю культурную и исследовательскую деятельность немцев на Востоке в пользу католического Запада».

Еще более вредное влияние оказывают на молодое поколение учителя из числа бывших нацистов. Министр образования земли Гессен признал, что «западногерманские учителя не желают обсуждать с учениками вопрос о фашистских военных преступлениях, поскольку некоторые из них в прошлом сами были нацистами».

Неудивительно, что в таких условиях, как свидетельствуют опросы среди западногерманских школьников, многие из них имеют весьма смутное представление о преступлениях гитлеровцев против своего народа и против человечества.

Характерный пример. По случаю 23-й годовщины неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. провинциальная газета «Оффенбах-пост» провела опрос. Газета задала 15 вопросов 100 ученикам одной профессиональной школы, средний возраст которых равен 17 годам. На обдумывание им был дан час. Только на первый вопрос, касающийся событий после 20 июля 1944 г., были даны правильные ответы. На остальные вопросы ответы давались запутанные и неверные. 50 человек вообще не знали, кто такой Гитлер.

На вопрос: «Кто такой Гитлер?», отвечали следующим образом: президент Австрии; сын простых людей; был тем, кем после войны Аденауэр и в настоящее время Любке. Один из учеников написал: был идиотом. Только девять опрошенных знали точно — с какого по какой год господствовали гитлеровцы в Германии, 12 учеников ответили приблизительно, 10 — назвали период с 1921 по 1944 год или с 1914 по 1944. Почти 70% опрошенных не смогли дать конкретных ответов.

На вопрос о государственном устройстве «третьего рейха» только 23 человека ответили правильно. 12 человек назвали гитлеровский строй демократией, империей или социальным государством. 65 опрошенных не сумели дать никакого ответа. Лишь половина опрошенных имела какое-то представление о том, что собой представляли концентрационные лагеря.

Подобная неинформированность западногерманских учащихся — результат умышленной дезориентации их по важнейшим проблемам недавнего прошлого страны.

Подобная психологическая обработка еще более искусно проводится в вузах среди западногерманского студенчества,

в среде которого заметно усилилось влияние неонацистской идеологии. Так, по признанию ректора университета в Гисене, 20% студентов университета являются сторонниками НДП. 20 ноября 1966 г. при университете Гейдельберга был основан национал-демократический союз высших учебных заведений, который «поставил перед собой цель служить формированию политического сознания среди студентов в духе объявленных целей НДП». К середине февраля 1967 года группы национал-демократического союза высших учебных заведений существовали уже в восьми вузах, в том числе в Бонне, Майнце, Тюбингене, Фрейбурге.

Особенно массивной милитаристской и реваншистской обработке подвергается молодежь, призванная в бундесвер. В обязанности офицеров и унтер-офицеров, ответственных за работу с молодежью, входит также налаживание организационных связей с традиционными милитаристскими молодежными союзами. Интересно отметить, что с докладом по вопросам молодежи на состоявшемся в 1966 году партийном съезде НДП в Карлсруэ выступил лейтенант запаса бундесвера Петер Лауэр.

Выйдя из стен школы, вуза или из казармы бундесвера, молодой человек отнюдь не избавляется от антикоммунистической пропаганды. Подавляющая часть инструментов идеологического воздействия находится в руках монополий. Пресса, радио, кино и телевидение широко используются для пропаганды националистических, милитаристских и реваншистских идей. Многие бывшие фашистские генералы выступают ныне в роли духовных наставников молодого поколения. Нацистский генерал-полковник Фриснер писал, что молодежь надо воспитывать так, чтобы «она прониклась уважением к нашему великому прошлому и его представителям». И сподвижники Манштейна, Мантейфеля и других военных преступников пишут мемуары, воспевающие солдатские подвиги и жестокость.

Рост влияния НДП и ее сторонников—сам по себе тревожный сигнал опасного развития обстановки в ФРГ. Однако главную угрозу представляет тот факт, что молодежь подвергается особо массивной психологической и идеологической обработке в духе антикоммунизма, реваншизма и милитаризма. Именно в этом — опасность для судеб демократии в самой Западной Германии, для дела мира и безопасности в Европе.

ВЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ — БДИТЕЛЬНОСТЬ

За ХДС, как у Христа за пазухой

После ноябрьских выборов 1966 года в Гессене председатель земельной организации НДП Фассбендер, выступая по первой программе западногерманского телевидения, сказал теплые слова благодарности в адрес ХДС и подведомственных правительству радио и телевидения: «В предвыборных дискуссиях с Национал-демократической партией ХДС вполне уместно ограничился лишь деловыми аргументами». И затем добавил: «Что же касается телевидения и радио, я должен и хочу констатировать, что НДП не испытывала никаких ограничений, за что я сердечно благодарен»¹.

Фассбендеру было за что выражать признательность. Западногерманские власти сделали все возможное для того, чтобы создать нормальные рабочие условия для предвыборной пропаганды неонацистов. Последние не только пользовались всеми правами наряду с другими партиями и имели доступ ко всем источникам массовой информации, но не отказывали себе в известных привилегиях. Так, в последний перед выборами вечер, когда все партии, согласно договоренности, прекратили предвыборную агитацию, НДП, наоборот, использовала этот вакуум и бросила дополнительные отряды вербовщиков, листовки и плакаты, чтобы изменить в свою пользу мнение колеблющихся и нерешительных избирателей. И ХДС даже ухом не повел в ответ на подобное нахальство. Снова, в который уже раз, христианские демократы сквозь пальцы посмотрели на выходы своих соперников справа. Им ли было выражать неудовольствие неонацистскими трюками, если их проделывали возможные партнеры по коалиции.

Как стало известно из статьи мюнхенской еженедельной газеты судетских немцев общины Зелигер «Ди Брюкке» от 3 декабря 1966 г., в конце августа 1966 года группа руково-

дителей НДП встретила с доверенными представителями председателя ХСС Штрауса. На этой встрече представители ХСС Бранднер и Кислинг предложили НДП пост министра юстиции (!) в том случае, если НДП потребуются ХСС для создания большинства в баварском ландтаге. И во время выборов в баварский ландтаг в ноябре 1966 года ХСС в одном из предвыборных циркуляров советовала своим ораторам настоятельно рекомендовать избирателям во время выборов голосовать или за ХСС, или за НДП.

Подобные факты — не исключение. В связи с коммунальными выборами 13 марта 1966 г. в Кульмбахе был заключен открытый союз между ХСС и НДП против социал-демократов, к которому тогда присоединилась и СвДП. Через восемь месяцев ХСС и НДП достаточно окрепли, чтобы решить ту же проблему уже вдвоем, без СвДП.

В городском парламенте города Рот под Нюрнбергом в конце февраля 1967 года была создана коалиция фракций от ХДС, СвДП и НДП.

В январе 1967 года состоялся первый визит председателя фракции НДП в баварском ландтаге Зигфрида Пельмана к баварскому премьер-министру Альфонсу Гёппелю. «Дойче нахрихтен» после этого торжественно сообщила: «Формальная встреча превратилась в показательную политическую беседу, продолжавшуюся 20 минут, во время которой премьер-министр заявил, что он считает НДП допущенной по конституции партией, с которой он намерен обращаться соответствующим образом»².

Подобное взаимопонимание объясняет также и тот факт, что неонацистской НДП удалось направить двух представителей в баварский конституционный суд. 18 февраля 1967 г. Ассошиэйтед Пресс сообщило из Мюнхена, что в качестве таковых были назначены Вольфганг Хубер, заместитель председателя третейского суда НДП в Баварии, и бывший руководитель районной организации НДП Мюнхен-Зюд Рудольф Деттвайлер.

Лидеры ХДС/ХСС не раз демагогически заявляли, что «НДП должна получить возможность по-деловому работать в парламенте», чтобы можно было проверить, каков ее действительный характер. Подобные заявления направлены на то, чтобы приучить общественность к мысли о парламентской благопристойности национал-демократов, а им самим дать понять, что они должны более громко заявить о своей лояльности, с тем чтобы быть вхожими в лучший федеральный дом на Рейне.

Лидеры ХДС/ХСС уже сейчас посматривают на НДП придирчивым глазом партнера: в будущем вовсе не исключается возможность бракосочетания в лучших националистических традициях: ХДС — НДП. И Штраус, наиболее рьяный поклонник НДП, уже сегодня сожалеет, что это время еще не наступило: «В настоящее время НДП еще не в том положении, которое я мог бы назвать удобным для заключения с ней коалиции». Но такая возможность вполне реальна, в чем заверил всех сам хозяин Шаумбургского дворца.

В интервью газете «Штутгартер нахрихтен» Кизингер заявил, что он считает «вполне реальным делом» дальнейший рост влияния в ФРГ НДП и даже избрание представителей неонацистов в 1969 году в бундестаг. По его словам, может возникнуть при этом положение, когда крупные политические партии, входящие в состав нынешнего правительства «большой коалиции», будут вынуждены сохранить эту коалицию или же одна из них должна будет пойти на коалиционное сотрудничество с НДП³.

Как же можно после этого ожидать запрета НДП? Ведь ХДС и НДП так хорошо друг друга понимают и на городских и земельных уровнях осуществляют сотрудничество друг с другом в ожидании федерального свидания.

А министр внутренних дел Пауль Люкке из года в год успокаивал встревоженную общественность своими приглаженными отчетами о деятельности праворадикальных организаций, которые, по его словам, не представляют ни малейшей опасности для боннской демократии. Он говорит: «Многие уже сейчас требуют запрета НДП. Я в этом не вижу прока... Мы должны вести с НДП политические дискуссии. Мы должны убедить ее избирателей в правильности политики демократических партий и тем самым вновь завоевать их на нашу сторону. Иными словами: мы должны сделать нашу демократию более привлекательной. Это означает, прежде всего, усилить разъяснительную политическую работу. Рост голосов, поданных за НДП, не в последнюю очередь объясняется реакцией на долготетное обесценение таких понятий, как „нация“ и „отечество“».

Итак, все предельно ясно. На эту тему уже говорил небыизвестный Отто Гесс: «Или другие партии постепенно приблизятся к нашей линии и сохраняют костяк своих избирателей, или мы будем отнимать у них все больше голосов».

В Бонне хотят сделать демократию привлекательной, надев ей намордник чрезвычайного законодательства и поса-

див ее на цепь национализма. Там категорически против того, чтобы травить «молоденьких» национал-демократов, которые еще не набрались парламентского ума-разума. И требуют от всех прочих демократов терпеливого тактического отношения к демократам национальным.

На вопрос журнала «Штерн»: «Одобряете ли вы, что в Крефельде члены профсоюзов с песнями и криками «Долой нацистов!» пытались разогнать собрание НДП?», г-н Люкке ответил: «Пусть НДП станет предметом дискуссии. Возможно при этом она сможет превратиться в национально-консервативную, верную конституции партию. Тогда, я полагаю, автоматически отпали бы попытки профсоюзов помешать ей. Собственно говоря, мне не особенно нравится, когда разгоняют собрания»⁴.

В этой беседе перед нами образец исключительно интеллигентного либерала, единственным кредо которого является терпимость к инакомыслящим. Даже не верится, что этот «либерал» мог иметь отношение к чрезвычайному законодательству, которое слывет его любимым детищем. Но все дело в том, что он проявляет необыкновенную терпимость и сдержанность, когда речь идет об оппонентах справа. Может быть, потому, что тайные симпатии навязчивы. Но попробуйте завести с ним речь о профсоюзных организациях, не говоря уже о запрещенной Коммунистической партии Германии. Куда денется его либерализм, его велеречивая учтивость. Он сразу же станет самим собой: холодным, неприступным и непоколебимым: всякая левая крамола должна быть пресечена в корне. В конце концов, для этого он поставлен на свой пост магнатами западногерманского капитала. За это, наконец, они платят ему зарплату, и немалую. Поэтому г-н Люкке и подведомственные ему земельные министры внутренних дел твердо заявляют: «Нет никаких оснований для запрета НДП».

Неонацистская насадка чувствует себя вполне безопасно под мощным правым крылом ХДС. Она знает, что нужна христианским демократам. В роли крайне правого националистического резервуара для недовольных всех мастей НДП одновременно выполняет несколько важнейших функций.

Она нужна для нагнетания в стране националистических настроений и правоэкстремистских и великогерманских требований, на фоне которых правящие круги могут незаметнее и смелее поднять на один тон выше собственный шовинистический и реваншистский голос. НДП нужна, чтобы

отвести главный удар трудящихся и демократических организаций от правых сил в правящих партиях, чтобы иметь возможность указывать на «умеренность» и «благоразумие» ХДС/ХСС в отличие от национал-демократов. НДП нужна в роли правой оппозиции, чтобы задержать «сдвиг влево» недовольных и направить растущее разочарование антинациональной и антисоциальной политикой правительства ХДС в правое русло. Национал-демократы осуществляют важную задачу организационного объединения всех праворадикальных сил на случай сплоченного противовеса левым.

НДП нужна для правых сил в ХДС/ХСС как алиби для проведения реакционной антидемократической политики внутри страны. Вынужденный сквозь зубы признать рост «правого радикализма» и экстремизма в ФРГ, г-н Люкке делает широкий демагогический жест и заявляет, что в целях предотвращения повторения Веймара необходима борьба за «разумное чрезвычайное законодательство».

Итак, с неонацистами хотят бороться с помощью чрезвычайных законов. Но на этом не останавливаются и идут дальше. В Бонне все чаще твердят, что успехи НДП требуют ускорить введение мажоритарной системы избирательного права. Итак, НДП только набирает силы, но она уже служит службу, и притом весьма неплохую, для ставленников монополистического капитала.

Национал-демократы нужны ХДС/ХСС как алиби и во внешней политике. Представители Бонна шантажируют западные державы тем, что, вменяя им в вину рост «правого радикализма» в ФРГ (что само по себе справедливо, хотя и по другим причинам, чем приводит Бонн), требуют предоставления Западной Германии атомного оружия и признания за ней права на границы 1937 года. В такой обстановке правящим кругам легче выдвигать свои экспансионистские великодержавные претензии, скрываясь за экстремизмом неонацистов.

Этот метод не нов. Еще до начала первой мировой войны статс-секретарь министерства иностранных дел Альфред фон Кидерлен-Вехтер предложил председателю «Всегерманского союза»* Генриху Класу: «Атакуйте меня, это

---

* «Всегерманский союз» — до первой мировой войны ультрашовинистическая организация германского монополистического капитала, пропагандировавшая мировое господство германского империализма, безмерные захватнические планы в Европе и германскую колониальную империю. После первой мировой войны — одна из организаций, которая пролагала путь германскому фашизму.

меня вполне устраивает. Тогда я смогу сказать представителям чужих держав, что МИД готов пойти на любой компромисс, но что за его спиной стоят сердитые всегерманцы, а их влияние настолько сильно, что я должен его учитывать. К этому должны будут привыкнуть чужие державы».

НДП, наконец, нужна правящим кругам ФРГ для того, чтобы в случае кризисных явлений во внутренней или внешней политике Западной Германии иметь готовую организационную и идеологическую платформу для установления открытой диктатуры крайне правых сил монополистической буржуазии.

Память сердца не стынет

Вывод бесспорен: национал-демократы нужны ныне власть предержащим. По многим причинам (о них было уже сказано) НДП в избытке снискала расположение Бонна. Не значит ли это, что такая привязанность останется неизменной?

Здесь вряд ли возможен однозначный ответ. Политическая обстановка в мире настолько сложна и переменчива, что исключает схемы на все времена и случаи жизни. Не исключено, что на каком-то этапе в Бонне может встать вопрос о запрете НДП. И в этом не будет ничего естественного и неожиданного.

Дело в том, что с момента своего возникновения НДП находится под огнем критики слева внутри самой страны и со стороны внешних сил. Причем эта критика возрастает по мере прогрессирующего развития Национал-демократической партии. И западногерманский канцлер уже не раз заявлял, что проблема НДП тревожит его с точки зрения внешнеполитической реакции. Не исключено, что может наступить такой момент, когда правящим кругам на Рейне слишком дорого будет обходиться их сознательное попустительство в отношении неонацистов. Протесты мировой общественности, в том числе и в государствах — союзниках по НАТО, могут нанести существенный ущерб и без того потрепанному внешнеполитическому авторитету боннской республики. Ведь неонацизм сегодняшнего дня несет на себе явственные черты хорошо знакомого всем порока. Поэтому чаша терпения мировой общественности может переполниться и волна возмущения и гнева хлынет на улицы и площади Европы. И в последней попытке предотвратить

наихудшее боннские власти вынуждены будут прибегнуть к запрету.

Старая истина гласит: из двух зол выбирают наименьшее. В Шаумбурге и сейчас признают, что НДП — это зло для демократии, но зло безопасное и даже стимулирующее (?) развитие демократической структуры боннского общества. Но если завтра во многих странах мира громко и решительно будет заявлено: НДП — это неонацизм; НДП — это вызов демократии и миру, — Бонну придется с этим считаться. И чтобы избежать всеобщего остракизма, придется пожертвовать легальной безнаказанностью национал-демократов.

Но независимо от того, будет запрещена эта партия или нет, ясно главное: дело не только и не столько в НДП; дело в тех социально-экономических условиях, в идеологической и политической атмосфере, которая делает возможным возрождение и расцвет неонацизма. До тех пор, пока не уничтожена питательная среда, на ней будут буйно разрастаться побеги неонацистского чертополоха.

Запрет — не панацея от этого зла. По разным причинам к нему уже прибегали раньше. Но что изменил запрет Социалистской имперской партии и роспуск Немецкой имперской партии? Разве привело это к исчезновению неонацизма в ФРГ? Отнюдь нет. Видоизменялись лишь его организационные формы, его методы и формы проявления, появились другие названия, но он сам как явление продолжает существовать. И хотя сегодня неонацисты проявляют некоторую осторожность, действуют они, тем не менее, вполне уверенно. Они знают, что, случись даже наихудшее, формальный запрет не убьет их, а лишь заставит на время уйти из общественных салонов в хорошо меблированное подполье. Невзгоды изгнания будут окуплены сторицей, ибо формальный запрет лишь обострит чувство снисходительности со стороны правящих кругов. И в то же время запрет создаст вокруг имени партии ореол мученика, подвергающегося притеснениям за проповедь «национальной идеи». И новые отряды высокомерных бундесбюргеров из чувства протеста против преследования великогерманских собратьев придут в их ряды.

Лидеры НДП вовсе не исключают такой возможности и уже отработывают тактику «крайнего варианта». 21 января 1968 г. корреспондент агентства ЮПИ Веллингтон Лонг передал из Бонна, что руководство НДП отдало приказ всем членам партии подготовиться к переходу на нелегаль-

ное положение, если правительство выдвинет требование запрета партии. В секретной инструкции, разосланной в начале января 1968 года руководителям местных организаций НДП, указывалось, что городские и окружные организации партии должны быть готовы к тому, чтобы превратиться в спортивные, шахматные, стрелковые клубы, ассоциации филателистов и т. д. В случае запрета вся связь должна поддерживаться через специальных курьеров, которые будут передавать все указания только устно. Списки членов партии должны быть проверены, с тем чтобы удалить из партии возможных осведомителей. Архивы НДП должны быть спрятаны в местах, известных только руководителям. В случае, если позволит время, все банковские счета партии должны быть закрыты, деньги переведены на частные счета или обращены в наличность.

И хотя Адольф фон Тадден опроверг это сообщение, как «фантастическое и зловредное», от этого вероятность подобных планов не уменьшилась. Прусский барон — не новичок в политике. Он уже пережил многие взлеты и падения неонацистского движения в послевоенный период. И у такого, как он, всегда есть варианты на все случаи жизни. Другое дело, что он не заинтересован, чтобы его секретный портфель выставлялся на всеобщее обозрение.

Итак, НДП сегодня на подъеме. Если на очередном повороте она не справится со своим экстремизмом и он занесет ее слишком вправо, угрожая всем участникам боннских гонок, ее могут вообще снять с дистанции. Но это мало что изменит по существу до тех пор, пока будет царить попустительство реваншизму и милитаризму на государственном уровне.

Значит ли это, что нет смысла требовать запрета НДП? Отнюдь нет. Для демократических миролюбивых сил в самой Западной Германии и во всем мире вовсе не безразлично, каким путем пойдет развитие боннской республики. Открыто выйдя на политическую арену ФРГ, НДП имеет гораздо больше шансов на победное шествие в залах бундестага. Овладев же его трибуной, с мандатом парламентских привилегий, национал-демократы не только воодушевят старых верных сторонников, но и приобретут новых. Приращение к лику парламентариев — это не только новое реноме, новая реклама, но и новые дотации финансовых тузов и промышленных королей. НДП в бундестаге — это уже верное дело даже для скептиков. Вот почему нервничает Адольф фон Тадден, когда раздаются призывы запретить

НДП. Вот почему он строго инструктирует ораторов партии и резко обрывает тех, кто преждевременно показывает зубы. Терпение и еще раз терпение! Сначала нужно подкрасться, чтобы потом ворваться в овечье стадо.

Но трагический опыт истории не прошел для народов даром. «Помни о 1933 году — пресекай угрозу в самом начале!» — этот призыв демократов все громче звучит в Западной Германии и Европе. Когда 17 июня 1966 г. неонацисты собрались в Карлсруэ, около 20 тыс. членов профсоюзов, демократических общественных организаций провели у здания съезда митинг протеста. Узники Бухенвальда, Освенцима и Дахау несли транспаранты:

«Тот, кто пытается забыть прошлое, обречен пережить его вновь!».

Успехи национал-демократов на выборах обнажили угрозу неонацизма. Коммунистическая партия Германии призвала трудящихся к бдительности и решительному отпору наследникам национал-социализма. В январе 1967 года западногерманские профсоюзы обратились к правительству ФРГ с требованием пресечь деятельность НДП.

Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме, на своем съезде в мае 1967 года обсудило доклад профессора Марбургского университета Кюнля «Корни и формы проявления неонацизма». Съезд констатировал, что главными причинами возрождения нацизма являются реставрация в послевоенной Западной Германии старой экономической и общественной структуры и укрепление в ФРГ тех же сил, которые в свое время привели к власти Гитлера.

Растущая угроза неонацизма обостряет рост классового самосознания трудящихся. В феврале 1967 года профсоюз металлистов, объединяющий 35 тыс. членов, заявил: «Требования НДП взяты из арсеналов ХДС/ХСС и только излагаются детальнее и радикальнее». Движение протеста против Национал-демократической партии захватило и демократическую часть интеллигенции и студенчества. Писатель Гюнтер Грасс подчеркнул, что НДП является опасной группой, которая находится под влиянием бывших нацистов и действует нацистскими методами.

В ноябре 1966 года мюнхенские студенты возродили антифашистское общество «Белая роза» для борьбы против Национал-демократической партии и ее сторонников. Первоначально в это общество входила группа студентов Мюнхенского университета, занимавшаяся антифашистской пропагандой в 1943 году. В феврале 1943 года его руководите-

ли Софи Шоль, 21 года, ее брат Ганс, 25 лет, и профессор философии Курт Хубер были схвачены, подвергнуты пыткам и казнены.

В заявлении, опубликованном возрожденным обществом, указывалось, что победа НДП на выборах в землях Гессен и Бавария свидетельствует о том, что в Западной Германии «есть люди, которые все забыли и ничему не научились».

«Нацисты имеют большое число сторонников среди молодежи, и на митингах НДП ораторы уже называют ее партией молодых немцев, — заявил один из руководителей нового общества «Белая роза» Райнер Хуф. — Мы должны отвоевать у них молодежь».

Центральное правление западногерманских профсоюзов в связи с III съездом неофашистов в Ганновере приняло заявление, в котором говорится: «Нельзя давать обманывать себя, когда руководители НДП уверяют, будто они не имеют ничего общего с нацизмом... Старый дух перенесен в новые условия и вновь оживает. Если сегодня призрак варварства вновь встает над страной и пытается увлечь людей, то было бы абсурдно говорить о какой-нибудь идейной борьбе с теми, кто сознательно стремится выключить в массах процесс мышления». Профсоюзы вновь подтвердили свое требование запретить НДП.

Единый демократический фронт должен преградить дорогу неонацизму.

Советские люди не могут оставаться равнодушными к растущей угрозе коричневой чумы. Вместе со своими братьями из социалистических стран, со всеми честными людьми на земле они требуют искоренить неонацистскую заразу.

Неофашизм касается всех! И мы не должны позволить, чтобы над миром вновь нависла тень свастики. Допустить это — значит предать память тех, кто отдал свои жизни в борьбе против фашистского варварства, поставить под угрозу будущее нынешнего и грядущего поколений!

* * *

Есть ли шансы у нового Адольфа? Ответ на этот вопрос зависит от будущего развития событий в Западной Германии и во всем мире. Он зависит от многих обстоятельств, в том числе и от позиции западногерманских демократов, от поведения каждого, в какой бы стране он ни был, чем бы он ни занимался. Ибо в конечном счете это старый вопрос о

соотношении сил в мире, которое неизбежно меняется в пользу мира и социализма. Но скорость этих изменений зависит от активных действий каждого члена социалистического мира, от каждого демократа и борца за мир.

Анализ современной обстановки в Западной Германии показывает, что шансы нового фюрера во многом зависят от силы новой националистической волны, захлестывающей боннское общество, которая выносит вперед неонацистов.

Но дело не только в национал-демократах и прочих неонацистских прихвостнях. Главная опасность, в конечном счете, — в социально-экономической структуре западногерманского государства, в его внутренней и внешней политике, которая стимулирует рост националистических и неонацистских настроений. А НДП — только лишний раз свидетельствует, насколько быстро эти настроения могут приобрести строгое организационное и идеологическое оформление.

Опасны взаимосвязи правящих кругов западногерманской буржуазии и неонацистских сил. Старый нацист Эмиль Майер-Дорн, член правления НДП, громогласно подтвердил эти взаимосвязи, выступая от имени НДП на предвыборном собрании в Шлезвиг-Гольштейне: «Коричневая окраска наших идей ведет свое начало от черной окраски идей ХДС». Сказано настолько ясно, что комментарии излишни.

ХДС защищает неонацистов от «нападков слева». Национал-демократы защищают «великое прошлое» «третьего рейха» от поругания. Боннские ультра во главе с «сильной личностью» Штраусом требуют «прекратить односторонние процессы по преодолению прошлого» и перестать «втаптывать в грязь все германское». Порочный круг националистических претензий разного калибра замкнулся, образовав сплошное кольцо великогерманской взаимовыручки.

Когда для убийц ищут смягчающие вину обстоятельства и договариваются до того, что жертва, мол, тоже была «хороша», ищите тут кровную связь между преступником и судьями. Да они и сами не скрывают своей духовной и кровной близости, когда заявляют: «Мы и национал-социалисты, несмотря на их некоторые заблуждения, в конце концов, немцы».

Западногерманские правые националисты своими выщербленными в войне челюстями уже сегодня жаждут надкусить запретный для них плод власти. Они еще не в силах сорвать его, но у них уже сводит скулы от вожделения. Их цепкие кровожадные лапы тянутся к хрупкому горлу демократии. И сердце полнится возмущением при мысли, что

матерые рецидивисты вновь пользуются в Западной Германии правами свободных членов человеческого общества и ждут лишь пришествия нового фюрера, который поведет их на новый разбой.

Насколько беспомощными и близорукими рядом с ними кажутся западногерманские «либералы», пытающиеся робко усюветить неисправимых преступников. Протирая пенсне, они тихим извиняющимся голосом просят их не шалить в боннском садике декоративного приличия: «А то соседи подумают, что мы не умеем себя вести». Нагло ухмыляясь в ответ, громилы молча поглаживают свои пудовые кулаки, воочию представляя себе, как проучат они этих «нюющих хлюпиков», когда придет их время.

Всем сильным и честным людям свойственно добросердечие. С развитием цивилизации укрепляется вера в разумное начало человека. Но было бы непростительной ошибкой предаваться иллюзиям в отношении разбойничьего характера империалистов. История жестоко наказывает за самообман и благодушие. И сегодня острее, чем вчера, должно быть чувство классовой непримиримости и бдительности. Верить во всепобеждающее начало гуманизма — значит закалять ненависть к неонацистским варварам, врагам социализма и цивилизации.

Когда в дни общенациональной скорби мы обнажаем головы перед погибшими борцами против фашизма, мы каждый год вновь повторяем клятву: «Никто не забыт и ничто не забыто». И пусть во имя павших, во имя живущих, во имя грядущих поколений звучит в нашем сердце призыв Юлиуса Фучика:

«Люди, будьте бдительны!».

К главе I

- ¹ «Der Spiegel», 28. Nov. 1966, Nr. 49.
- ² «Expressen», 17. Nov. 1966.
- ³ «Der Spiegel», 28. Nov. 1966, Nr. 49.
- ⁴ «Welt der Arbeit», 9. Nov. 1966.
- ⁵ D. Schwarzkopf, O. von Wrangel, Chancen für Deutschland. Politik ohne Illusionen, Hamburg, 1965, S. 92.
- ⁶ «Westfälische Rundschau», 21. Nov. 1966; «Kölner Stadt-Anzeiger», 21. Nov. 1966.
- ⁷ «Правда», 29 января 1967 г.
- ⁸ «Rheinische Post», 3. Okt. 1967.
- ⁹ «Deutsche Nachrichten», 10. Nov. 1967 (далее: «DN»).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ «NPD Kurier», DN-Sonderdruck, Dez. 1967 (далее: «NPD Kurier»).
- ¹² «Правда», 9 декабря 1967 г.
- ¹³ «Aurore», 9 déc. 1967.
- ¹⁴ «New Jersey Gerald», Dec. 13, 1967.

К главе II

- ¹ K. Adenauer, Erinnerungen (1945—1953), Stuttgart, 1965, S. 44.
- ² «Nation Europa», 1953, Nr. 3, H. 8, S. 61.
- ³ «Das Parlament», 16. März 1966, S. 21.
- ⁴ F. Richert, Die nationale Welle, Stuttgart, 1966, S. 142.
- ⁵ H. Knütter, Ideologien des Rechtsradikalismus im Nachkriegsdeutschland, Bonn, 1962, SS. 24—25.
- ⁶ Ibid., SS. 31—32, 35.
- ⁷ W. Smoydzin, NPD. Geschichte und Umwelt einer Partei. Analyse und Kritik, Bonn, 1967, S. 60 (далее: W. Smoydzin, NPD).
- ⁸ Ibid., S. 239.
- ⁹ K. Hirsch, Kommen die Nazis wieder? Gefahren für die Bundesrepublik, München 1967, S. 8 (далее: K. Hirsch, Kommen die Nazis wieder?).
- ¹⁰ H. Heiber, Joseph Goebbels, München, 1965, S. 240.
- ¹¹ Цит. по К. Hirsch, Kommen die Nazis wieder? SS. 8—9.
- ¹² Цит. по «Литературная газета», 15 февраля 1967 г.
- ¹³ K. Hirsch, Kommen die Nazis wieder? S. 14.

К главе III

- ¹ Н. В р ü d i g а m, Der Schoß ist fruchtbar noch., Fr. am/M., 1965, S. 43.
- ² «Frankfurter Rundschau» 3. Jan. 1967.
- ³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны (Документы и материалы)», т. III, М., ОГИЗ, 1947, стр. 343.
- ⁴ «Trials of war criminals before the Nürnberg military tribunals», vol. VI, Wash., 1952, p. 42.
- ⁵ W. Z á r f, Wandlungen der deutschen Elite, München, 1965, SS. 13, 98.
- ⁶ «Graubuch. Expansionspolitik und Neonazismus in Westdeutschland», В., 1967, SS. 165—166, 168 (далее: «Graubuch»).
- ⁷ В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 372—373.
- ⁸ «Graubuch», В., 1967, S. 109.
- ⁹ F. S t r a u ß, Entwurf für Europa, Stuttgart, 1966, SS. 149—150:
- ¹⁰ «Rheinischer Merkur», 24. Febr. 1967.
- ¹¹ «Neue Kommentare», 1967, Nr. 1; «Graubuch», S. 80.
- ¹² Н. В р ü d i g а m, Der Schoß ist fruchtbar noch., S. 11.
- ¹³ E. M а j о n i c а, Deutsche Aussenpolitik. Probleme und Entscheidungen, Stuttgart, 1965, S. 197.
- ¹⁴ «Züricher Woche», 19. Aug. 1966.
- ¹⁵ «Sonntagsblatt», 5. Juli 1955.
- ¹⁶ «Das Parlament», 16. März 1966, SS. 16, 20.
- ¹⁷ «Frankfurter Rundschau», 14. Mai 1965.
- ¹⁸ «Graubuch», S. 10.
- ¹⁹ I b i d., S. 240.
- ²⁰ «Bild-Zeitung», 18. Nov. 1966.
- ²¹ «Der Spiegel», 1967, Nr. 20.
- ²² «Messagero», 12 Apr. 1966.
- ²³ «Hannoversche Presse», 9. Febr. 1967.
- ²⁴ «Politisch-Soziale Korrespondenz», 1966, H. 1.
- ²⁵ «Wehrkunde», 1959, H. 7, S. 345.
- ²⁶ «Graubuch», S. 243.
- ²⁷ I b i d., S. 152.
- ²⁸ S. H а f f n e r, Die Sieben Todsünden des Deutschen Reiches, Hamburg 1965, S. 120.
- ²⁹ «Neues Deutschland», 21. Aug. 1959; «Die Welt», 28. Juni 1963.
- ³⁰ «Graubuch», S. 40.
- ³¹ См. «Непреодоленное прошлое. Документация о реваншизме в западногерманской Федеративной республике», Дрезден, 1967, стр. 6, 10 (далее: «Непреодоленное прошлое...»); «Bayern Kurier», 25. Juni 1965.
- ³² «Graubuch», S. 23; «Die Welt», 11. Nov. 1965.
- ³³ F. S t r a u ß, Entwurf für Europa, SS. 104—106.
- ³⁴ «Süddeutsche Zeitung», 22. Juni 1966.
- ³⁵ K. J a s p e r s, Wohin treibt die Bundesrepublik, München, 1966, SS. 130, 133.
- ³⁶ «Gewerkschaftspost», 1966, Nr. 9, S. 10.
- ³⁷ K. J a s p e r s, Wohin treibt die Bundesrepublik, S. 157.
- ³⁸ «Tribune», July 20, 1967.
- ³⁹ «Stuttgarter Zeitung», 20. Nov. 1965.
- ⁴⁰ K. J a s p e r s, Wohin treibt die Bundesrepublik, S. 269.
- ⁴¹ «Epoke», 9. Oct. 1966.
- ⁴² «Frankfurter Rundschau», 3. Jan. 1967.
- ⁴³ «Scotsmen», July 4, 1966.
- ⁴⁴ «Frankfurter Rundschau», 3. Jan. 1967.
- ⁴⁵ «Das Parlament», Nov. 1966.

К главе IV

- ¹ «DN», 3. Sept. 1965.
- ² «Graubuch», SS. 349—350.
- ³ *Ibid.*, S. 355.
- ⁴ *Ibid.*, S. 350.
- ⁵ *Ibid.*, S. 355.
- ⁶ «Der Spiegel», 28. Nov. 1966, S. 34.
- ⁷ H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie einer «nationalen Rechtspartei», München, 1967, S. 37 (далее: H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie...).
- ⁸ *Ibid.*, S. 38.
- ⁹ «NPD Kurier».
- ¹⁰ W. Smoydzin, NPD, S. 260.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² «NPD Kurier».
- ¹³ W. Smoydzin, NPD, S. 263.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ «NPD Kurier».
- ¹⁶ «Graubuch», S. 360.
- ¹⁷ H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., S. 42.
- ¹⁸ «NPD Kurier».
- ¹⁹ L. Müller, Die NPD, Duisburg, 1965, S. 15.
- ²⁰ «Graubuch», SS. 347—348.
- ²¹ «NPD Kurier».
- ²² «Stern», 12. Juli 1964.
- ²³ «Süddeutsche Zeitung», 19. Jan. 1967.
- ²⁴ «Frankfurter Allgemeine», 12. Nov. 1966.
- ²⁵ H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., S. 39.
- ²⁶ «NPD Kurier».
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ «Die Welt», 9. Jan. 1967.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., S. 28.
- ³¹ «Goebbels spricht», Oldenburg, 1933, S. 35.
- ³² H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., S. 39.
- ³³ «NPD Kurier».
- ³⁴ «DN», 21. Mai 1965.
- ³⁵ «Graubuch», S. 370.
- ³⁶ *Ibid.*, S. 369.
- ³⁷ «NPD Kurier».
- ³⁸ H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., S. 39.
- ³⁹ «NPD Kurier».
- ⁴⁰ «Dokumentation der Zeit», Nr. 375/5.
- ⁴¹ «NPD Kurier».
- ⁴² «Graubuch», S. 358.
- ⁴³ «DN», 24. Juli 1966.
- ⁴⁴ «Graubuch», S. 358.
- ⁴⁵ «Graubuch», S. 358; H. Maier, NPD — Struktur und Ideologie..., SS. 46—47.
- ⁴⁶ W. Smoydzin, NPD, S. 179.
- ⁴⁷ «Times», Nov. 30, 1966.
- ⁴⁸ «DN», 24. Dez. 1965.
- ⁴⁹ F. Richards, Die NPD. Alternative oder Wiederkehr? München, 1967, S. 63.

- ⁵⁰ «NPD Kurier».
⁵¹ «Der Spiegel», 1. Mai 1967, S. 108.
⁵² W. S m o y d z i n, NPD, S. 161.
⁵³ I b i d., SS. 162—164.
⁵⁴ I b i d., SS. 165—166, 168.
⁵⁵ H. M a i e r, NPD — Struktur und Ideologie., SS. 41—42.
⁵⁶ «NPD Kurier».
⁵⁷ «Graubuch», S. 367.
⁵⁸ «NPD Kurier».
⁵⁹ «DN», 27. Jan. 1967.
⁶⁰ «Bulletin des Presse- und Informationsdienstes der Bundesregierung», Nr. 75, 18. Apr. 1962; Nr. 42, 7. März 1963.
⁶¹ «Das Parlament», 14. Juni 1967, S. 25.
⁶² «Capital», 1967, Nr. 5, S. 55.
⁶³ I b i d., S. 54.
⁶⁴ I b i d., S. 56.
⁶⁵ «Непреодоленное прошлое...», стр. 60.
⁶⁶ L. M ü l l e r, Die NPD. Eine Auseinandersetzung mit dem Neonazismus in der Bundesrepublik, Duisburg, S. 19.
⁶⁷ «Der Spiegel», 28. Nov. 1966, S. 41.

К главе V

- ¹ «Süddeutsche Zeitung», 10. Nov. 1966.
² «Politische Meinung», 1967, B. 12, S. 25.
³ «Der Spiegel», 28. Nov. 1966.
⁴ H. M a i e r, NPD — Struktur und Ideologie., SS. 39—40.
⁵ «NPD Kurier».
⁶ «Der Spiegel», 13. Febr. 1967.
⁷ «Graubuch», S. 326.
⁸ «Stuttgarter Zeitung», 21. Juli 1967.
⁹ «Der Spiegel», 1967, Nr. 7.
¹⁰ «Die Bundeswehr», 1964, H. 6.
¹¹ «Graubuch», S. 338.
¹² «BPB-Korrespondenz», 14. Dez. 1966.
¹³ «Der Spiegel», 1966, Nr. 17.
¹⁴ «DN», 22. Juli 1966.
¹⁵ «National oder Radikal? S. 113.

К главе VI

- ¹ «Graubuch», SS. 364—365.
² «DN», 3. Febr. 1967.
³ «Stuttgarter Nachrichten», 28. Febr. 1967.
⁴ «Stern», 10. Apr. 1966.

От автора	3
<i>Глава I. Гром среди ясного неба?</i>	5
Первые грозные раскаты	5
Снова гремят барабаны	6
Не в бровь, а в глаз	10
Грызня в коричневом семействе	14
Под звуки государственного гимна	19
Вперед, на бундестаг!	23
<i>Глава II. Откуда есть пошли неонацисты</i>	30
Рождение партии неисправимых	30
Правое крыло пангерманского орла	31
«Согнутые, почти придавленные до земли, но не сло- мленные»	33
На гребне национальной волны	37
Наследник Гитлера	42
Эксперименты Адольфа фон Таддена	48
<i>Глава III. Великогерманское сердце бьется справа</i>	59
1. Экономика	62
Старые хозяева в новом доме	62
Сборы в новый поход за «великую Германию»	65
2. Идеология	69
На старой кляче, под истрепанными знаменами	69
Разбуженный зверь национализма	74
3. Политика	81
Смертельные пороки боннской внешней политики	81
На пути к открытой диктатуре	87
Новый приступ мании величия	94
Полюбовное разделение труда	99
<i>Глава IV. НДП: лицо и изнанка</i>	107
Две стороны одной медали	107
Смена декораций	110
Куда зовут коричневые авгуры	114
Любят ли неонацисты американцев?	122
«Каждому свое»	127
Идеология расизма и ненависти	132
Приют разочарованных и недовольных	141

Неонацистская элита: кто есть кто	146
Саморазоблачающая печать и публицистика	149
«Святая святых» — деньги	156
Глава V. «Национальный лагерь» неисправимых и обманутых	164
В погоне за голосами	164
География побед	170
Ставка на мелкобуржуазную стихию	175
НДП прорвалась в казармы	180
На прицеле — молодежь	186
Глава VI. Веление истории — бдительность	191
За ХДС, как у Христа за пазухой	191
Память сердца не стынет	196
Примечания	203

Владимир Борисович Ломейко

Есть ли шансы у нового Адольфа?

Редактор *К. К. Степин*. Обложка художника *Н. Н. Румянцева*. Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*. Технический редактор *А. А. Павловский*. Корректор *Л. Ф. Крылова*

А-03241. Сдано в набор 20/III 1968 г. Подписано в печать 29/V 1968 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 10,92+0,42 вкл. Уч.-изд. л. 11,79+0,32 вкл. Тираж 30 000 экз.

Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7
Зак. № 919

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97

Цена 74 коп.

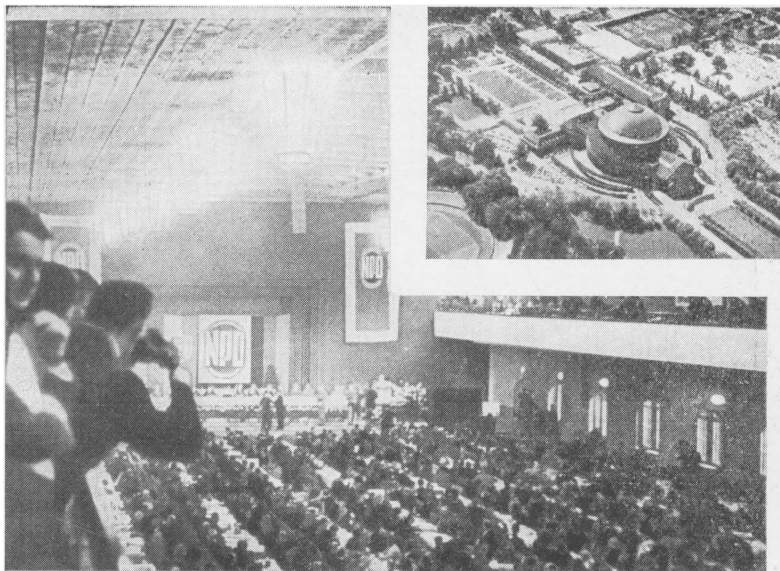
II съезд НДП вызвал широкую волну протестов демократической общественности.

Чем не идиллическая картина? Вход в здание, где проходил III съезд неонацистов, украшают гирлянды из еловых веток. Все так и пахнет мнимой благопристойностью.

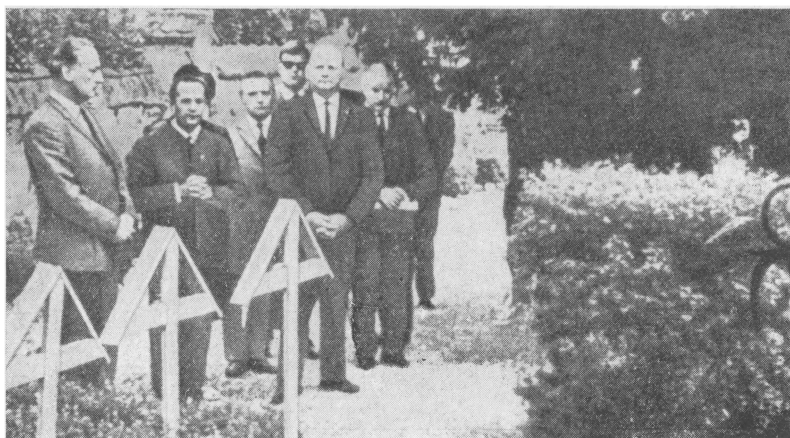
Восторженно приветствуют западногерманские филистеры своего нового Адольфа.

В Ганновере, в крупнейшем зале Нидерзансен-халле, где собралось более 1500 делегатов-неонацистов на III съезд НДП, прозвучал призыв нового Адольфа: „Вперед, на бундестаг!“.

Лидеры НДП на кладбище в Ландсберге почтили память назначенных военных преступников (в первом ряду слева Адольф фон Тадден).

Депутат от НДП Шмитт. Гитлеровские награды и свастика — лучшая реклама в предвыборной борьбе.

Вчера — игрушечный пистолет, сегодня — военная выучка под шефством бундесвера, а завтра...

И снова, как когда-то, в костер бросают книги инакомыслящих (Дюссельдорф, 1965 г.).

Таким представил Адольфа фон Таддена своим читателям французский журнал „Нувель обсерватор“.

Чрезвычайные законы — шаг на пути к открытой диктатуре. И трудящиеся идут на улицы, чтобы выразить свой решительный протест.

Одна из демонстраций протеста у здания, где проходил III съезд НДП. Металлисты, рабочие заводов „АЭГ-Телефуннен“ пришли с плакатами: „НДП — свастика — диктатура! Никогда больше!“, „Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало это!“ (т. е. свастику и НДП).

„НДП растет на дерьме ХДС и СДПГ“ — написано на плакате. Сказано не в бровь, а в глаз.

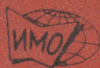

„Национализм — отец войны“ — написано на центральном плакате. Демократическая молодежь Западной Германии хорошо знает, куда ведет националистическая истерия.

Цена 74 коп.

3

4

ЕСТЬ ЛИ ШАНСЫ У НОВОГО АДЛЪФА?